

**...АРМиЯ.org.su**

**21+**

## Предисловие

Это вторая моя книга. Эта книга, уже, написана умышленно, вдогонку первой. Тема этого повествования, постоянно сопровождает мои воспоминания о прошлой жизни, и не отпускает, ни своей приятностью, ни своей гадостностью. Армия – это не просто значимый период в моей жизни, это – часть меня и моего общества, в котором я пребывал и пребываю. По тексту книги, употреблён мат, а значит – её может читать только созревшая личность. Его в ней много, но он обязан здесь быть, потому что только с его помощью, и его красочностью, можно передать истинные настроения происходящего тогда. Потому, что именно он – «философствовал» в том Мире Армии, в тех событиях. Армия – это организация, инструмент власти. Я, так же, как и в прошлой своей книге, рисовал слова и предложения с ошибками, выдумывал их, небрежничал и хулиганил с орфографией и синтактикой, настаивая на своём праве автора на такой стилистике изложения и написания. Именно – «рисовал». Это – усиливает моё понимание себя самого, как «художника», как свободного человека, как европейца, и моё право, на самовыражение таким способом, тоже. Я имею право «рисовать текст» таким, каким я его вижу, чтобы передать своё настроение, к тому, или иному, вопросу.

В книге много правды и соответствия действительности, но есть и авторский вымысел, чуть-чуть. Этот вымысел имел право быть реальностью, и мог быть в действительности. Все персонажи книги, реально существующие или существовавшие люди. Я мог просто забыть, не знать или умышленно изменить их настоящие имена или статус, но события, в которых они принимали участие, происходили на самом деле. Я хочу, чтобы читатель, снова, как и в прошлой книге, читал и видел описанные мной события, своими глазами, и под углом своего личного жизненного опыта, образования и интеллекта. Одну и ту же фразу, каждый человек может, и должен, понимать по-своему. Не стоит уцербить себя мыслью о том, правильно ли понят тот или иной текст, изложенный мной в этой книге. Я настаиваю на Вашей свободе понимания тех событий, которые происходили вокруг меня. Мне хочется насытить Вас, Вашей фантазией о «прочитанном времени». Тот, кто служил параллельно со мной, в «Той Армии», наверняка поймёт многое из того, что здесь изложено. Тот, кто в ней не служил, пусть просто узнает о ней, и задумается над узанным. Пусть сравнит свои прежние представления о «Той Армии», и нынешние – после прочтения.

Если Вы прочли предисловие, тогда можете приступать к прочтению. Иначе, Вы, возможно, не до конца будете понимать, что и зачем написано именно так, как написано ниже. Смачного!

## Техникум

Летом 1985 года мне выдали диплом синего цвета, в котором было написано, что теперь, я стал горным электромехаником. В нём стояла настоящая гербовая печать. Техникум, который я окончил, был расположен напротив ЦУМа - центрального универсального магазина, в городе Донецке. Группа, в которой я проучился почти четыре года, состояла из одних мальчиков. По специальности «горная электромеханика» существовало три группы. Я состоял в группе под номером один. В процессе получения образования и пребывания в техникуме, я понял, что порядковый номер группы, как бы определял уровень вменяемости её членов. Возможно, группы формировались по принципу: «сначала лучшие», а потом «все остальные». В первой группе – были самые вменяемые, как в итоге, и показала последующая жизнь. Во второй – менее вменяемые, а в третьей – более, НЕвменяемые. Но исключения из правил, конечно же, составляли отдельные личности, как с одной стороны «вопроса», так и с другой. То есть – в каждой из групп, присутствовало пару-тройку буйных мальчиков, которые обладали устойчивыми навыками и способностью имплементации практического идиотизма в повседневную жизнь, во втором его смысловом значении, толкуемом Википедией, равно как и то, что во всех трёх группах, были и хорошие, «светлые» мальчики – спокойные, нормальные, культурные и воспитанные. Хотя первых, всё же, по количественно-качественному критерию, было больше, и «сияли» они – «ярче».

Все мальчики были комсомольцами, и поступили в техникум, после окончания восьмого класса. Исключение составляли две особи мужского пола. Почему «особи»? Да потому, что назвать их мальчиками, как-то будет неправильно, т.к. они уже давно окончили десять классов. Тогда школьное образование было десятилетнее. Назвать их мужчинами, ну тоже, как-то неправильно было бы, потому что в армии они не служили, и служить по всей вероятности не собирались и не хотели. Почему их не забирали в армию, они не скрывали. Хвастали тем, что их мамы и папы, отмазали их от этого «священного долга», и тем, что в армию идут только лохи. Если нам всем, на момент окончания техникума, было по восемнадцать, то этим двоим переросткам-мажорам, было уже за двадцать.

Учёба в техникуме, кроме поверхностного познания шахтного электричества, обучила меня существованию в мужском коллективе, а также – рационально-практическому распоряжению своим временем в режиме семестровой цикличности, и успешному «решению» экзаменационных сессий.

Особое внимание, я хотел бы акцентировать на личности нашего куратора. Это тот персонаж, который в школе, называют «классным руководителем». Человек он был не плохой, маленького роста, всегда с покраснело-буро-розовым лицом. Он часто и много, употреблял различные спиртные напитки с другими преподавателями техникума, в техникумовских каптёрках и методкабинетах. Преподавал он курс «Теоретической механики»

(«Теормех») и «Сопротивление материалов» («Сопромат»). Когда он излагал лекции по этим дисциплинам, то всегда что-то писал на доске. Разобрать его писанину, было достаточно сложно, почти нереально, а то, что он нам излагал не поддавалось нашему пониманию и осмыслению, потому что на самых первых лекциях по этим дисциплинам, он нам сказал, что мы всё равно ниХХуя не поймём, что он и сам – ниХХуя в этом особо-то и не понимает. Но тогда, я ему не поверил, точнее – принял это за куражную шутку с его стороны, и с усердием принялся записывать все его словесные перлы, и выебоны на доске, в конспект. Но через пару недель, я ему всё-таки вынужден был поверить. Особенно после того, как он однажды, закончив доклад материала, медленно двигаясь по аудитории между тремя рядами столов, за которыми сидели мы – студенты, и, договаривая тему лекции, в подтверждение её окончания, стал вытирать свои испачканные мелом руки, о спинной пиджак Бори. А при этом, Боря, ссутулившись к поверхности стола, за которым сидел, безропотно, хотя и удивлённо молчал. Боря в душе наверняка возмущался, но противостоять действиям взрослого человека – преподавателя, куратора, и просто – зрелого мужчины, под истошный рыгот и ржачь почти всей группы, у него, как-то не получилось. «Семена», такое прозвище было у куратора – производная от его фамилии Семенченко, конечно же, потом, типа извинился. Застенчиво и кокетливо, гримасничая и лукаво улыбаясь перед нами, он объяснил испачканность Бороного костюма мелом, как фактор навалившегося на Борю необычайного счастья того, что белый цвет – это самый чистый цвет среди всех цветов, существующих на нашей планете, и что Боря, должен гордиться и радоваться своей испачканности в белый мел. Такое «оригинальное» поведение моего куратора, повергло меня в некую разновидность юношеского шока, и окончательно укрепило веру моего сознания и подсознания в невозможность освоения таких важных дисциплин как теормеханика и сопромат. Так он себя вёл на протяжении всего времени моего знакомства с ним, и это было ещё сносно, по-сравнению с тем, что иногда, стоя в конце аудитории, когда его никто из студентов не видел, он бросал кусок мела в доску, на которой были начертаны его хуероглифы с признаками физико-математических формул. Мел с грохотом разлетался в разные стороны, а куратор, радостный от того, что все испуганно вострепнулись от резкого звука, всё также, с кокетливым жеманством улыбки хронического алкоголика, спокойно и размеренно, продолжал надиктовывать «свои перлы» в наши конспекты, как будто бы ничего не произошло.

Будучи спокойным и уравновешенным мальчиком из культурной семьи, меня, конечно же, возмущало такое ненормальное поведение педагога, но выражать своё недовольство активным и открытым протестом, ни я, ни кто-либо другой из студентов, даже не пытались. Не пытались потому, что в «той стране», ЭТО – так должно было быть. Это – было нормальной моделью поведения – когда «старший», преобладал и высокомерил над «младшим». Жаловаться или рассказать кому-нибудь из руководствующей администрации техникума, о НЕнормальном поведении преподавателя,

считалось «СТУКАЧЕСТВОМ», и вписывалось в философию «НЕПОПОНЯТИЯМ». В «той стране», например, было круто и модно хвастать тем, что «твой» родной брат, отец или кто-то из близких «тебе» родственников, сидит или сидел в тюрьме, прошёл «зону», и, или – уже «откинулся». Ну, по крайней мере, мне, и моему окружению пацанов, так должно было думаться. Эта крутизна котирировалась на основные массы пролетариата, его массовое сознание, и – тайно не приветствовалась нормальной, образованной, и интеллигентной прослойкой того «социалистического общества». Люди интеллектуально-сформированные, не обезображенные идеями «зоновской доктрины», старались ускользать от таких территорий социального общения, где присутствовала и главенствовала, та самая, «зоновская доктрина».

**Справка:** Термин «зоновская доктрина» – это выдуманное и употреблённое мною понятие, предназначенное передать самим своим звучанием, социальный настрой общества, и обозначает целый ряд символических маркеров-ориентиров, на которые это общество равняется, принимает их с гордостью и раболепием, употребляет их, как «нормы закона», в своей повседневной жизни и в общении с другими членами этого общества. Это – термин, передающий желание и согласие, достаточно большой массы общества, жить и почитать, повиноваться и продвигать, воровские правила и устои-порядки уголовного мира в обычной, не уголовной, среде. Это – когда люди, никогда не отбывавшие наказания в виде лишения свободы, и не являющиеся криминальными элементами, для устрашения окружающих, и придания себе значимости в отдельно взятом обществе и ситуации, то ли это – друзья, то ли это – знакомые, соседи или впервые встретившиеся в очереди за колбасой люди, употребляют блатной жаргон и уголовно-воровские манеры поведения.

В техникуме, который формировал из меня стрессоустойчивое существо, преподавателями работало ещё с десятков педагогов-фриков, мягко выражаясь – «неординарных» личностей, сродни нашему куратору «Семене»... Курс «Электротехники», читала женщина преклонного возраста, лет под восемьдесят. Студенты, промеж собой, называли её «Баба Зина». Истинное её название было «Зинаида Николаевна Рудковская». Свою первую лекцию, и знакомство с нами, она начала с рассказа о том, что в молодости, в рабочем общежитии, в Днепропетровске, она спала, но правда через стенку, с Леонидом Ильичом Брежневым...!!!, и этим биографическим фактом очень гордилась. А в тот год, Л.И.Брежнев, был ещё жив, ...но очень еле..., жив! Такое повествование вызвало бурную реакцию у люмпената нашей группы. Бурная реакция выражалась в идиотском писклявом ухухукании и быдловатом гыгыкании, а один из сидящих на галёрке отпрысков этого рабочего пролетарского сословия, под общий шумок, громко, протяжно и красочно, ...сымитировал смачную и протяжную отрыжку !!!, да так

правдоподобно и красочно, что от естественного незлого смеха, не смогла удержаться и остальная, нормальная, часть студенческой аудитории. В общем, закончилось всё тем, что Баба Зина придя в старушечье беснование, выгнала из аудитории в коридор половину состава нашей группы, причём, невинную её часть в этой эрекции подростковой весёлости.

Юношу, который не по-детски отрыгнул во всеуслышание, именовали Женя (Евгений). Идиотом он был отменным. Слыл в наших студенческих кругах, как знаток женской сущности. Он был плотненькой детиной, а морда его лица пышала здоровым пятновато-розовым румянцем. Светло-русые, удлинённые, вечно засаленные, обсмоктанные волосы на его голове, были разделены центральным пробором, и обе их половины были заправлены за уши. Их естественный «природный запах», был устойчиво ощутим на расстоянии метра. Его ногти на руках были заблаговременно и тщательно обгрызаны, а постоянно проявляющиеся заусеницы, не позволяли Жене скучать даже тогда, когда он оставался в одиночестве. Об этом, мне казалось, он думал постоянно, и даже тогда, когда беседовал с экзаменатором, или девушкой. Так вот – его познания в области женской сущности заключались в том, что раз в неделю он рассказывал нам о том, как с друзьями, накануне вечером, у другана на хате, они классно развели чувиху. Как она должна была взять в рот у каждого... Как её видали ...и сзади, ...и спереди, и как она, на поверку, оказывалась, ...и девственницей, ...и студенткой мединститута, ...и дочерью директора школы, ...и домохозяйкой-женой высокопоставленного начальника, ...и темнокожей студенткой-мусульманкой из Нигерии, ...и одинокой женщиной бальзаковского возраста, с жигулёвой шестёркой и трёхкомнатным кооперативом, ...и...! !...Чего только не познал в мире сексуальных утех и искушений, этот мачо с окраины Большого города и внешностью Шрэка, в свои 15-17 лет...!!!!??? В перерыве между парами, возле коридорного подоконника, или на уличном перекуре, он трещал истории разврата под аккомпанемент открытых ртов согруппников, которые ещё не были искушены «мастерством грубого обольщения», как он выражался: «...шмар, кабыл, тёлак, прышмандовок, чувих и мачалок...». В его «половом лексиконе», не было места для слов уважающих женскую природу или её начала. Так, чтобы было понятно, «поручик Ржевский» – герой-любовник целой серии пошлых анекдотов, в сравнении с Евгением, являл собой образец высококультурного офицера и джентльмена.

Любимым развлечением Жени, как он считал невинной ШАЛОСТЬЮ!!!, было забрасывание незатушенного окурка, через открытое окно в салон легкового автомобиля, стоящего на светофоре или у ожидающей бордюры. А если окурка под рукой не оказывалось, а окно было привлекательно открытым, то Евгений заплёвывал на заднее сидение чужих «Жигулей», сочный ХАРЧЁК своих вечно зелёных соплей. При этом «развлечении», отходя на безопасное расстояние от «объекта нападков», Женя занимался безудержным смехом идиота, думая, что эта «шутливая выходка» по душе всем его спутникам. Некоторым это действительно нравилось. Они демонстрировали свой восторг тем же способом – корчась к асфальту в

приседающих судорогах идиотского смеха, ломающихся голосов созревающих подростков.

Однажды, я сделал ему замечание, и сказал: «А если бы это был автомобиль твоего отца?». Он впал в ступор непонимания. По его тупому вопрошающему взгляду прола, было понятно, что он даже мысли не допускал о том, что кто-то кроме него, может сделать точно также, но уже по отношению к его имуществу или имуществу его семьи.

**Справка:** «Прол» – это позаимствованный у одного из известных писателей, термин, обозначающий представителя одной из крупнейших и «харизматичных» социально-генетических сущностей прослойки человеческого общества, именуемой ничем иным, как – «пролетариат». «Прол» – «пролетарий».

С таких моментов, для меня отчётливо определялась грань пропасти, разделяющая его рабоче-крестьянское мировоззрение, от моего НЕпролетарского, НЕсоциалистического, но враждебного – капиталистического, идущего вразрез линии «ПартииПравительства». Это проявлялось во взглядах, в голосе, в поведении, критике всего того, что делал или говорил я. Всякий раз он ждал и это чувствовалось – когда я «оступлюсь», чтобы иметь возможность вместе со своими единомышленниками и сораотниками по пролетарскому происхождению, поддеть меня или оскорбить, как они выражались – «зачмЫрить». Но было очевидно, что «ОНИ» завидуют моей интеллигентной нормальности, и не хотят, и не могут, и не в состоянии признать своей собственной социально-идеологической ущербности.

Время шло, мы выросли. У некоторых из нас завязывались отношения с представительницами противоположного пола. В нашей группе был мальчик мужланистого образа, он был очень влюбчивым и периодически заводил «романы» с девушками-студентками из нашего техникума. Он встречался с ними на переменах, на третьем этаже в фойе возле балконных перил. Он стоял обняв свою возлюбленную и сверля её лицо своим вербально-влюблённым взглядом Ромео. Такая картина, своим пассажем, конечно же, вызывала улыбку реакцию окружающих и проходящих мимо, и студентов и преподавателей. Они смотрели, саркастически ухмыкивали проходя мимо, от воспитанности, учтиво, отводили взгляды в сторону от «влюблённых», и потом – обсуждали шушукаясь. «Влюблённого» это не смущало. Он уверенно понимал, что ЭТО, именно ТАК, и должно было выглядеть со стороны, когда происходит любовь. Его избранниц, по-видимому, именно такое поведение «Ромео» и раздражало, а потому и становилось причиной разрыва отношений с ним, ...Наверное.

Эта особенность поведения «Влюблённого», очень притягивала к себе внимание Евгения, того самого, который был генетическим идиотом. Он навязчиво охотился за «Влюблённым», и всякий раз, когда парочка занимала свою выгульную локацию, приближался к ним, и как-нибудь идиотничал. Ну, например, однажды, он подошёл к ним вплотную, и, заглядывая своими

коровьими глазами в лица, провоцирующе спросил у него: «Ты её любишь?». Получив утвердительный ответ, этот идиот адресовал тот же вопрос и ей. А когда она, так же, вынужденно обстоятельствам ответила утвердительно и даже гордовато, несмотря на издёвческий тон вопрошающего, то Женя, произнёс, как он наверное полагал, очень остроумную фразу: «А почему вы тогда не поженитесь...?». Искренне радуясь случившемуся диалогу, и своей собственной неотразимости, остроумию и непобедимости, по-идиотски гыгыкая, пошёл прочь. Это ещё ничего. В очередной раз, «после пива», этот дегенерат подошёл с тем же вопросом, и когда получил утвердительные ответы, предложил влюблённым представить своего избранника сидящим в туалете на унитазах, ...«по-взрослому»... Но этой «шутки», ему уже прощено не было, и Женя тут же, и неожиданно, хорошо отхватил по умывальнику. Больше, в сторону «Влюблённого», Женя никогда не «озорничал».

### Директор

Директором нашего техникума был кавказец. Мужчина высокий, интересный, всегда ходил переодетый в костюм с белой рубашкой и в туфлях. Кто его назначил командиром образовательного учреждения, было совсем не понятно. Педагогического образования у него не было, но говорили, что у него был какой-то диплом текстильного техникума какой-то горной кавказской республики, откуда он приехал. Разговаривал он с кавказским акцентом, особенно, и очень подчеркнуто, когда беседовал с симпатичной студенточкой. Ходили слухи, что он, регулярно-периодически, вступал в интимные отношения с некоторыми приглянувшимися ему студентками-старшекурсницами. Тех из них, кто ему нравился и был благосклонен к его телесным порывам мужской физиологии, он записывал во всякие общественные деятельности. В комсоргши, в профоргши, в докладчицы или помощницы-порученки. Курировал их общественную деятельность, назначенную им же самим.

**Справка:** В те годы развитого социализма, существовало много разных сокращений. Из нескольких слов складывали одно. Универмаг – универсальный магазин. Завмаг – заведующий магазином. Облсовпроф – областной совет профсоюзов. И так далее. Вот и здесь. Профорг – профсоюзный организатор. Комсорг – комсомольский организатор. Это если «организаторы» мужского пола, а если женского, то добавлялось окончание, обозначающее половую принадлежность такого «организатора». Эти сокращения и сейчас, в громадном количестве, бороздят нашу речь. Их уже даже и в словари записали. Я понимаю, что эти сокращения, достались нам из Той Страны, которую объявили после революции 1917 года. «Они» меняли не только старый царский режим, но и всё что могли. Языку тоже досталось. Помните – «совнаркомы» – совет народных комиссаров...?



Директор вызывал к себе в кабинет, беседовал, учил жизни, советовал, угощал чаем-кофе с печенье-конфетами, а потом, когда в отношениях начинал прорасти росток симпатии, выгоды, или страха, склонял к вступлению в «непростые отношения». Симпатия – это понятно..., это – когда дядя, понравился девушке. Выгода – это когда девушка проникалась заботой «сильного мира сего» о ней, и приходила к выводу о том, что с ДИРЕКТОРОМ выгодно иметь шашлыки, и тогда – он будет помогать ей УЧИТЬСЯ, да и с распределением после окончания техникума сможет помочь, ...наверное. Страх – это когда студентка попадала в какую-нибудь неприятную историю и вопрос об её отчислении из техникума, лежал на столе высокогорного директора, и только он способен был решить дальнейшую судьбу симпатичной, но «попавшей в беду» девушки. К понятию «неприятная история», относились такие жизненные неурядицы, как – несданная в сессию сложная дисциплина, мелкая кража из универмага, драка на дискотеке, пьянка или половое созревание в комнате друга в техникумовском общежитии, антисоветское высказывание или пересказ политического анекдота про «дорогого леонида ильича». Все эти попадаловы, были определены советским обществом в статус «аморального поведения, недостойного звания советского студента». Потому и соглашались девицы-красавицы на «неуставные отношения» с любвеобильным директором-джигитом. Одним из главных условий, которое чётко соблюдал горный человек, в охоте за клубничкой, это было условие относительной независимости девушки от родительской заботы и их морального бдения. Те из них, кто уже пропустил через себя, свой ум, честь и совесть, бремя стыдницы-наложницы, по признаку «Симпатия» и «Выгода», вновь попав в кабинет горца, были уже угощены не только кофе-чаем с печенье-конфетами, но и коньяко-икорными излишествами с сигаретно-матюкливыми беседами. Одна из таких дев, как-то хвастала подругам, что была облобызана ненасытным педагогом прямо в его кабинете, на рабочем столе повелителя баранов, два раза поспил – сначала сзади, а потом лёжа на спине.

В одной из групп «Обогатителей углей», в которых готовили специалистов для углеобогатительной отрасли народного хозяйства, училась девушка из моей школы, которая была на два года старше меня. Она была красивой, с очень женственной фигурой. Одевалась по-взрослому. Женский юбочный костюм, блузки, свитерки, кофточки, сапожки с каблучками и тому подобное... У неё даже был норковый берет. Пальто было взрослое, элегантное, наверное из драпа. Мохеровый шарф. Лицо у неё было правильных пропорций с красивыми глазами, ресницами и губами. Она мне казалась очень интеллигентной. Была каким-то комсоргом или активисткой. Её почти всегда можно было увидеть вместе с директором техникума. Она носила какие-то папки с документами. Я их взрослую жизнь не понимал, потому что был далёк от истинного понимания пути к коммунистическому будущему. Нет, я был не против наступления коммунизма, но представлял его себе очень смутно. Я просто не разбирался в тонкостях процесса его

достижения путём комсомольских собраний и всяких других соборищ, которые устраивали «ТОВАРИЩИ». Очевидно, что она была одной из разбирающихся. Так я думал. Где-то в середине учёбы, мне стало известно о том, что эта девушка была любовницей директора. Об этом мне поведал её одноклассник, мой бывший одноклассник, который тоже учился в этом техникуме.

История была такая себе... После первого семестра второго курса, их группа «1-ОБ-81» (Обогащение Углей) поехала куда-то на Северный Кавказ, на каникулы. Там они жили в каком-то студенческом общежитии, по протекции и связям нашего директора-джигита, по программе обмена студентами. Комнат не хватало, и получилось так, что мальчики жили вместе с девочками, в одной комнате. ...!!! И местный, какой-то джигит, запал на эту девушку, а так как горцы – это нетерпеливые люди, настойчивые и решительные, хотя и достаточно дикие в отдельных случаях, то добровольно-насильственный акт полового совокупления между этой девушкой и этим Чунга-Чгуком, произошёл в присутствии половины группы Обогащителей Углей, ...ночью, ...в полной темноте, ...на одноместной железной кровати, ...после долгих препинаний со стороны девушки, ...после слёз и угроз, ...под молчаливое свидетельство товарищей-подружек-комсомольцев-одноклассников, которые из-за боязни межнационального конфликта с местными горцами, не стали вступаться за честь несчастно-поруганной девушки. Все лежали в темноте, и делали вид, что громко и крепко спят. А начиналось всё с того, что вечером в комнату, где жили «наши», пришли представители местных племён, населяющих близлежащие горные склоны, в гости познакомиться. Они пришли поддержать своего – того, которому понравилась эта девушка. Джигиты расселись по кроватям, на правах хозяев территории, и стали флиртовать с девчонками, «вежливо» вынудив «наших» «мальчишек» уйти подышать свежим горным воздухом. А когда уже стало совсем позднеть, то Чунга-Чгук, уверенно улёгся на кровать этой девушки, вместе с ней, одетым, в начищенных модных туфлях с каблуками, не позволяя ей встать и уйти. И вроде в шутку..., и вроде ей это нравилось..., сначала, а потом – вроде уже и жаловаться не на что..., да и некому, ...ситуация затянулась. Уже и свет погасили, а джигит всё не уходит. Вот и произошло природное противостояние Инь и Янь, «на глазах» у всего «Товарищества». Так в этой сцене, вроде, как рассказывал мой бывший одноклассник Виталик, все ПРИСУТСТВОВАВШИЕ, отчётливо слышали в ночной тишине характерные звуки полового акта, совершаемого против воли будущей комсомольской активистки. И..., вроде бы..., даже... – неприродным и «извращённым» способом..., повторно..., длительно и неоднократно...!!!

Той ночью «длинных ножей», девушку попрекали до самого окончания ею техникума. Тыкали пальцами, зубоскалили и смаковали сплетности о её развратности и падшести. А я тогда задумался над этой историей, ...и пожалел её, ...и не мог понять... «А что, в той тёмной комнате не нашлось ни одного парня, который бы вступился за эту девушку...?». Я не мог понять

злорадства своего бывшего одноклассника, который в ту ночь, тихо и трусливо лежал на соседней кровати, и делал вид, что громко и крепко спит, и «не понимает», что рядом с ним, банально, насилуют девушку, его одноклассницу, а теперь, с надменным высокомерием «благородного», «честного» и «порядочного» человека, ехидно-пламенно осуждает её нецеломудренный «прОСТУПОК». А я понимаю и не осуждаю выбор девушки, когда она стала иметь некоторые отношения с директором нашего техникума...

Где-то в середине второго курса, к нам в группу поступил мальчик, его привезли по переводу из какого-то симферопольского техникума, в котором учили делать вина и коньяки. Национальности он был крымско-татарской, звали его тоже, по-татарски, – Рефат. Он был щупленький, с тонкой веснушчатой кожей на лице. Глаза его были прозрачно-голубы, стеклянны. Волосы редкие и торчащие от макушки во все стороны, наверняка не поддающиеся никакой укладке, белоснежно-жёлтого цвета. Они торчали как тоненькие спиралевидненькие проволочки, а кожа головы, волосная её часть, отполировано светилась солнечными зайчиками. Ножки у него были худенькие, а ручки тоненькие. Мне он напоминал освобождённого из Холокоста узника. Губы у него были красно-алые и тонкие, ...он был наркоманом. Он всегда что-то курил. Ребята его называли стебаловски, – «Кораблёвым». Когда он был вмазанный, то передвигался на полусогнутых, перемещаясь в пространстве, как корабль в штильном просторе океана – уверенно, целеустремлённо, ...но, по-наркомански, рассудительно-медленно. Складывалось впечатление, что он обосрался, и теперь – идёт так медленно, чтобы не растерять высранное, из штанов, по пути своего перемещения, дерьмо. Если его окликали со стороны, он медленно поворачивал голову в сторону оклика, внимательно всматриваясь в горизонт радиуса движения глаз, до тех пор, пока его заторможенный взгляд, не зафиксирует знакомое ему лицо, и мозг, идентифицирует его, с голосом его окликнувшим. Зрелище это было – обалденительное. Подметив эту его особенность поведения, мы частенько его окликали одновременно с разных сторон. В какой-то момент соображая, что его обнаркоченный интеллект не успевает реагировать на всё происходящее вокруг него, и его тупо троллят, Рефат медленно расплывался радушной и откровенной улыбкой идиота. Эту дурковатую улыбку юного наркомана, я вспоминаю и теперь. Она всегда была для меня эталоном определения человека, он – наркоман или нет. Он был первым человеком-наркоманом, которого я увидел в своей жизни так близко. Но в те годы, в советском союзе, официально считалось, что наркомании в стране нет, равно как и самих наркоманов. Я долго не верил, когда ребята из моей группы говорили, что Рефат употребляет наркотики. Думал, что он придушивается... Был телевизор, и он говорил, что наркомания и проституция – это пороки Западного Мира и Америки, а наш народ – высокодуховный и нравственный. Да и откуда в СССРе могли взяться наркотики, и когда? и где? (по времени), было заниматься проституцией?, ...если весь день комсомолки, был расписан доминутно? От автора (мысли вслух): «...Как будто бы только комсомолки

могли заниматься проституцией...☺.....!!???». И дело даже не в комсомолках, в принципе, просто всё женское население Советского Союза, которое находилось в проституционном возрасте, т.е. – в возрасте пригодном для сексуально-половой эксплуатации (использования), как правило, поголовно имели статус комсомолок. Ну, потому что начинать карьеру проститутки будучи членом партии, было уже как-то не комильфово, потому что в комсомолки «забирали» всех, а в члены партии «принимали» только «избранных». Да и те женщины – члены КПСС, которые своим образом жизни в быту, и своей функциональностью в узких партийных кругах, всё-таки, напоминали и походили на проститутку, уже именовались ни как иначе, как «товарищи по партии». А у «товарищей по партии», и дух – посылнее, и моральный облик – покрепче, да и манеры поведения – покоммунистичнее. Главное - это то, что в Советском Союзе, «СЕКСа НЕ-БЫ-ЛО».

В первом семестре второго курса, 10 ноября 1982 года, умер Брежнев – главный человек Советского Союза. Эти события я слегка запомнил. В тот день поползли какие-то тревожные слухи про это, но официально сообщили только на следующий день. Мы пришли в техникум как обычно. После первой пары занятия приостановили и собрали всех учащихся и преподавателей в актовом зале. Нам сообщили о том, что он умер, а в стране назначен траур на несколько дней, но мы всё-равно будем продолжать учебный процесс, и не должны поддаваться паническим настроениям. В техникуме сразу устроили презентацию этого замечательного события. В холле был установлен портрет умершего с траурной лентой на боку, а вокруг него, поставили горшки с цветами и почётный караул, из отличниц и отличников. Менялся караул траурно и членораздельно, с печалью на лицах и в походках часовых. Сразу, как только я узнал об этом событии, я подумал, что теперь на нас нападут, и начнётся «Атомная Война с Америкой». На глобусе Земного шара, Америк было две. Одна – Южная, а вторая Северная, на территории которой, и находился «наш враг» - США (Соединённые штаты Америки). Вот эта «Америка», и считалась той «Америкой», с которой и должна была начаться «Атомная Война», потому что Брежнев умер, а он один единственный сдерживал «Америку» от нападения на нас. Так тогда думали все, или почти все, потому что так, нам, рассказывал телевизор.

Особо встревоженным, озабоченным и убитым горем, вследствие «несвоевременной кончины» очередного командира Советского Государства и его Партии-Правительства, человеком, в нашем техникуме, оказалась Баба Зина. Эта печальная весть, торкнула Бабу Зину, НЕНАшутку. Она нацепила на своё серое шерстяное платье-сарафан, в котором ходила и зимой и летом бесценно, все свои награды и значки. Из наград, нацепленных ею на свою увядшую грудь, была только одна настоящая – орден «За труд», или что-то вроде того, который ей вручили потому, что не могли не вручить, в одну из годовщин Великого Октября. Остальные побрякушки – это были значки ГТО всех степеней, значки альпинистов, инструкторов-костроводов, спасателей на воде и на пожаре, юбилейные медальки, в честь всевозможных

социалистических событий, дат и городов, которые продавались во всех киосках «Союзпечати». Издали, в своей совокупности, они выглядели как настоящие боевые ордена и медали на груди ветерана «Великой Отечественной Войны». В те дни, Баба Зина передвигалась по техникуму с трагическим видом и печальной походкой, опустив взгляд себе под ноги, но с гордо приподнятым подбородком лица головы. В своей печали она походила на «Чёрную Вдову», не в смысле «паука», а в смысле «образа». Все в техникуме, почему-то, соболезовали именно ей, как будто бы она, была близкой родственницей умершего Брежнева, или как минимум его близкой подружкой. Такое положение вещей имело место ещё и потому, что Баба Зина, всех, просто заёбывала своими рассказами, о том, как она, в молодые комсомольские годы, в городе Днепродзержинске, спала в одном общежитии с «Дорогим Леонидом Ильичом», ...через стенку. Вот все и считали, что для неё, это – была утрата вселенского масштаба. Она с выразительным самозабвением принимала словесные и жестиккулярные соболезования от своих коллег и студентов-парт-активистов, которые встречая её в печальном дефилировании по коридорам техникума, кивками глаз или головы, подтверждали глобальную степень ЕЁ утраты, и их сочувственность лично, и именно, ЕЙ и ЕЁ горю. Поговаривали, что она даже собралась лететь в Москву на его похороны, но в аэропорту, её вовремя выследили и поймали родственники, чуть не потеряв старушку вообще, по-жизни, навсегда, потому что она, в виду отсутствия свободных мест на прямой рейс, купила билеты и собиралась лететь туда, с пересадками в Ереване и Новосибирске. Заботливые родственники уговорили её вернуться домой тем, что в день похорон, она должна будет произнести прощальную речь на партсобрании посвящённом памяти Брежнева, и что кроме неё, этого, никто сделать не в состоянии, а она – единственный человек в городе Донецке, которая лично была знакома с Леонидом Ильичом, и спала с ним в общежитии, через стенку.

В день похорон Брежнева, нас отпустили по домам, смотреть телевизор с его погребением. Я приехал на трамвае домой и включил телевизор, там действительно происходили похороны «Дорогого Леонида Ильича». По высоко-партийным традициям того времени, закапывали его под забором. Традиция закапывать особо отличившихся в советском государстве граждан, которые уже умерли, под забором своего логова, появилась у «кремлёвских» руководителей, наверное, после того, как они решили оставить себе на память тело Владимира Ильича Ленина, и положили его в мавзолей, именно возле этого забора, который теперь именуется «Кремлёвской стеной». Вообще-то, сначала, ещё перед Лениным, первым там закопали товарища Свердлова, а ещё раньше, там захоронили сотни три-четыре людей погибших «за идеалы революции». Такое их решение – хоронить «своих» неподалёку, понять можно. Во-первых: «Ну, какое православное кладбище, «ЭТО» или «ЭТИХ», выдержит?». Во-вторых: «Есть хоть какая-то гарантия того, что пока «ОНИ» у руля, «ИХ» не повыкопывают благодарные сограждане». Ну,

и, в-третьих: «Праздничные политические шабаши с мёртвыми, удобно устраивать – «ВСЕ РЯДОМ», тут – «ПОД ЗАБОРОМ»».

Весь траурный спектакль транслировался в прямом эфире с места события. Он был отрежиссирован очень чётко... Почётный караул, лимузины, партийные деятели... Местом этого «Красного Шабаша», была Красная Площадь на Москве. На этой легендарной площади, показывали и мавзолей Ленина, ведь хоронить Брежнева, собирались рядом с ним. Смотрел я телевизор, и думал: «Вот начнётся Атомная Война с Америкой, а я – так и не посетил мавзолей, и не посмотрел на мёртвого Ленина – «Вождя Всех Пролетариев»!». И стал я вдумываться в суть действия...! Лежит труп человека, пусть даже очень известного, а на него, посмотреть, приходят другие люди, – живые. В чём смысл? Это же какая-то дикость, граничащая с некрофилией и людоедством, – смотреть на труп давно умершего «Дедушки Ленина». А ведь туда, «К НЕМУ», ещё и детей водили, да и теперь ещё водят, особо преданные «Делу Ленина», ...долбоёбы(!!!).

Брежнева похоронили, а Атомная Война с Америкой не случилась, ни через день, ни через год...!!! Советские граждане привыкли, и успокоились. Потом был Андропов, Черненко, потом Горбачёв, и «Великую Державу» – загнали под шконку. А я бы сказал, что «ОНА» – сама себя загнала под шконку, войной в Афгане и подростково-имперскими амбициями. Мы – молодое поколение ТОЙ страны, продолжали жить с верой в лучшее, наше, будущее. Мы пережили андроповские облавы по кинотеатрам, продовольственную программу и развал «Империи Зла». Но это будет потом, а пока..., – мы продолжали «Строить Коммунизм» – оплот и фантазию всех угнетённых и страждущих трудящихся всего Мира – пролетариев.

### Пляж

Как и подобало всем подросткам, мне хотелось нравиться девушкам, потому я учился играть на гитаре и состоял в **Вокально-Инструментальном Ансамбле (ВИА)**. Участие в ВИА, и давало ту возможность нравиться девушкам и пользоваться у них успехом, потому что мы были похожи на «Звёзд Эстрады», и подразумевалось, что в будущем, могли ими стать, а это – в свою очередь означало, что та, которая быстрее сориентируется, и займёт место возлюбленной участника ВИА, та и сможет стать в будущем, женой-подругой, уже, настоящей «Звезды Эстрады». А это – и слава, и уважение, и несметные денежные богатства. Петя я стеснялся. Я был соло-гитаристом. После второго курса, наш ВИА «Созвездие», прошёл отбор на поездку в студенческий лагерь на берегу Азовского моря в посёлке Мелекино, Донецкой области. В лагере мы должны были играть по вечерам на танцах для отдыхающих студентов нашего техникума. Нас с музыкальной аппаратурой привезли в лагерь на автобусе. Поселили в блатную комнату, дали ключи от клуба и всяких подсобных помещений. Распорядку дня, утверждённому директором-джигитом, мы не подчинялись, жили в своё удовольствие. В столовую ходили, когда хотели, и нас там всегда были рады

видеть. Давали и оставляли нам самые смачные кусочки еды: котлетки, курятинку, сосисочки, компотик, жареную рыбку, ...в неограниченных размерах. Потому, что мы были легендами... Потому, что вечером под нашу дудку, все получали неопишуемые эмоции..., и готовы были ручаться с нами по-всякому, в том числе и кичиванием личным знакомством с нами. Эээээээээ...: Рок-Н-Рол, Земля в иллюминаторе, Мама-Мария, Поворот Анны Вески и «Машины Времени», Дым над водой, Феличита, ...и Гарри Мур - на завершение вечера, ...и мальчики, ...с полными штанами, ...уходили спать в свои комсомольские кровати

А мы....? – упаковав гитары, собрав барабаны, ...смотав километры шнуров и микрофоны, заблаговременно запасшись спиртным вином, местного рОзлива, принимали у себя гостей – прекрасных дев студенческого посола...

На пляже ночного Азовья, ::: ...пелись песни под гитару, ...пилОсь вино портвейновое, ...смажился списано-украденный из столовки мясной шашлык, ...пеклась картоха в углях, елась и запивалась, ...смехом и радостью, ...табачным дымом болгарских сигарет с фильтром «Родопи».

«...Будь кагор! - Всегда кагор...!».

«...А купаться голыми, под луной, не будете...? А-а-а – поехали...!!!».

И они жеманно снимали свои бюстики и трусики, и как бы от прохлады прикрывались сжатыми локотками рук, ...и бежали по Азовскому мелководью в темноту горячего «Моря Донбасса», в котором тогда, ещё, кстати, водился осётр, наполненный чёрной икрой.

Мы тянули ЗАруки своих ночных собеседниц, бежали в пучину гладкой, солёной, бархатисто-тёплой и йодистой, морской темноты, с единственной целью – иметь возможность в этой темноте, стоя по пояс в воде, тронуть своей рукой то желанное, что трогать не позволялось..., в светлый день и на неопьянённый Молодостью разум. И они нам подыгрывали...! Девушки делали вид, что противятся, но бежали увлекаемые нами, потому что хотели того же самого – просто жить. Такой сценарий вечера упрощал подход к нравившейся девушке, и переход на более интересные отношения с ней. Стиралась грань стыда и надуманной морали, ведь мы были объединены нашими умыслами и желаниями, и мы там были одни..., там не было «взрослых». Мы – сверстники и сверстницы...! Это уже потом – мы будем переборчивы в выборе партнёрш и партнёров, а тогда нам просто хотелось, ...и не факт, что хотелось взрослеть и становиться взрослыми. Мы были счастливы моментом происходящего с нами, потому что вся жизнь была у нас ещё впереди.

Спать мы укладывались под утро, на рассвете, когда повара уже разогревали свои котлы и сковородки. Утренняя свежесть морского бриза, забирала остатки наших сил и уносила в пространство сна. Мы крепко засыпали, набирались здоровья и росли, и телами, и умами. Мы были «Студенчеством» - самым прогрессивным классом любого государственного формирования, и даже нашего – «советского» и «социалистического».

Наша вокалистка, Танечка, была очень хороша собой. У неё была великолепная фигура, и она была деликатно воспитана. Её поселили в комнате с окном, в клубе. Она жила одна. Комната была достаточно уютной и там была кровать полуторка, не с железной сеткой, как у всех остальных студентов-курортников. Откуда взялась такая кровать в летнем студенческом лагере в те годы, я не знаю. Но когда директор-джигит приехал в студлагерь в конце смены с ревизией, то после определённых событий, он спал на этой кровати вместе с Танечкой.

На территории лагеря было несколько сооружений для удовлетворения своих природных потребностей. Примечательно то, что одно из них было предназначено только для преподавателей, которые тоже отдыхали со своими семьями в этом лагере. Так и было написано со всех сторон на стенах этого сооружения: «Туалет для преподавателей». В самом начале заезда смены, администрацией лагеря было объявлено о недопустимости посещения этого туалета студентами, и про наказание в случае несоблюдения этого правила – вплоть до отправки из лагеря домой. Тогда, в то время, такой запрет нами был воспринят, как само собой разумеющееся положение вещей. Дети, студенты, и все «несостоявшиеся в жизни» слои того социалистического общества, были автоматически вынесены за условные границы «достойного и полноценного» бытия. В той стране – это было нормально. А да, забыл пояснить, эти туалеты представляли собой кирпичную постройку с крышей. Они располагались на окраинах территории лагеря. Входы в женскую и мужскую половины, располагались с разных сторон здания или если были с одной стороны, то разделялись стеной так, что, находясь в проеме одной двери, нельзя было заглянуть в соседний. Самих дверей, как таковых, не было. Внутри было две, четыре, или шесть дырок, которые в лучшем случае разделялись перегородками без дверей. Почему количество отхожих дырок было чётным, и они не были отгорожены или закрыты друг от друга, я точно сказать не могу. Могу лишь предположить, что это было продумано и сделано умышленно, с единственной только целью, чтобы не оставлять человека идущего в «Светлое Коммунистическое Будущее», в гнусном одиночестве, наедине со своими тайнами, и чётъ его знает с какими мыслями и помыслами «О гамне» - грязными или чистыми, тёмными или светлыми.

Так вот - туалетной бумаги в этих туалетах не было. Её, впрочем, не было и в магазинах. Хотя была..., но «по-блату» или в огромной очереди. Вот такая вот была страна, где люди выстраивались в длинные очереди, для того, чтобы обеспечить себе возможность вытирать жопу специально изготовленной для этого случая, «мягкой бумагой». Её бережно хранили в запасе на праздничный и светлый день, для особого случая, чтобы выставить потом, этот дефицит, на показ, в собственном квартирном туалете, предоставив возможность вытереть жопу пришедшим в гости, другим людям. А сами – шлифовали свои, жёстким газетным свинцом, с фотопортретами лидеров-вождей этой страны, которые, и устроили, такое положение вещей. Вы только вдумайтесь, всмотритесь в этот факт! Ежедневно, по всей



территории яДИРНАЙ ДИРЖАВЫ, миллионы людей, тратили драгоценные минуты своей единственной жизни, в очереди, за бумажным приспособлением для вытирания жопы от гавна, а из-за фасадного стекла телевизорной коробки, «говорящие головы» рассказывали об экономических победах и цивилизационных достижениях этой ВИЛИКАЙ яДИРНАЙ ДИРЖАВЫ.

Рукомойник был только возле туалета «для преподавателей», на стене снаружи, ...под навесом от дождя, ...навверное. Вопрос: «Почему проектировщики-устроители этих стратегических сооружений определили, что руки после туалета имеют право мыть только преподаватели?», меня взволновал и постоянно теплился в дальнем уголке моего «бессовестного», «антисоветского» сознания. Ведь каждый культурный и сознательный советский гражданин, считал своим долгом, после приёма туалета, привселюдно, продемонстрировать помывку своих рук в туалетном рукомойнике, и даже без мыла, но всегда с серьезным выражением лица и серьезностью подхода к этому ритуалу, ставшему в СССРе традицией трудящихся масс. А если вокруг «зрителей» не было, то руки никто не мыл, ну если они, конечно же, действительно не были испачканы гавном или обоссаны, потому что каждый прекрасно понимал, что мытьё рук без мыла – это бесполезно. Это - дискомфортно и опасно для гигиенического здоровья, т.к. руки становились мокрыми, и их нечем было вытереть, а вентили кранов, навверняка, были грязными и покрыты колониями болезнетворных микроорганизмов, спрыгнувших с рук других людей, которые перед вами, уже отмывали эти свои руки от гавна в этом же общественном умывальнике. Кусок хозяйственного мыла на рукомойнике, если его туда иногда клали, жил не долго. Его, или пИздили предприимчивые граждане себе домой, или он раскисал от воды, либо он ронялся на землю и уже не поднимался, растапывался и засыхал. Я это знал. Меня этому научил мой отец. Я ходил в общественный туалет только в случае крайней необходимости, и в основном «по-маленькому». Руки я не обсыкал, вентили кранов не трогал. «По-большому» ходил дома. Вместо мытья рук в общественных уборных, я носил маленький пузырёк из-под мед.препарата, с резиновой пробочкой, внутрь которого, дома, заблаговременно, я наливал водку. Этой водкой я и протирал свои руки после общественного туалета, если в этом была необходимость. Это было проще, чем носить с собой своё мыло и полотенце. В лагере, на море, всё было по-другому - мы сливались с природой. У нас периодически случались поносы и всякие другие пищеварительные и желудочные расстройства. Было жарко, знойно и жадливо, и всяким кранам с водой, мы были рады, не смотря на их антигигиеничность.

И вот представьте себе, если бы не было разделение туалетов, на «студенческие» и «преподавательские»...! Вы заходите в туалет, а там, на корточках, над чёрной дырой в бездну, сидит в самом разгаре процесса самоочищения организма от гамна, в активной его фазе, со звуковым сопровождением, учитель «Этики и эстетики»!!! Естественно вы с ним здороваетесь, он вам отвечает. Если вам тоже «по-взрослому», тогда счёт 1:1,

а если вам только пописать, то препод – проиграл. И это – на высокоинтеллектуальном уровне нашего самосознания и подсознания, строго контролируется и бдится, особенно с позиции УЧИТЕЛЯ: «В грязь лицом – нельзя!». После такой романтической встречи, между вами и преподавом, формируются уже необычные, душевно-утончённые отношения. У вас появляется много общего, между вами существует устойчивая связь, почти кровно-родственная, ко многому обязывающая и стимулирующая. Он вас – УЖЕ, милует при зачёте, а вы ему – УЖЕ, не хамите на лекциях. И самое важное, что та встреча в туалете, тот взгляд учителя на вас снизу-вверх, навсегда и прочно займёт своё место в вашей памяти. Встречаясь с ним всякий раз, вы оба, всегда, хотите вы того или нет, будете мгновенно вспоминать ту встречу, те переживания и чувства смущения за то, что не вовремя СЕЛ, и за то, что не вовремя ВОШЁЛ.

По другому будет выглядеть ситуация, когда вы в туалет войдёте не один, а с двумя-тремя товарищами... А тут – ОН! ОДИН! Без защиты! Без журнала посещаемости! Без экзаменационных билетов и ведомости! Без властных полномочий! С голой жопой над Чёрной Дырой! А вы ввалились с шумом и гамом, потому что не знали, не видели, что он там уже есть. И вы сразу же, из уважения и страха, замолкаете, и молча, становитесь и ссыте, сыте в три, четыре струи, а он сидит, но понимая сюжет происходящего, его нелепость, один из вас, начинает безудержно и судорожно сдерживаясь, откровенно ржать. Вы тоже поддерживаете этот ржачь, и не потому, что вы такие плохие, а потому, что вы не можете сдержаться в подобной ситуации. И если бы он был учителем «Физики» или «Математики», а не «Этики и эстетики», то ситуация бы не была так трагична, потому, что в этот момент, он прекрасно понимает «цинизм» этого смеха и своей принадлежности к миру гуманитарных наук. Этот позорный статус – «Учитель этики»... Обиды на весь мир, будут воплощены в вас, на всех последующих, этой встрече, экзаменах и зачётах. Он будет считать себя атакованным и ущербным, а вас – оккупантами его чести и преподавательского достоинства. А вы не будете окутаны ореолом романтичности, как это произошло в первом случае встречи студента и учителя в туалете, потому что вы – уже «группа». Сюжет тайнства потерян, и как говорят юристы: «...За группу, за групповое, дают больше...». Вот их и разделили – туалеты – для учеников и учителей. И потому, у каждого студента, пока он ещё не закончил учёбу, подсознательно, есть мечта – войти в туалет, и в его тишине, застичь препода по самой «жёсткой» дисциплине, один на один, сидящим над чёрной дырой в бездну..., и породниться с ним, на почве Чорных Дыр...! Но, не приведи вас Го....., шумно зайти в этот туалет с друзьями, когда ОН, уже там, и нарушив тишину, и его статус УЧИТЕЛЯ, ещё и проржать.

А так и произошло!

Мы считали, что правило запрета посещения «преподавательского» туалета, на нас, не очень-то и распространяется. В очередной раз, после обеда, увидев столпотворение студентов возле «ИХ» туалета, и поняв, что там большая очередь, мы пошли в «УЧИТЕЛЬСКИЙ», ...без очереди.

«...Ах, если бы это был учитель «Этики и эстетики...!».

Это был директор техникума...!!!

Кавказец и любитель женского пола...

Человек с акцентом, и в костюме...

А вошли мы в самый неподходящий момент, и в первую очередь для нас, как мы это потом поняли. Нас было четверо. Трое вошли в туалет, а один остался курить и ждал нас на улице. Ему – не хотелось. Входя по очереди, каждый из нас, естественно, увидев директора, посчитал своим долгом, с ним, как минимум, поздороваться. Он каждому ответил, и естественно с кавказским акцентом. Последнему входившему, вместо формально привычного «Здравствуй!», он ответил: «Пиривет!». Со всей серьёзностью и ответственностью, мы стали оправлять свою маленькую нужду в три водоппада. И всё бы ничего, если бы организм джигита, после употреблённой столовской жрачки, приготовленной на местной воде, не произвёл длинный и очень колоритный громкий пердёж... Мы трое, еле сдержались, чтобы не проржать, но тот четвёртый, который был снаружи, не видел, что происходит внутри, а услышав этот звук человеческого организма, задорно воскликнул: «Нихуя себе! Это чия ж такая рабочая жопа разговаривает?!»....., и с любопытства заглянул во внутрь...!!!

О-ооо...!!!...!!!...!!!...

Вы все наверняка видели картину «Чорный Квадрат», ну или можете себе её представить. То, что пережил наш товарищ в тот момент, когда заглянул вовнутрь туалета, сравнимо с тем, что нарисовано на этой известной картине. Вернее то, что он увидел, нанесло ущерб его сознанию до степени «Чорного Квадрата». Его эрудиции, от такой неожиданности, хватило только на «поздороваться». Горец, растерявшись, тоже, поздоровался с ним. Мы закончили и вышли, тихонько, но траурно, хихикая пошли прочь. И вдруг, этот четвёртый срывается и возвращается обратно в туалет к джигиту. Вбегает и начинает нелепо извиняться, а тот, после нашего ухода, уже закончив мероприятие, встал, стоит на полусогнутых, ...и, ...оформляет гигиеническую чистоту своего тела..., и в этот момент вбегает тот..., наш товарищ! Джигит опять был вынужден быстро вернуться в исходно-сидячее положение. Сидит, ...и смотрит, - ...«СНИЗУ-ВВЕРХ»!!!, ...а тот, - извиняется...

Пиздец...! Он когда рассказал нам эту сцену, мы, смеяться, совсем не стали – нам не смеялось, а хотелось проснуться и увидеть, что это – был сон. Это был не сон. Это была реальность, которая ничего весёлого, нам, не сулила.

Результат не заставил себя долго ждать. Вскоре после туалета, к нам в номера, примчался директор лагеря, и с матами и мелким рукоприкладством, «зачитал нам наши птичьи права». Больше, после этого, еду нам в столовой не оставляли и по ночам на море мы не ходили, а песни на иностранных языках, мы больше не пели – нам запретили. Вот тогда я снова понял «прелести и преимущества» нашего развитого социалистического общества перед «загнивающим капитализмом». А один из моих товарищей по

несчастьем, озвучил мысли каждого из нас вслух: «Нихуя себе поссать сходили...! Лучше бы мы в штаны обосрались, ...на сцене, ...во время выступления!».

Лето прошло, но мы ещё долго жили воспоминаниями о студенческой Ривьере Мелекинского Розлива. Нам в коридорах Альма-матери заигрывающе улыбались студентки младшекурсницы, протягивали рукопожатия парни из соседних аудиторий и преподаватели молодого происхождения. Последних было трое: физик, какой-то лаборант и один из физруков. А к туалетной тематике, мы ещё вернёмся, и не раз...

### **Пирожки-троллейбусы**

Ехал я как-то в трамвае из технаря. Сел в него на остановке возле ДМЗ (Донецкий металлургический завод), она была последняя, на конечном кольце, чтобы место сидячее занять. Так многие делали, кому далеко ехать, и чтоб не толпиться. И таких хитровыебанных было достаточно много – целый вагон сидячих мест. Трамвай выгрузил прежних терпелцов поездки, и загрузился новыми. Мы вбежали неспеша в салон и прилепились своими жопными платформами к сиденьям, кто, где, успел занять. Место у окна считалось удобнее, потому что маловероятным было то, что тебя снимет с него какая-нибудь ушлая «пенсионерка» из торговых рядов. Я подсуетился именно в такое седло возле окна и уставился в городской пейзаж рабочих кварталов. Рядом со мной, вляпнулась тётка с толстым и бесформенным туловищем, руками, и ногами. Толстым, ОТпухшим от некачественного жрача, обветренным лицом. Одета она была в плюшевую шубу, в мохеровую юбку, поверх спортивных трико-гамашей с белыми лампасами, и в серый «оренбургский платок» с начёсом, размером со средний напольный ковёр. Пахло от неё чем-то кухонно-жаренным, столовским. Я тогда ещё подумал, что этот запах, наверное, не оставляет её тело даже на море, во время летнего отдыха с семьёй. Руки у неё были не грязные, но какие-то распаренно-засаленные, с маникюром, но – обшмяканным. В её уставших глазах, светилась наивная доброта ко всему, окружающему её, Миру. Доброта, и приветливость, как у людей, которым глубоко похер, какая власть в стране: фашисты, или коммунисты, капиталисты, или социалисты.

Трамвай тронулся. Я прокомпостировал талончик и стал ехать, с чистой совестью начав быть полноценным пассажиром горэлектротранспорта Большого Города. На первой остановке в трамвай вбежало шобло студентов из моего техникума, но для них, свободных мест уже не было. Трамвай колышет, пассажиров носит со стороны в сторону, но все громко молчат, в рифму этой езде по пи...де развитого социализма, вестника скорого наступления коммунизма.

Под мелодию стука колёс о стыки рельс, я начинаю кунять верхними веками, т.е. – дремать в приятной истоме атмосферы «набитого до тепла трамвая». Лёгкие сновидения просятся в мои сонные мозги. Я... – засыпаю... Не знаю, долго ли я пребывал в сонных грёзах, много ли мы проехали, но

ВДРУГ!!!, истошный возглас моей соседки, резко меня разбудил, причём безапелляционно и до конца всей остальной поездки. Напугал...! И это даже не возглас, а ВОПЛЬ, ...рёв Тарзана: «ПИИ-РААЖ-КИИИ!!!»...

Кроме меня спящего, очнулись все остальные пассажиры..., даже те, кто не спал. Не очнуться, было не реально... Помните, как в детстве мы пугали друг друга, резкими и громкими криками на ухо, совершёнными внезапно, когда твоя «жертва» этого не ожидает. Вот и теперь - все просто дёрнулись от испуга...

У каждого в голове, было одно: «Что это такое было?»...

Весь трамвай стал косо смотреть на мою соседку и на меня. На неё с вопросом, а на меня с ехидством и зубоскальным любопытством-восторгом, как будь-то бы я, тоже имею к этому крику, какое-то отношение. Конечно же, я имел к этому крику отношение, потому что я, сидел рядом с крикуньей.

Тётка, она – и сама проснулась от собственного возгласа. С растопыренными глазами, огляделась головой по сторонам. Слепила нечто вроде виновной улыбочки, и сказала: «Извините!». Потом опять покрутила головой, и ещё раз сказала «Извините!». Народ уже начал успокаиваться, но вопрошающе ждал комментариев про «ПИРОЖКИ», кто от самой тётки, а кто от своего жизненного опыта и собственной фантазии. Мне же, было так неловко, что я чувствовал, что мне тоже, надо что-то объяснять, но я ехал, и смотрел красным лицом в окно, на проезжающий мимо город.

Орущую тишину поездки и вопрошания трамвайной толпы, размешал дядечка лет тридцати пяти. Он, обратившись к тётке-крикунье, добродушно-жалеюще сказал: «Шо мать, уже доработалась?!». Та, посмотрела на него спасительным взглядом, быстро улыбнулась, и утвердительно кивнула глазастым лицом в свою пышную грудь. Дремать ей уже перехотелось. Она сидела и смотрела через меня в окно на проезжающий город. Я тоже смотрел в окно, но чувствовал, что я интересую пассажиров, как участник только что произошедшего события, как будь-то это я, всё организовал. Я чувствовал, что меня рассматривают, и мои коллеги-студенты. Мне было как-то неудобно... Ясность в происходящее, внёс всё тот же дядька, он сказал, что эта женщина торгует возле ЦУМа пирожками, а для привлечения внимания потенциальных покупателей, целый день орёт известную нам уже фразу. Да, действительно, и я стал понимать, что рядом со мной, сидит та тётя Валя, у которой мы – студенты, на переменках, покупаем пирожки и беляши, по 5, 10 и 14 копеек. Пирожок с рисом или капустой – 5 копеек, пирожок с мясом или печёнкой – 10 копеек, а беляш – 14 копеек, или 17, ...точно не помню. Я её не узнал, потому что сейчас, она была переодета в человека, а когда она продавала пирожки на улице, то представляла собой безликий серый шар живого существа в громадном белом фартуке, лица которого, никто из нас не запоминал, может от того, что считали её и её профессию «проходящей», и не заслуживающей НАШЕГО внимания и уважения, в наших жизнях «с больших букв». И после этого, в тот момент, я её зауважал. Я забыл о моём смущении, оно покинуло меня, и повернул свой украдкой взгляд в лицо этой женщины. Она виновато, тоже, ответила мне своим взглядом. Мне стало её

по-человечески жалко. Эта женщина-трудяга, смотрела на меня глазами залитыми слёзной влагой. Её губы и щёки дрожали в предплачном состоянии, и в глазах почему-то была вина. Я её успокоить словами, сказал, чтобы она не волновалась, что окружающие люди её понимают, и что не стоит так расстраиваться и принимать близко к сердцу. Она сразу успокоилась, и мы разговорились. Ей было 48, она сама воспитывала сына, который сейчас отдаёт свой интернациональный долг в Дружественном Афганистане. Мужа у неё никогда не было. Она окончила торговый институт с отличием, но похлопотать о ней, было некому, чтобы устроить на достойное её «красному диплому» место. Вот она, временно, около двадцати пяти лет, и торгует пирожками на свежем воздухе. «...Но слава Богу, и на том спасибо, люди и того не имеют, а я и на кооператив скопила, и питаемся мы хорошо...» - сказала она, утирая замусоленным смятым платком слёзные сопли. Я потом ещё долго думал об этой женщине-ЧЕЛОВЕКЕ, о её профессии. Я думал: «А что, это так положено – кричать в центре Большого Города, как на средневековом базаре? А в молодости, после института, она ведь молодая девушка, что – тоже, должна была орать «ПИРАЖКИ!»...???». Потом, когда я её уже после этого случая, встречал на её работе, мы тепло и по-дружески здоровались, она даже несколько раз меня бесплатно угощала «отдельными» пирожками, давала их в долг. А однажды, я как всегда с ней приветливо поздоровался, а она стеклянным взглядом посмотрела и сказала: «Моего сына Саньку, в Афгане убили... Тело в цинке привезли... Позавчера похоронила... Помяни моего сЫночку, Сашку... Он мечтал выучиться и стать архитектором... Со второго курса забрали...», и протянула мне несколько пирожков.

- Возьми сынок, помяни. Так положено... Пирожки раздавать людям на поминки... У меня их много..., ...в жизни было.... Бери...!

Я взял, а что сказать ей в ответ не знал – я растерялся. Слышал, что «спасибо», в таких случаях, не говорят. Я просто её приобнял, и ещё несколько минут нелепо стоял рядом с ней, потом попрощался и пошёл на пару. Я больше никогда не слышал, чтобы тётя Валя кричала про пирожки... Я её вообще, больше не слышал, и не видел.

Вообще-то, нам, молодым парням, нравилось ездить в час-пик в общественном транспорте, особенно в весенне-летний период, когда девушки и молодые женщины были одеты не в толстую тёплую одежду, а в тонкие платья и юбки...

Вталкиваешься в набитый троллейбус, предусмотрительно, «из вежливости», пропустив перед собой хорошенькую девушку, студентку мединститута или молоденькую женщину, прилипаешь к ней сзади, ...и едешь, ...с удовольствием... Есть чем мысли занять..., да и мышцам приятно – кровообращение тренируешь. Она благоухает девичьей молодостью, мамиными духами, свежесмытыми волосами, и приятной женской испаринкой от тесноты этого троллейбуса. Так как ты стоишь прижавшись к её спине, ягодицам и ногам сзади, то главное стать так, чтобы она не очень испугалась твоей естественной физиологической реакции. И вот когда вы

умостились, и троллейбус начал ехать, ...ты мее-длен-но начинаешь пристраивать свои конечности под рельеф её прелестного стана. Твоё тело вместе со всеми конечностями, становится таким чувствительным... Тыльной стороной ладони, в которой держишь спортивную сумку на тренировку, ты нащупываешь кромку трусиков, или колготок, или если повезёт, но это как правило, у молодых женщин, - силуэты чулок и принадлежностей к ним...! Ты окончательно просыпаешься, вдохновляешься, но твоё лицо и взгляд, демонстрируют окружающим такое равнодушие, что они, глядя на твою физиономию, думают, что ты решаешь в уме какую-то сложную алгебраическую задачу. Ну а по-сути, оно так и есть... Ведь в этой плотной толкучке, надо извернуться так, чтобы и самому почувствовать и получить набор приятностей от общения с женским телом жертвы..., и не наделать по этому поводу излишнего шумихера.

Так вот... Чем дальше в лес... Когда ты уже окончательно уверовал в то, что она с пониманием относится к окружающей её тесноте, то потихонечку разворачиваешь кисть своей руки, ...ладонью «КНЕЙ»..., и слегка делаешь шевеления пальцами... И вот с этого момента..., игра или начинается, или тут же прекращается. В первом случае, она всё понимает..., чувствует... Не могу сказать почему, но, позволяет тебе, аккуратно и осторожно пройтись по её девичье-женским тонкостям, ...ладонью, и пальцами. Она может взглянуть на тебя «переферийно-боковым взглядозрением»..., заигрывающее улыбнуться в окно проезжающему проспекту, так, чтобы ты заметил эту улыбку..., тихо и приятно вздохнуть, переминаясь с ноги на ногу, как бы давая тебе больше возможности, во время этого движения мышцами бедра, обтрогать большую площадь её ягодниц. ...Она может прогнуться своей осанкой о твой торс, возможно тем самым, начать исследовать уже тебя..., и получать удовольствие от поездки рядом с «любопытным парнишей», ...младше её, ...но чем-то привлекательным ей. А может она, просто, с пониманием относится к твоим возрастным интересам... И если, ...наверное..., ты ей не омерзителен, подыгрывает твоей естественной природно-обоснованной наглости!!!

Круче всего, это когда она взялась возле тебя, ...ВДРУГ!!!, ...ИЗ НЕОТКУДА!!!..., и прильнула к тебе..., ...передом...!!!... Если это молодая женщина, условно старше тебя, то ты в смятении, и не понятно, откуда тебе столько счастья, да на одном квадратном полуметре общественного транспорта?!?!?! Ещё несколько секунд ты смущаешься, ну а потом начинаешь форсировать этот подарок судьбы. Конечности...! Самое главное приспособить их так, чтобы это и нагло не было, и чтобы не упустить возможность обследовать пикантности твоей попутчицы сполна. Конечно же, всякого нормального мальчика, лет шестнадцати – семнадцати, интересуется нижняя часть животика той дамочки, которую принесла в твою сферу влияния троллейбусная давка. Счастьем считалось уже то, если тебе удавалось разместить свою кисть руки, сжимающую ручки портфеля или сумки, в углублении между левой и правой ногой, внизу живота «потерпевшей»... Проще говоря, ...уткнуть свой кулак, тыльной его

стороной, в её лобковую кость, и как можно больше распластать пальцы под рельеф этой прелести...!!!, как бы взявшись за «это место». Сложность состояла в том, что у тебя был страх, и ты, ну ни как не мог решиться на то, чтобы так сделать. Ты мялся, потел, делал вид, что что-то тебя волнует, что ты о чём-то думаешь, ...но думал ты только об одном: «...как же млять ЭТО – сделать...?!!!». Ведь «никогда» же себе не простишь своей слабости, рождённой страхом..., если не ощупаешь ландшафт этой очаровательной дЕвицы, которая сейчас стоит перед тобой, и прижата – на растерзание.

Природа, инстинкт, ... – побеждали.

Ты говорил себе: «Горит сарай – гори и хата»..., и делал «ЭТО». И всё получалось! Или она действительно ничего не чувствовала, или она также как и ты, играла в эту игру «Нескучная поездка». Когда едешь сорок пять минут, от конечной до конечной, то такие «троллейбусные романы», делают поездку быстрой, красочной и увлекательной, полной приятностей и страстей, утоляющих твои юношеские любопытства и потребности.

И вот однажды. Ехал я как-то со своим дружкой по школе и по спорту, Кондратом, в троллейбусе, с тренировки. На конечной мы запихнулись в салон, а на третьей остановке, на «Мединституте», на нашей любимой остановке, впахиваются студенточки этого ВУЗа. Шум, гам, весёлый девичий смех, и белые халаты в пакетиках. Элита студенчества... Представители благородной профессии... Папины и мамины дочери... Девушки, которые благодаря своей профессиональной принадлежности, раньше своих сверстниц, начинают понимать свой сексуально-социальный статус. Проще говоря: «...свою половую принадлежность..., и востребованность противоположным полом...». Они заходят. Уманиваются. Не смотря на физическую усталость после тренировки, я и мой товарищ, воспрянули духом, выровнялись. По мере продвижения троллейбуса по маршруту, и выхода одних пассажиров, а вхождения других, девушки стали перемешиваться между гражданами пассажирами. Теперь, они не представляли собой единую группу, сплочённую одной поездкой, в отдельно взятой единице, общественного «ГорЭлектроТранспорта». Теперь они были рассредоточены по салону троллейбуса между другими пассажирами, максимум, по две. Вот такие две «штучки», и оказались загнанными мной, и моим дружкой-охотником Кондратом, в уютный угол на задней площадке троллейбуса. Девушки ехали далеко, и потому искали себе уютные для долгой поездки, безопасные, с точки зрения толкотни, местечка, а мы им в этом только способствовали, ненавязчиво, продуманно и любезно, расталкивая от них, всех остальных, и тем самым, притискиваясь к ним. Получилось! Девушки стояли у заднего окна взглядами в уезжающий проспект имени ВИльичаЛенина и держались за поручень перед ним. Мы стояли сзади них, в непосредственной близости и прямом касательном контакте к их задним частям, и тоже держались за тот же поручень, образовав своими спортивными телами живой щит от всего остального народа. Сначала поездки, и мы, и девушки, активно разговаривали между собой, но в процессе наших действий направленных на их «окучивание», и



мы, и они, стали утихать в своих диалогах, и когда с нашей стороны начались активные обследования их телесных рельефов, вовсе прекратились. Мы наслаждались нашей близостью с ними, их упругинькими ягодичками, запахом их волос, переминанием с ноги на ногу. Мы осязали кромки и формы их нижнего белья. Это была ранняя осень - сентябрь, и погода позволяла быть им в тонких платьях, что позволяло нам, вкусить последние приятные дары этого тёплого осеннего месяца, когда девушки ещё не кутались в тяжёлые и непроницаемые пальто и свитера, шубы и дублёнки.

Поездка была более чем приятная. И подъезжая к остановке, где девушки должны были выходить, а они нам об этом дали понять своим движением «к дверям на выход», та, за которой «ухаживал» я, при выходе, уже из полупустого троллейбуса, с лукавой и игривой улыбкой и девичьим игривым шармом, ступив каблучком туфельки уже на асфальт, бросила в меня свой взгляд и полуслышную фразу: «Ну что, понравилось...?». И обе подружки переглянулись, весело расхохотались, и несколько шагов отбежали от остановки, держась за руки.

Я никогда не забуду эту поездку. Она была последняя в подобном формате. Я – повзрослел. Мне уже было неловко стоять в тесноте с хорошенькой девушкой или молоденькой женщиной в транспортной толкучке, ...я стал смущаться. Я уже старался избегать таких «развлечений», хотя это было и приятно, ...ну когда уже деваться от «неё», было некуда, и это происходило помимо моей воли, но по стечению обстоятельств «броуновского движения», царившего в общественном транспорте в часы-пик, в те годы, в Большом Городе.

### Вечеринка

В агонии прощания со свободой перед Армией, я со своим другом, по вечерам, вояжировал по значным местам нашего города, где собирались томные девушки и платёжеспособные парни и мужчины. Кафе «Театральное», ресторанно-гостиничный комплекс «Турист», кафе «Троянда», «Рессора», «Арктика», ну и конечно же – «Бригантина». С деловым видом взрослых подростков, «...познавших жизнь во всех её превратностях...», мы заходили в задымлённый сигаретными дымами зал кафе. Всматривались в уже присутствующие там лица, с надеждой встретить знакомых, и на глазах у всех остальных, НЕзнакомых, уже с ещё более деловым видом, поздороваться или переморгнуться приветствием, тем самым, продемонстрировав почтенному собранию, свою причастность к сегодняшнему «Празднику Жизни». Уже сидящие внутри, также как и вновь входящие, мечтали встретить в нас, уже своих знакомцев, и тем самым, подтвердить свой статус участника этой вечерней темы. Если свободных столиков не оказывалось, то встреча знакомых, даже маломальских, являлось вырубалочкой, потому что можно было сразу примкнуть к их столу, и не опуститься в статус «нахуйвыздесьбляднужны», или «ктовыблядтакие». Бармен-официант Боря, лет под пятьдесят, которому мы неоднократно

оставляли неплохие чаевые, всегда чётко и бдительно следил за появлением «своих кормильцев», и тоже принимал участие в игре-церемонии «свой-чужой». Он приветливо, демонстративно и членораздельно, кивал нам навстречу, а через несколько секунд подпрыгивал к столику, за которым мы размещались. Всё это, конечно же, видели и наблюдали окружающие по сидельцы, и весь этот маскарад, приветствовался Большим Собранием «СВОИХ».

Мы заказывали мороженое и какие-нибудь полуалкогольные коктейли с трубочкой в бокале. Что в них Боря хренячил, точно никто не знал, но выглядело это презентабельно, и являлось объявлением того, что мы пришли «от-дох-нуть!!!». Лизнув айскрем и соснув пренебрежно через соломинку коктейля, закулив по сигаретке, мы начинали непринуждённое словоблудие ни о чём, между собой. Помните, слова тогдашней модной песенки-шлягера группы «Примус»: «Девочка сегодня в баре, девочке пятнадцать лет, рядом худосочный парень, на двоих один билет...» – это было про нас, про тех, кто уже не дитё, но ещё и не... Ну это было...!

Итак, в один из таких вечеров... Рядом за столиком, сидели две девушки. Одну звали Валя, она была балериной, ну в смысле – с детства занималась балетом, её туда бабушка водила с самого рождения. На тот момент ей было лет 17-19. Вторую звали Вика, она ничем не занималась, но у её папы, была новая «Семёрка», с гос.номером «33-33 дон». Жила она с родителями и собакой в блатном доме. Ну, что такое «блатной дом», догадаться можно, а вот насчёт «семёрки» и номера «33-33», я немножко поясню для «молодого читателя». «Семёркой» называли чудо советского автопрома – «Жигули» ВАЗ 2107. В конце 70-х начале 80-х, её придумали. Замечательна она была тем, что, во-первых: это – был автомобиль, который тогда, просто так, приобрести было невозможно. Надо было быть каким-нибудь блатным и иметь деньги и связи. Во-вторых: морда этой машины была украшена радиаторной решёткой, ну уж очень похожей на Мерседесовскую. Тут уж гениальные конструктора-изобретатели проявили смекалку и удачно спиздели это украшение у реального монстра мирового автомобилестроения, чем ввергли автолюбителей Совка в поголовный оргазм поклонения перед этой моделью «Жигулей». Все барыги, директора «пром» и «прод» баз, магазинов, ресторанов, пивных и пельменных, бросились удачно продавать свои Б/У-шные «Шестёрки», и искать «связи», для – купить «Семёрку»! И те, у кого это получалось, считались очень крутыми и влиятельными людьми на территории развитого социализма под названием СССР. Глядя сейчас на этот убогий автомобиль, квадратной формы, невольно ловишь себя на мысли: «Это ж до какого состояния мозгов, надо было довести своё население, что оно, было безумно счастливо занять в пользование, эту хуйню на четырёх круглых колёсах???!!!». Но тогда, факт наличия «Семёрки», играл большую роль в статусе отдельно взятой семьи – ячейке общества. Считалось, что ручкаться и знаться с людьми, во владении которых была «Семёрка», было модно и престижно.

Так вот, по знакомству в кафе, за столиком, мне досталась Вика, а моему другу фигуристая и гибкая балерина Валя. Когда мы выходили из кафе, то уже Виктория была у меня под рукой, а Валентина у моего дружка. Мы медленно дефилировали парами, одна за другой, по полуночному тротуару центральной улицы Большого Города. С нас были смешные истории и анекдоты, а с девушек – благодарный хохот, улыбки и ужимки наших локотков, за которые, уже, цепко держались наши новые «подружки». Так как девушки жили в центральной части города, то тратиться на такси не пришлось, и мы их отгуляли пешком по их домикам, по-очереди, сначала Валю, а потом Викторию. Возле их подъездов, каждый из нас получил порцию взрослого поцелуя и возможности чуть-чуть общупать фигурку новой знакомой. Возможно «моя девушка» и не стала бы позволять мне обследовать её фигуристые прелести, но после того, как мы оба стали свидетелями прощания моего друга с балериной, которая оказалась более продвинутой чем «моя», то и Вике пришлось повторить тоже самое, да и я был не прочь.

До дня, когда мне надо было явиться с паспортом в военкомат, для того чтобы ехать в Армию, оставалось четыре дня, а я ещё не до конца понял своё половое предназначение. Агония потери свободы, усиливалась... Скоро, я должен был стать военным солдатом на два года. Это, меня как-то беспокоило, и где-то пугало. Мы решили, что надо устроить прощальную вечеринку, и провести её вместе с нашими новыми знакомыми. У моего дружка, родители уехали на несколько дней, и квартира была пуста, как мы выражались: «Есть хата!». Созвонились, и договорились... Встретились, сели в приготовленное такси и поехали «На хату!». По дороге пробили тему с ночёвкой девушек «на хате», и остановились на тезисе: «Там будет видно», ха-ха-ха...!

На «Хате» уже всё было приготовлено. Шампанское, курица в духовке на «грузинский манер», пепельница, хрустальные бокалы, серебряные вилки, салфетки, туалетная бумага в рулоне в туалете. На журнальном столике небрежно брошенный толстенный рекламно-товарный журнал «ОТТО» - символ причастности к богатой и фирменной жизни обитателей «Хаты», и людей входящих в неё, ...их гостей. На почётном месте, в комнате моего товарища, «хозяина хаты», величествовала двух-кассетная магнитола «Шарп 777», именуемый в просторечии, как – «Шарп Три Семёрки». Это произведение искусства японской электроники, в начале 80-х, обычно, как средство ошарашивания девушек, работало безотказно. После обнаружения такого агрегата в помещении, куда «ЕЁ» приводили, последняя, отчётливо осознавала, что сегодня, она будет звонить по телефону маме и выдумывать историю о том, что уже поздно, а транспорт не ходит, и она вынуждена будет «ночевать у подруги». Так и вышло. Когда Валя и Вика зашли в комнату, где жил «Шарп 777», по их лицам было прочитано, что подруги удовлетворены, что сегодня попали в «правильное место», потому как стоимость такой игрушки, «на чёрном рынке», была почти такой же, как и стоимость, модной в то время, «Семёрки» – марки автомобиля «Жигули». А на фоне

благородного убранства четырёхкомнатной «Хаты», вечер обещал быть сказочным. Девушки, пренебрежительно закокетничали, пытаясь сделать вид, что такого добра, у них, «хоть отбавляй», и к его присутствию, они относятся рав-но-душ-но!!!

Запекли курочку, выпили шампусика, заманчиво заулыбались и захохотали анекдотчиво... В разгар вечеринки выключили «Шарп Три Семёрки», и каждая из девушек совершила очень непростой и важный звонок домой, из закрытой наедине комнаты, объявив родителям о невозможности сегодня приехать домой. Перекурив после серьезных переговоров с «родаками», так называла родителей, молодежь того времени, девушки, окончательно объявили о том, что они остаются, но без всяких обещаний со своей стороны, и вечеринка продолжилась. Уже стали пить припасённый родителями хозяина французский коньяк, на откуп его старшего брата, который вернулся с неудачного свидания. Брату было около сорока. Он был не женат, кавказских кровей, впрочем как и мой друг. Работал инженером в сфере гражданского строительства. Человек с БОльшим, чем у нас, жизненным опытом, он быстро влился в нашу компанию и уже скоро получил несколько авансных взглядов от наших новых знакомых.

Девушки, ...обжились, ...уже, ОКОНЧАТЕЛЬНО!!!

Они весело смеялись, ломались, деликатничали и флиртовали манерами. Истомно вдыхали и выдыхали сигаретный дым, иногда направляя струю дыма в лицо собеседника, как бы заявляя о своей состоятельности как «светской дамы», львицы на пьедестале, у подножья которого, были мы, - ...«просящие»...!

В разгар вечеринки, после вкусного застолья, девушки радостно заявили, что хотят танцевать, и одна из них, выключила большой свет в комнате, где жил танцующий «Шарп 777». Она схватила моего друга в свои объятия, и они медленно затоптались, почти на месте, слегка поворачиваясь по часовой стрелке в центре комнаты, под хрустальной люстрой. Я пригласил на танец Вику, и мы тоже затоптались рядом, ...не под люстрой. Моего друга звали Зураб, а его старшего брата Алхаз. Он сидел в углу танцующей комнаты и одну за другой курил сигареты. В танце парами, мы разговаривали каждый о своём. Мы всё сильнее прижимали своих партнёрш к себе, слегка давая волю своим любопытным рукам, словам, и взглядам. Те, особо не сопротивлялись, потому как были выпитыми алкогольными напоями и хорошим настроением, обещавшим романтическое продолжение. Отплясав несколько медленных танцев не меняя пары, мы выпили какой-то тост, и сели перекурить. Алхаз, видать нанаблюдавшись со стороны девичьих изгибов, которые мы вытанцовывали с моим другом, тоже захотел прильнуть к женским симпатиям. На половине сигареты, затушив её в пепельнице, встал и уверенно пригласил Викторину в танец. Та, с огромным игривым удовольствием, согласилась. Танец у них получился эротический... Виктория, не стеснялась позволять зрелому мужчине познавать строение её тела, но от поцелуя в конце танца, наверное, из уважения к моему присутствию, всё же, увернулась. Я сдержанно и равнодушно отнёсся к

происходящему. Ну, а что мне надо было то, от новой знакомой...? Знакомы с ней, мы были несколько часов. Влюблённым, я не был. Через несколько дней собирался уходить в Военную Армию, да и планов лишиться «девственности», у меня, по большому счёту, не было, иначе, как я тогда думал, я должен был бы на ней жениться. Ну а если она запала в душу моему товарищу, и отвечает ему взаимностью, то препятствовать «их счастью», я не стал, да и не смог бы, потому как отношения с ним, мне, были дороже, чем с моей новой знакомой.

Алхаз растанцевался уже не на шутку. К столу в кухне, куда мы втроём отправились ещё поднапиться алкоголем, они уже не выходили несколько танцев подряд, а когда всё-таки они вошли к столу, то Виктория была уже опьянена и окрылена ухаживаниями Алхаза в тёмной танцующей комнате наедине. А у Алхаза в штанах, вырисовывались его серьёзные намерения «на вечер». Виктория втащила его на кухню за руку и устроилась у него на коленях, когда он, присел за стол. Виктория вела себя весело, и уже не подавала виду, что знает меня в формате знакомства «парень-девушка». Она самозабвенно заглядывала в рот молодому, но зрелому мужчине, с которым познакомилась с час назад. Она очень отзывчиво принимала от него шутки и анекдоты. Он при этом не очень уверенно себя чувствовал, и потому вызвал меня на пару слов в танцующую комнату.

- Слушай, ты не возражаешь, если я..., ну это...?

- Алхаз, я тя умоляю...!!!

- Не ну правда, ты не против..., если я...?, ну, она же сама...!, ты же видишь...?, ну она со мной, это...

- Алхаз...!? Успокойся! Если она сама этого хочет...

- Да? Ну всё. Тогда нормально...!

- Алхаз! Вперёд...! Я её пятнадцать минут знаю...

- Ну спасибо. Не обижайся... Зачтётся!

- Та ладно!? Каким образом!? – подстегнул я его при выходе из танцующей комнаты. Он не ответил, что-то промямлив мне в ответ на свою нелепую фразу «о зачёте».

Мы вернулись за стол, и Виктория полностью успокоилась, пониманием того, что теперь она полноправная гостья её «новейшего» знакомого. Но слегка виноватый взгляд, украдкой, всё же бросила на меня. Я ответил ей дружеской полуулыбкой и кивком лица с зажмуриванием глаз, подтверждая своё не возражение и необиженность на девичью физиологическую прихоть. Отношения сторон были выяснены полностью, быстро и просто. Мы ещё поели, и ещё попили. В танцевальной комнате курилось и танцевалось. Видя то, что я был «заменён» Алхазом, и теперь оставался в скучающем одиночестве, подруга Виктории, иногда приглашала меня к себе в танец, и даже как-то проявляла инициативу своего «полапанья». Она старалась как-то оправдаться за поведение своей подружки, и даже осуждала её, «за предательство», и предлагала мне не расстраиваться. Я ей искренне пытался пояснить, что я совсем не расстроен поведением Виктории, хотя поступок её, конечно же, был неожиданным для

меня. Остановились на том, что «всё у меня будет хорошо». Я окончательно смирился с тем, что сегодня мне не удастся потерять свою девственность, и целиком погрузился в чарующий мир музыкальных звуков группы Пинк Флойд, звучащей из Шарпа 777. Алхаз окончательно завоевал телесные просторы Виктории. В танцах, он её изъездили сверху-донижу, а та только радовалась, что стала обожанкой взрослого мужчины. Из рассказов Алхаза, она поняла, что он хорошо зарабатывает и у него есть чёрный ГАЗ-24 «Волга». Что он - пока не женат, но уже активно подыскивает подходящую кандидатуру, под которую, в принципе, полностью подходит Виктория, и что он, вполне серьезно будет рассматривать их сегодняшнее знакомства, как начало их совместной семейной жизни. Алхаз был не пьян, просто ему очень хотелось трахнуться с этой симпатичненькой девушкой, вот и нёс ту хрень, которую, несформированная женская психика, хотела слышать.

Подошло время укладываться. Меня определили в комнате с Шарпом 777, на диване. Мой друг с Валею, определились в спальне его сестры, которая тоже уехала вместе с родителями, а Алхаз, с Викторией, уединился в родительской спальне, на правах старшего брата и авторитетного, в нашей компании, человека.

Я медленно засыпал, иногда вслушиваясь в голоса, звуки и стоны, доносящиеся из спален, где мои дружки, потребляли женские организмы. И если из комнаты, в которой находился мой друг, доносились в основном женские возгласы и стоны, то из спальни Алхаза, доносился исключительно бУбот мужского тембра. Мне вообще показалось, что у Алхаза с Викторией, в спальне, продолжались разговоры-переговоры. Я стал окончательно засыпать. И, наверное, уже заснул окончательно, как вдруг, был разбужен резким и громким грохотом, похожим на взрыв петарды. Я резко вскочил сидя в постели. Прислушался к тёмной тишине квартиры. Какие-то мгновения, стояла гробовая тишина. Затем, спальни стали оживать. Из комнаты Алхаза, доносился его раздражённый бубнёж, и похожие на поскуливания и повсхлипывания Виктории, звуки. Из своей спальни, обмотанный в простынь, выскочил взволнованный и сонный Зураб. Он сразу же рванул к комнате с Алхазом. По пути к дверям в спальню, мы с ним встретились в коридоре с риторическим вопросом друг к другу: «...А што случилось...?». Подойдя к закрытой двери спальни, он приблизился к ней ухом, и вопросительно окликнул: «Алхаз, у вас всё нормально...?!». Ответа не последовало, но в комнате активно бурчал недовольный голос Алхаза, и пробивался через щели, уже, зажжённый в ней свет. Зураб осторожно приоткрыл дверь...

Спиной к нам, в трусах-плавках белого цвета, в чёрных носках, стоял Алхаз. В руках он держал охотничье двуствольное ружьё. Девушка сидела на краю кровати лицом к нам. Она была в колготках, из под которых просматривались чёрные кружевные трусики. На ней не было бюстгалтера, и обеими руками она старательно прятала свою грудь. Её волосы были вскудлачены, а всё лицо измазано неумытой на ночь тушью. Она заплакала и истерически начала всхлипывать при виде нас. Алхаз выглядел очень

агрессивным. Из щелей ружья, которое он держал на изготовке в сторону Виктории, медленно сочился дым, и поднимался под потолок. В комнате пахло выстреленным порохом. Сзади нас, подошла закутанная в полотенце Валя с округлёнными, удивлённо-испуганными, сонными глазами. Увидев такую картину, она тоже спросилась: «А что случилось?». Алхаз, услышав голос Вали, не поворачивая головы, и держа Викторию «на мушке», резко и неожиданно гаркнул на вопрос Вали: «А ну заткнулась и пошла от сюда вон..., пока рядом не села...!». От такого поворота сюжета, мы с Зурабом и Валей охренели, и Рома спросил: «Алхаз, та што случилось?».

- Эта красавица из себя целку строит...

Зураб попытался приблизиться к брату и взяться за ружьё, но Алхаз резко выдернулся и крикнул: «Зураб, отойди, ...сам разберись!».

Вечер переставал быть скучным... Все «проснулись»...

- Я её сейчас завалю...!

- Алхаз, ты шо...?!

- Сначала я её еле раздел, а потом она начала мне рассказывать про то, что не может... Потом вообще сказала что посадит меня... Потом я её через колготки..., и нихера не получилось. ...Я ей предложил по-другому, а она сказала, что никогда этого не делала. Строит из себя...

- Алхаз ну успокойся...!

- Что успокойся...?! Я что – мальчик...?! Я не успокоюсь пока не закончу...

Переговоры в таком формате продолжались несколько минут, и Алхаз только накручивал ситуацию. Валя спряталась за Зураба и перепугано смотрела на происходящее. Я стоял и не знал, что сказать и что делать. Алхаз перезарядил ружьё и предложил Виктории успокоиться и продолжить любовные утехы. Та от страха и такой постановки вопроса заскулила ещё больше. Алхаз на полном серьёзе повторил известную и легендарную фразу из кинофильма «Кавказская пленница»: «...Мне отсюда две дороги..., или в тюрьму, или в ЗАГС...», а потом добавил ещё: «Но в тюрьму я не пойду. Мне терять нечего.». После этого его изречения мы всецело прониклись сложностью сложившегося момента. Зураб попытался воздействовать на брата и уговорить его отступить от такого сценария развития сюжета, но Алхаз был незыблем. Он настаивал на продолжении «банкета».

Вдруг Валентина неожиданно произнесла: «Алхаз, хотите ...я буду вместо неё...?». Алхаз смущённо, но принял предложение Валентины. У Зураба отвисла нижняя челюсть, и широко открылись глаза в удивлении. Я в охуе ворочал глазами на участников межнационального конфликта. Виктория затихла, но слегка ещё всхлипывала.

- Правда, я готова, ...побрататься, ...если Зураб не возражает... Я могу... - как бы игриво сказала Валя.

- Та я-ааа..., не знаю... - от неожиданности промямлил Зураб.

Валя подошла к подруге, присела рядом, обхватив её за плечи, что-то проговорила ей почти на ухо. Та встала и направилась на выход мимо вооружённого, но уже успокоившегося Алхаза. Проходя мимо, она виновато-

смущённо посмотрела на меня, и направилась в ванную. Мы с Зурабом оставили «влюблённых», закрыли дверь спальни, и пошли на кухню «к столу». Зураб молча, открутил бутылку водки и налил нам по рюмке, жестом показав мне предложение выпить, и проглотил свою не закусывая. Я повторил его действие. Мы закурили по сигарете, и Зураб повествовал: «Нихуясеберасклад...!!!». Из ванной комнаты выползла умытая от страха и слёз Виктория. Она опёрлась об дверной косяк плечом и уставилась задумчиво в пол. Мы оба, молча смотрели на девушку. Зураб, будучи воспитанным парнем, бредящий карьерой врача-хирурга, всегда вежливо обходящийся с дамами, разрядил кричащую тишину фразой: «Ну что, ...наебалась?». Виктория встрепенулась от такой резкости, но ничем не возразила этому справедливому замечанию в её адрес. Подошла к столу и присела. Зураб достал чистую рюмку из кухонного шкафа и налил в неё водки. Виктория, молча её выпила, без закуски, хотя весь вечер рассказывала о том, что водку она не пьёт. Закурила. Мы сидели в табачно-дымной тишине, поочередно сбрасывая пепел с сигарет в пепельницу. Из комнаты «влюблённых» стали доноситься характерные звуки и возгласы.

- ...Друзья познаются в беде... Хорошая у тебя подруга..., – изрёк Зураб.

- Мы с ней с первого класса дружим.

- В смысле?

- Мы в одном классе учились... Я хочу спать. Можно я теперь с тобой лягу? – спросила она, обращаясь взглядом ко мне.

Мы с Зурабом в вопросительном недоумении переглянулись, и оба, не выдержав такого неожиданного поворота, просто взорвались истерическим смехом. Глядя на нас и наше веселье, Виктория, по всей вероятности, так же как и мы, вдумалась в происходящее и смысл своих слов, оценила со стороны свою гражданскую позицию, и тоже стала откровенно ухахатываться. И уже мы сидели в полуголом состоянии, и доедали остатки праздника, запивая алкогольной водкой и закусывая табачными сигаретами. Ещё через полчаса, к нам на весёлый шум вышли «влюблённые». Валя выглядела изрядно потрепанной, раскудланной и растрёпанной, и очень румяной и удовлетворённо-счастливой. А Алхаз, был само умиротворение. Он, сразу же бросился в извинения перед Викторией. Старался объясниться «до конца», но та сразу отрезала свои обиды фразой: «Да ладно, сама виновата... Чего не бывает...», и тем самым полностью успокоила «Мавра». Валя вернулась из ванной комнаты, и они тоже присоединились к нашему пьянству. Теперь, мы уже разбирали и смаковали эту историю, и каждый, описывал своё восприятие происходящего в «родительской спальне».

Алхаз рассказал о том, как ему пришла в голову мысль о «силовом» давлении на неподатливую девушку, методом не прямого физического «насилия», а психологического воздействия, подозревая при этом, что девушка просто играет в такую игру, и ей, это - нравится. Тогда он, подзадоренный своими предположением о мазохистских наклонностях своей новой знакомой, уверенно вытащил из папиного шкафа ружьё, и стал



фантазировать дальше. С помощью ружья и фразы: «Я тебя сейчас завалю», он стал склонять Викторию ко всяким сексуальным непристойностям орального характера. А когда та, не на шутку испугавшись «своего взросления», заявила о том, что больше не желает никакого продолжения, и готова рассказать милиционерам о поведении Алхаза, тот, будучи представителем свободолюбивого и гордого народа Грузии, где женщине выделяется очень мало времени для произнесения всяких слов, фраз и звуков, нажал на спусковой курок. И когда прогремел выстрел, Виктория реально испугалась, и уже была готова «любить» Алхаза, как угодно и во что придётся, до самой смерти, но мы помешали им своим приходом.

- ...Бля...! А куда ты стрелял...?

- Холостым... вверх..., в сторону окна... над её головой.

Братья резко и одновременно вскочили из-за стола и помчались смотреть на последствия холостого выстрела. Серьёзных следов не оказалось. Слегка можно было рассмотреть копотную пороховую пыль на гардинах и потолке, которая при махании тряпкой, удалялась. Ребята вернулись к столу, уже целиком успокоившиеся. Материального ущерба жилью причинено не было. Моральный вред был сnivelирован раскаянием Алхаза и пониманием потерпевшей Виктории. Стороны межнационального полового конфликта достигли договорённости о дружбе, сотрудничестве, и, взаимопонимании.

Мы в очередной раз собрались укладываться спать. И если в первый раз, по укомплектованности спален, вопросов не возникало, то в этот – были вопросы.

Первый: «С кем и где будет спать Виктория?».

Второй: «С кем и где будет спать Валентина?».

На первый взгляд, вопросы казались не сложными, и легко разрешимыми. Но когда Алхаз, на правах старшего, определил, что он спит с Валентиной, я с Викторией (по её же желанию), а Зураб – один, то у последнего возникло чувство собственной обделённости, всеобщей несправедливости и покинутости. Во-первых: он её сюда привёл, ...первым. Во-вторых: он с ней уже был, ...первым. В-третьих: он не прочь с ней побыть, ещё. И вообще...!!! Зураб об этом серьёзно заявил. Относясь с уважением к справедливым замечаниям своего брата, Алхаз, уже вновь определил, что он спит с Викторией, Зураб с Валентиной, а я – один. В принципе, все были согласны, ну, конечно же, кроме Виктории. Она, хоть и простила Алхазу его «терроризм», но не была готова на повторную попытку засыпания «в постели с врагом». И она об этом заявила, повторив своё желание провести остатки этой незабываемой ночи в постели со мной, подчёркивая, что более не склонна к сексуально-романтическим авантюрам, с кем бы то ни было. Что она устала и хочет спать. Она утверждала, что готова ложиться со мной, только из соображений того, что у нас с ней, ничего «ТАКОГО», не будет. Все посмотрели на меня. Я молча подтвердил свою готовность сберечь девичью честь Виктории, и просто поспать вместе с ней в одной постели. Однако, вдвоём с ней на диване, мы бы уже не

поместились, и нам нужно было бы разместиться в одной из спален, на двуспальной кровати. Но этот вопрос легко разрешил Алхаз. Он сказал, что мы ляжем в той спальне, в которой до этого был Зураб с Валей. Теперь все посмотрели на Валентину... Надо было определиться: «С кем же, и где, теперь, будет спать она?». Алхаз, уже смирившись с тем, что всё-таки следует восстановить справедливость, и ему придётся спать одному на диване, уступив Валентину и родительскую спальню брату, был неожиданно и приятно удивлён очередной, второй раз за вечер, перлой этой девушки. Валентина, проникшись проблематикой разрешаемого вопроса, и чувствами к ней со стороны двух мужчин, с которыми она, в принципе, уже «побраталась», заявила: «Давайте ляжем втроём...!», имея в виду себя, Алхаза и Зураба.

Видеомагнитофонов в то время, в нашей стране, не было. Может быть они где-то, у кого-то, и были, но это нам известно не было. Порнофильмы в кинотеатрах и по телевизору не показывали. Но будучи людьми с достаточной степенью фантазии, мы могли себе представить, и визуализировать, сцены нахождения одной обнажённой девушки, в заботливом окружении двух обнажённых мужчин. По тем временам, для нас это было уж очень необычно, ...и КРУТО. Такое, правда, можно было увидеть на отвратительнейшего качества, замусоленных фотографиях, за которые, можно было получить тюремный срок. За «антисоветчину», или за «растление». И мы все, себе, ЭТО, после предложения Валентины, быстренько мысленно представили.

Виктория, теперь уже с особым любопытством и удивлением, посмотрела на свою подругу. Её она знала с первого класса, и знала, как гармонично и культурно сформированную, и образованную, воспитанную и целеустремлённую, в желании покорить Большой Театр своим балетом, личность, вдруг, предстала в амплу светской дЕвицы, способной, как в «плохом кино», «на ВСЁ». Алхаз и Зураб, от неожиданности, смущённо, по-кавказски мужественно, застеснялись и растерялись. Виктория взяла меня за руку и потянула за собой в спальню, оставив «влюблённое трио» на кухне. Что они делали дальше втроём в спальне, и как прошла эта ночь, я не знаю, но такой формат отношений между мужчинами и женщинами, меня не оставлял быть равнодушным, и расширил мой кругозор в сфере человеческих отношений. В будущем, я часто вспоминал этот вечер, ещё и потому, что тогда, я впервые спал в одной постели с настоящей «почтиголой», симпатичной девушкой, которая, кстати, позволила себя потрогать перед сном, почти везде, но не более.

В Армию я уходил с чувством того, что уже знал, как «ТАМ» всё устроено у «НИХ» - у девушек. Повторяюсь: «И меня совсем не беспокоил тот факт, что я был «на волосок» близок к полному познанию женщины, но не воспользовался таким обстоятельством, потому, что свято думал, что если «ЭТО» произойдёт, то я, «ОБЯЗАН» буду, на «НЕЙ»..., ...ЖЕ-НИТЬ-СЯ!!!

### Проводы

Через несколько дней, меня, всё-таки, по-настоящему начали забирать в Армию. Этому чрезвычайно увлекательному этапу моей жизни, предшествовали Проводы. В квартиру, в которой я проживал с родителями и сестрой, пришли и приехали мои родственники, друзья и подруги. Заблаговременно была приготовлена пища и накрыт стол. Всё это приготовила и сделала моя мама, из тех продуктов, которые «по-блату» достал мой папа. Какие на столе были блюда, я не помню, но отчётливо понимаю, что среди еды, была и водка. Гости смотрели на меня, как в последний раз, но говорили вдохновляющие тосты, про то, как я должен выполнять свой долг перед Отчизной, и что это – почётная миссия, которую доверяют только лучшим сыновьям Советскава Саюза. И я – был одним из них. Я ещё тогда, вспомнил некоторые лица и персонажи моих знакомых мальчиков, которые чуть раньше меня, но тоже ушли в Армию. Среди них был тот мальчик, из моей техникумовской группы, который любил плевать и бросать непогашенные окурки в открытые окна чужих автомобилей и радовался этому, как дитя, которого пьяные родители посадили на карусель «Ветерок» и оплатили три сеанса воздухоплавания по кругу. Был и тот, который приходил на занятия в техникум, обкуренным какой-то травяной дрянью. Среди забранных, для воплощения в жизнь почётной миссии «Отдавания долга Родине-Отчизне», были и мальчики из моего двора. Некоторые из них, дибиллами, были изысканными. Я тогда подумал, что если меня сравнивать с ними, то я не должен был идти в Армию. Я был «нетакой»...! Я был «нормальным»...! Я был пацифистом...! Меня не штырила тема ВДВ...! Меня не привлекали тельняшки и фуражки...! Меня не беспокоили клешаки мариманов...! Меня пугали два года, на которые меня вычёркивали из нормальной жизни. Я хотел продолжать учёбу и жить светской жизнью молодого человека. Но мою страну, мои переживания, не волновали вообще. Она о них не знала. И я, это, уверенно знал и понимал! Потому, покорно провожался в Армию и настраивался быть солдатом два года.

После того, как гости наелись, они захотели танцевать. Танцевать надо было в нашей с сестрой комнате, «детской», площадь которой была метров 12-ть квадратных. Я включил кассетную магниту «Весна-202» с ритмической музыкой. Свет в люстре выключили, и я включил цветной светильник с всплывающим парафином, для интиму и придания этому обряду пафасу. Танцующих было человек десять. Мне сейчас до ужаса смешно вспоминать, как это выглядело, но тогда, в той стране, все так отмечали разные семейные события. Разница была лишь в качестве продуктов, алкоголя, размера и количества комнат, фирмовости звуковоспроизводящего устройства и интимной подсветки «танцпола».

Мне танцевать совсем не хотелось. Радостного настроения, мысль о том, что я завтра в шесть часов утра должен проснуться и уехать в Армию, мне не добавляла. Почти все истории, услышанные мной ранее об Армии, от тех, кто там уже был, воспринимались моим сознанием, как полная чушь, не

имеющая ничего общего с реальностью, законами физики и правилами поведения в человеческом обществе. Но мысль о том, что все «очевидцы Армии», рассказывали, всё-таки, почти одно и то же, меня как-то беспокоила, и где-то в дальних уголках моего разума, сеяла сомнение в правильности моих выводов о невозможности того, что рассказывали «очевидцы».

- А если это правда, а не выдумки подпитых демобилизантов?

- Тогда я совсем не хочу туда ехать...

- И что ты предлагаешь? Не поехать...?

- Раньше надо было дураком прикидываться. Заранее. Заблаговременно. Планово... Целеустремлённо! Например обоссаться в штаны перед заходом в кабинет к окулисту, на мед.комиссии призывников, за год до призыва. Да ещё и потом, на вопрос всё ли с тобой в порядке, бодрой улыбкой ответить, что всё просто «КЛАСС», и очень хочется побыстрее уехать в Армию и начать служить Родине, «с автоматом и какой-нибудь гранатой!».

- Наш одноклассник, из соседнего техникума, почти так и сделал... Так его в стройбатовское подразделение определили. ...в пустынную степь Казахской ССР, ...на секретный объект, ...матросом-строителем, ...на три года, ...на базу военно-морской авиации. Он в последствии рассказывал, что почти год жил в Армии без военной формы, и то, ему и ребятам из его призыва, форму выдали в срочном порядке, только потому, что генерал с проверкой приехал. Ну, назад уж не стали отнимать, так до конца службы форма у них и осталась, только выданные знаки различия не соответствовали действительности. Все два года, они там чистили от ржавчины части самолётов, и красили их в голубую краску.

- Придётся смириться, и принять это, как должное, само собой разумеющееся.

Но меня всё равно тянули за руки в толпу переминающихся с ноги на ногу танцующих провожающих. Подружки как никогда позволяли потрогать себя, и приветливо заглядывали в моё лицо, как бы спрашивая меня о том, готов ли я уехать ОТ НИХ на два года... Не поверите, но мне было не до них..., и не до вечерних перспектив... Как я и говорил раньше – жениться я не собирался. Ограничились целованиями в подъезде.

В моей семье никогда не было пьяных дебошей, потому всё прошло нормально. Мне провожающие, зачем-то, давали денег. Я тогда не знал, что это такая традиция. Вырученные от Проводов деньги, я передал на хранение своим родителям, ну и как компенсация за потраченные средства на еду и алкоголь к проводному столу.

Сейчас я уже не помню, как я засыпал, но помню, что когда утром меня разбудила мама, то мне совсем не хотелось вставать и ехать в Армию. Мне хотелось спать. Но... К подъезду сошлись почти все вчерашние гости, и мы пошли широкой компанией к военкомату. Баяна у нас не было. Песни мы не пели. Одет я был, как идиот, в одежду, которая была подобрана по принципу «нежалко». До военкомата было идти с километр. Как дошли, уже не помню. Помню, что это была сухая, солнечная, ноябрьская осень. Возле военкомата,

в его окрестностях, уже толпились отдельные компании провожающих. Среди них были пьяные, сильно пьяные, очень сильно пьяные, и неvariably пьяные, люди. Выделялись из групп виновники торжества... Они, так же как и я, были одеты «под идиотов». Некоторые из них, уже были пострижены на лысо, а другие, увидев лысых, и себе, под хохот пьяных друзей и родственников, стали тоже обнуляться, припасёнными, знающими эту тему людьми, инструментами – ножницами и электробритвами. Почему-то царила атмосфера праздника и беззаботности. Почти все эти компании имели с собой спиртное, которое допивали под тормозковую закуску из рук женщин, матерей и подруг.

В глаза всем бросилась компания, в которой призывник был шуточно подстрижен «под ленина». Даже если бы он и не был подстрижен «под ленина», ...ну то, как он был одет, ...сказать «под идиота» - это ничего не сказать, а в сочетании с образом головы «вождя мирового пролетариата», его образ не мог оставить равнодушным настроение окружающих. Он был одет в кримпленовый костюм песочно-белого цвета. Брюки - клёш, длина которых доходила лишь до середины голенища остроносых индишских полусапог коричневого цвета, со скошенными, «под казачок», стоптанными каблуками и подошвой цвета манной крупы, с металлической пряжкой на боку. Под пиджаком, вместо рубашки, был одет мохеровый толстый свитер тёмно-серого цвета, с вывязанным узором, на передней его части, зелёного цвета, под горло. Поверх костюма, была одета чёрная болоньевая куртка не первой свежести, с накладными карманами и капюшоном. Куртка была короткая, до пояса, и потому, из под неё вылазил пиджак. В руках он припадно теребил головной убор «Аэродром», так в то время называли «модную» высокую и очень широкую по диаметру фуражку кавказского происхождения. В те годы, такое «произведение», на головах, носили шахтёры, цыгане, рыночники-кавказцы и все остальные «модники» Советского Союза. Эти фураги были пошиты из драпа. Особую популярность они получили после выхода в эфир фильма-комедии «Мимино», главный герой которого, был переодет именно в такую шапку. Люди с чувством стиля и юмора, мало-мальски образованные и воспитанные, называли людей носивших такой головной убор – «грибами». С несколько большого расстояния, они действительно были похожи на ходячие грибы. Чуть позже, общество стало называть подобных людей «Лохами». Эту фуражку, парень подстриженный «под ленина», иногда одевал себе на голову, потом снова снимал, потом снова одевал. Казалось, что одетая или снятая фуражка, как-то подчёркивала его, то, или иное настроение. Идиотская улыбка, не покидала его, такого же, идиотского лица, никогда. Он часто и громко ржал, дёргался в смеховых судорогах, и много курил, от чего пальцы его правой руки были желты от сигаретного никотина. В свои 18-19 лет, выглядел он как-то пропито..., неважно..., плохо, немолодо.

Созерцая весь этот пейзаж, я всё больше и больше укреплялся в мысли о том, что зря я туда еду, в эту Армию, что мне там будет нехорошо, что моё

место не там, что таких идиотов, как этот «ленин в юности», там, в Армии, будет вдосталь, но поделаться с этим, я ничего не мог, ...НИ-ЧЕ-ГО...

Меня ехали в Армию...!

С территории военкомата вышел какой-то военный и объявил начало прощания с прежней жизнью и близкими, а также указал место, где призывники должны были построиться в шеренгу через пять минут. Если бы в этот момент посмотреть на всё это с высоты птичьего полёта, то картина была бы такая: Разбредшийся по окрестностям провожающий контингент из мирного населения, вдруг бросился к «своим провожаемым», тем самым образовав упорядоченные «шарики» из живых людей по «семейно-родственному» признаку. В центре этих «шариков», почти бездвижно, стоял провожаемый, а вокруг него шевелились плачущие и подбадривающие его родственники, друзья и подруги. Они его целовали, обнимали, толкали по плечам и щекам, прижимали и отжимали, слюнявили, облизывали и вытирали от слюней и помад, поправляли волосы и лохматили их. Некоторые «шарики» отрывали провожаемого от земли и несли его на руках в шеренгу перед Армией, куда представитель военкомата сказал построится через пять минут. Ставили на землю и опять продолжали ухаживать. В последнюю очередь, к провожаемому, застенчиво приближалась его девушка, которая преданно прижималась к его груди и наглядно слезявила глазной тушью, слюнявила губной помадой и пудрявила щёчными румянами «своего единственного». Все же остальные, понимающе-вежливо отходили в стороны. О чём-то шепотом договорившись между собой на ушко, влюблённые расходились. Он шёл строится в Армию, а она, кривясь лицом и всхлипывая от разлуки с «единственным», ещё стояла некоторое время бездвижно, а потом перемешивалась с толпой остальных провожающих.

В моём «шарике» всё было скучно, тихо и интеллигентно. Были целования, обнимания и напутствия отца и матери. Девушки у меня не было, и потому, в Армию я поехал практически трезвый, выспавшийся и не испачканный тушью, помадой и тенями.

Нас построили, перечислили, посчитали, посадили в ПАЗик и уехали в областной военкомат... В областном военкомате было много народу. Его свезли из военкоматов всей области. Там мы зачем-то просидели весь день, переночевали на лавках и нарах. Нас почему-то ни разу не кормили, да нам особо и не хотелось. У некоторых были с собой сумки с едой на несколько дней. В обед следующего дня, нас всех построили на плацу. Поочерёдно перед нашим строем выходил военный офицер, «покупатель», и зачитывал список тех, кто должен был ехать в Армию именно с ним. Группы формировались приблизительно по 50-100 человек. В очередной раз перед строем вышел человек в милицейской форме, подтянутый и стройный, в отличие от его предшествующих военных в зелёных формах. Он был одет как обычный милиционер, но что-то, всё же, отличало его, от привычного тогда, образа «мента». Я потом понял: военная выправка и идеально отстроенная и отутюженная форма. Он был в очках с металлической оправой, и эта деталь придавала его образу статности.

Когда он вышел в центр, то из толпы призывников раздались отдельные дикие выкрики, типа: «Мусарила», «Ментяра», «Лягашь»...! Он достойно отреагировал на подобную дикость... Командным, мужским голосом произнёс: «Я представляю Внутренние войска МВД Украинской ССР. Военскую часть, в которую я приехал отобрать парней, называют «Батальон милиции». Это одни из элитных войсковых подразделений нашей страны. У нас служить трудно, но интересно. Отличительной особенностью нашей службы, является то, что наши солдаты пять дней в неделю несут боевую службу в областных центрах и столичных городах нашей страны. Это патрульно-постовая служба по охране общественного порядка в этих городах...».

По мере того, как он говорил свою речь, я слышал с разных сторон нашего «стадного строя» одобрительные возгласы вроде: «Ух ты, ...классно, ...это «чёрная сотня», ...они каждый день в город выходят...». Толпа зашумела, но уже без дурацких и оскорбительных выгуков.

Офицер раскрыл папку, и уже в уважительной тишине, стал зачитывать фамилии.... Четвёртым в этом списке был я!!! Стоявшие вокруг меня юноши, в один шепотной стон, завистливо произвели скулёж: «Воо бляяя везёт!»... Я вышел из строя и стал в шеренгу перед этим военным милиционером. Из всего общего построения предвоенных мальчиков, нас было отобрано всего восемь человек. Офицер скомандовал «Направо!», «За мной шагом марш!», и мы, под завистливые возгласы и взгляды, ещё не «купленных» предвоенных, пошли в автобус. В тот момент, меня немного попустило. Я сообразил, что это далеко не худший вариант прохождения двухлетней службы. По крайней мере, буду ходить по городу, и видеть нормальных людей, а не тупеть в казарменной изоляции, познавая разновидности интеллектуальной отсталости человеческих особей мужского пола.

Автобусом мы ехали недолго, до ЖДвокзала. Нас построили по парам, и по перрону мы прошли тихо и без особого шума и суеты. Простояли в перекуре минут десять, и была подана электричка. Самая обычная «гражданская» электричка, зелёного цвета, с мешочниками, студентами-селянами уезжающими на выходные в свои маленькие родительские городки, цыганами-путешественниками, певцами-попрошайками, глухонемыми-художниками, вшивыми-интеллигентами едущими на дачу, и прочей пассажирской швалью, шарающей по чужим карманам и сумкам не только глазами, но и руками. Офицер скомандовал, и мы зашли в вагон, расселись в двух скамеечных отсеках, сразу возле входа. Раззнакомились между собой и стали ровно ехать в Армию. Куда нас ехали, мы узнали через 15 минут поездки. Капитан рассказал нам об этом, отвечая на вопросы не стеснительных парней из нашей призывной группы. Уже через час поездки, мы имели полноценный диалог с нашим офицером. Он с терпимой сдержанностью отвечал на наши любопытства про ту Армию, в которую нас несло, иногда деликатно преусмеиваясь и преулыбаясь нашим наивностям, так, ...по-мужски, и по-офицерски, ...даже где-то по-отцовски.

Образ этого офицера, капитана, у меня вызвал симпатии к военным, и почти окончательно успокоил мои опасения про ненормальности Армии. То, что он нам рассказывал, помню, лично мне нравилось...

В Армию мы приехали часов через шесть, которые прошли быстро и почти не запомнились. Из электрички, по перрону, строем, мы пошли на главную площадь перед ЖДвокзалом. Уже было темно и с чёрно-синего ноябрьского неба, сыпал первый мягкий снег. Вечер становился подмораживающим. Мы шли молча, наступая на снежный пушок, и уже каждый из нас понимал, что теперь начинается другая жизнь. В стороне от всей площади чемоданно-вокзальной суеты, стоял тентованный военный ЗИЛок. Капитан дал нам команду загружаться в кузов. Солдат водитель открыл борт и показал как правильно залазить в кузов, за что и какой рукой браться, и какой ногой куда наступать. Когда мы разместились, водитель закрыл борт, и капитан дал нам указания насчёт поведения в машине. Он сел в кабину к водителю, и мы поехали по Большому ночному городу, похожему на Мой Донецк.

### Лысые

На входе в Армию нас встретила группа людей, явно мужского пола. Переодеты они были в военных солдат. У них, как мне показалось тогда, была несколько полوماتая психика, и имелись признаки дурного воспитания. То, что у них было нехорошее воспитание и необыкновенная психика, определилось мной потому, что стоя на крыльце перед входом в казарменные помещения, они поочерёдно, дружно, и все вместе, выкрикивали в наш адрес, не будучи с нами вообще знакомыми, странные для нашего тогдашнего мировосприятия, жизнеутверждающие и чарующие наш, ещё необвоенный разум, фразы, типа: «Драчите жопы, малыши!», «Вешайтесь бя, ...душары!», «Вам пииздец, девочки!», «Ля бя духи расслабленные!», «Вы шо, въебались?!», «Нахуявысюда приехали, ...бляди?!», «Шоооты смотришь, ...чума болотная?!», ...и тому подобное. Как я узнал потом, это были «ДЕМБЕЛЯ». Хэбэшки у них были «в облипку», выцветшие, но явно чисто выстиранные. Шапки-ушанки, лежащие у них на задней части головы, между шеей и теменем, были явно маленьких размеров и имели странную форму, похожую на пилотку, а кокарды были изогнуты по-вертикали почти в трубочку. Погоны, с лычками, также, имели изогнуто-трубчатую форму по всей своей высоте. Сапоги были дОблеска начищены, и их голенища, спущены гармошкой, почти до размеров высоких ботинок, а каблук подбиты металлическими подковками. Они были аккуратны, и уже не по-



армейски подстрижены, идеально выбриты. От них обильно пахло приятными одеколонами. Они курили сигареты с фильтром, держа их небрежно зажатыми у основания между средним и указательным пальцами. Факт присутствия запаха «приятных одеколонов», врезался в память потому, что уже почти 72 часа, как я и мои спутники – будущие защитники отечества, шОркались и отирались по казематным помещениям призывных пунктов и железнодорожных вагонов, которые, преимущественно, пахли фекалиями и блевотиной – для грязноты, а хлоркой и хозяйственным мылом – для чистоты. Этот запах, был вторым приятным запахом, после запаха свежего морозного воздуха, который мы глотнули, когда только вышли на перрон из вагона электрички, которая нас перенесла из «Большого Города», в «Город Армии»... Город Армии, ...оказался, ...тоже, ...«Большим». Это был, ...Дне-Про-Пет-Ровск...!!! Теперь этот полис называется «Днепр».

Нас завели вовнутрь казарменного помещения на второй этаж, построили в коридоре и предложили отдать все вещи, которые были у нас в руках. Мы безропотно согласились. Нас завели в большую комнату, где были выстроены двухъярусные железные кровати. Мы сели на коричневые табуретки с дырками в центре седалища. Тогда, я впервые понял истинное назначение этой овальной дырки посередине табурета. Она, своей дырявой функциональностью, выполняла роль ручки, с помощью которой помогала солдату удобно себя держать, когда тот стоял в строю или переносил её, а не для того, чтобы отводить исходящие метановые газы, как я думал раньше. Ладонь с развёрнутыми пальцами засовываешь в эту дырку, пальцы сгибаешь, и табурет поднимаешь. Забегая вперёд поясню, что чистка оружия в Армии в тёплое время года, осуществлялась на свежем воздухе – на плацу, и с помощью этой самой табуретки. На ней лежал автомат или пистолет и их составные детали, тряпки, ветошь, оружейное масло. А для того, чтобы табуретка оказалась на улице, её надо было туда вынести, а вынести табуретку в Армии «без строя», - это нарушение Воинского Устава Вооружённых Сил. Военные выстраивались в шеренгу, в левой руке они держали табуреты, подавалась команда, и они «в ногу», «строём», несли табуретки чистить оружие.

Так вот, от происходящего с нами в последние десять минут, мы стали горевать и молча смотреть друг на друга. Мы переваривали тот объём информации, который получили от солдат встречавших нас на пороге казарменной Армии. Через некоторое время к нам привели ещё несколько таких же как и мы начинающих военных, из Ворошиловграда. Сейчас этот город называется Луганском. У них тоже, в коридоре, отобрали все их вещи, которые были у них в руках. Они тоже начали горевать, потому как увидели и услышали всё, то же, что и мы перед входом в казарму. Рядом со мной, на коричневой табуретке, сидел парень из Ворошиловграда. Он был высокого роста и достаточно крепкого телосложения. Сказать что он плакал, я не могу, но у него на глазах были слёзы, и когда он что-то говорил, то в его голосе слышалась плачевная дрожь. Он вспоминал покинутый вчера родной дом, маму и сестру. Периодически смахивал капли слёз, накатившие на его глаза.

Он мне представился романтической натурой. Симпатичный и весёлый парень, которому дела нет до Армии, но его туда всё же «забрали». И вот теперь, он сидит здесь – в Армии... Насмотрелся гостеприимства будущих сослуживцев, и откровенно горюет.

Вскоре вошёл сержант и с ним солдат. Сержант представился и сказал, что он будет нас обучать до момента принятия нами присяги, что мы будем называться «учебным взводом». Обучение будет продолжаться один месяц, потом нас расформируют по взводам. В батальоне пять взводов: три основных – «патрульных», и два вспомогательных – «хозяйственный» и «автомобильный». Он рассказал, как именуется воинская часть, в которую мы приехали, и её адрес полевой почты. Адреса всех воинских частей, в той стране развитого социализма, были «полевыми», наверное для стратегической секретности, или на тот случай, когда часть куда-нибудь уедет, а почта приедет за ней.

Сержант был худой и сутулый. У него была маленькая и круглая голова, алые, всегда заслущенно-влажные, тонкие губы. Его истинную фамилию я не помню, но мы его сразу прозвали «Аявриком», что было похоже и созвучно с его настоящей фамилией. Он был или из Киева, или из-под Киева. Как выяснилось в последующие годы совместной службы, парень он был не плохой, но колхозноватый, и без фантазии. Он был «черепом», т.е. – прослужил один год. Солдат, который пришёл вместе с ним, был его товарищ – тоже «череп». Пришёл он просто, «за компанию», посмотреть на «животных», то есть на нас, как сейчас выражаются: «потролить лохов».

Когда в комнату вошёл старшина, Аяврик скомандовал: «Встать! Смирно!». Мы вскочили, кто как смог стал «смирно». Старшина скомандовал «Отставить!» и велел строиться и идти на ужин. Мы вышли на улицу, построились в три шеренги, развернулись «Направо!», и шагом «в ногу», пошли в столовую.

- «...раз, ...раз, ...раз, два, трии..., чёче шааг...!, ...правое плечо переёд...! Привыкаем становиться быть военными...!» - кричал подзадоренный своей властью Аяврик.

Так как от казармы, т.е. от места построения личного состава, до столовой всего 25 метров, а для придания процессу похода в столовую, надо было придать «военного пафосу», то в этой Армии, было задумано ходить на короткие расстояния кругами по плацу. Таким образом, получалось, что и поход был похож на поход, и военных понтов было больше, и солдат аппетит нагуливал. А ещё, при этом марше, иногда, отцы командиры, предлагали петь всякие нелепые песни на армейские темы. Например: «У солдата выходной...», «Смуглянка-молдованка...», «День победы...», «Белая армия, чёрный барон...», и т.п.

Кстати, отступая от основной темы моего изложения событий, хочу заметить, что в то время, ни я, ни кто бы то ни был другой, не вдумывались в смысл и содержание последней из приведенных в пример песен. Рекомендую Вам, мои читатели, современным взглядом и разумом, обратить своё внимание на текст этой Чудо-песТни, особенно на её последний куплет.

Гарантирую – Вы охренеете, от того, что ТАКОЕ можно было соЧленить, ...ещё и повсеместно петь, вплоть до... А теперь представьте себе уровень интеллекта и социального сознания тех людей, которые ЭТО, «напИсали», и тех, которые в ЭТО, действительно верили:

*...Мы разжигаем пожар мировой.  
Банки и тюрьмы сравниваем с землёй.  
Ведь от тайги до британских морей,  
Красная Армия всех сильнее!...»*

Ну как...? ...И мы эту херь пели. Горжусь тем, что я никогда не знал полностью тексты этих песен. Но это сейчас – «я горжусь», а тогда, я открывал рот как рыба, и изображал поющего солдата, а где-то в глубине моего сознания сидел червяк и кровоточил мою «советскую совесть»:

«...- Я не такой нормальный, как все вокруг. Я даже слова песен наших «советских» не знаю. Я не достоин... Я не в состоянии запомнить... Я не полноценный... Они – вон какие..., а я - ...?!».

И даже после таких самобичеваний, я всё равно нииихееера не запоминал, да и не старался. Оно ко мне в голову просто не лезло, ...это гавно. Да и Слава Богу!

Навернув по плацу круга три-четыре, подзадориваемые сержантом Аявриком, под наблюдением старшины, его все называли «Рексом», мы подошли вплотную к дверям в солдатскую столовую, где на стене перед входом, так и было написано: «Солдатская столовая», на красной застеклённой вывеске с серпасто-молоткастой звездой. Наивно остановившись перед закрытой входной дверью, мы получили разъяснения от сержанта, что пока от него не поступит команда об остановке, то советский солдат - защитник всех обездоленных в Мире людей, должен продолжать свой ПУТЬ, но уже на месте, изображая радость на лице и желание продолжать идти ВПЕРЁД, и как можно сильнее молотить подошвой об асфальт или об другое дорожное покрытие, или об «без оного».

- Поняли, животные? – изрёк Аяврик, упиваясь властью главнокомандующего.

Мы поняли, и вновь замаршировали, но уже на месте, и уже вразнобой. Аяврику не нравилось, как мы выплясываем, и он корректировал: «...раз, ...раз, ...раз, два, триии!..., чёче шааг, ...военные!, ...пока мне не понравится, будете топтаться на месте, пока подошвы не сгорят...». Так продолжалось минуты две. Потом ему понравилось. Мне тоже понравилось. Чёткий марш на месте целого взвода, а это человек тридцать, да в вечерней тишине, действительно, как-то дисциплинируют и придают какой-то заряд армейской энергии и боевого настроения.

Сержант открыл дверь в столовую и объяснил, в каком порядке мы должны заходить и рассаживаться за столы. Столовая состояла из двух залов, первый был проходным. В столовой стояли длинные столы, вдоль которых стояли длинные лавки. В первом зале было шесть столов, во втором семь.

Каждый стол был рассчитан на десять-двенадцать человек, по пять-шесть с каждой стороны. Все столы были уже «сервированы» к ужину и подготовлены к приезду патрульных взводов со службы. Наш ужин происходил в восемь часов вечера, а Патрули ужинали примерно в полночь. Нам выделили три стола во втором зале. Этот зал был предназначен для первого и второго взводов «Патрулей», и взвода «Хозяйственного». Во втором зале столовались «Третий патрульный» и «Автовзвод». Автовзвод называли «Мазута», потому что они всегда ходили в машинном масле и мазуте от ремонта техники. Руки у них всегда были как у работяг.

На краю каждого стола стояли эмалированные металлические кружки, тарелки из нержавейки, лежали ложки. По центру стола стояли две хлебницы с нарезанным хлебом-кирипичиком. В кастрюле-бачке, была то ли перловая, то ли ячневая каша. Ещё, в двух тарелках были уложены кусочки жареной рыбы, ровно по количеству солдат за столом. В конце стола стоял чайник с горячим чаем и тарелка с порционными кусочками сливочного масла. Была глубокая тарелка с порезанными напополам солёными зелёными помидорами. Мы, как попало стали вдоль столов, поступила команда, и мы сели. Голодных среди нас, пока, не оказалось. Видя отсутствие у нас аппетита на такое изысканное угощение, старшина громко скомандовал: «Приступить к приёму пищи!». Сидящий у края стола парень, по команде сержанта, взялся раскладывать кашу по тарелкам, по мере наполнения которых, мы начали её есть ложками. Один из сидящих рядом со мной, парень из моего города, брезгливо заявил в адрес каши, ковыряя и размазывая её по тарелке: «Что это за свинячье вариво?». Старшина это услышал и громко оборвал недовольного «военного» фразой: «Я посмотрю солдат, как ты это вАриво, завтра вечером будешь вылизывать из тарелки до блеска!». Сержант подхватил спитч Рекса, и парочкой фраз с отборными матерными словами, обрисовал ближайшие гастрономические перспективы этого недовольного солдата. Парень понял, что совершил значительную стратегическую ошибку, когда вслух выразил своё мнение по поводу кашной еды. Стол медленно ковырялся в тарелках. Парни, уже молча, не довольствовались солдатской кашей, но на своих лицах этого не проявляли. Я и ещё немногие, из всего нашего «заезда», съели из своих тарелок всё. Я это сделал потому, что меня всегда учили не оставлять еду в тарелке и ценить её, хотя есть мне особо не хотелось. Когда ужин закончился, нас так же как и перед ним, повели кругами по плацу, с песней, в казарму. Нам стали раздавать форму и всякие причиндалы к ней: сапоги, погоны, петлицы и т.п. Мы всё это мерили, пришивали и прикрепляли. Сержант рассказывал нам, как и куда лепится та или иная запчасть военного гардероба. Он показал, как правильно надо наматывать портянки, и оказалось, что никто, кроме нас - парней из Донбасса, не знал, как это делается. У меня эта процедура вообще не вызвала никаких трудностей, потому что перед Армией я учился и работал в шахтном направлении, а там на работе, в шахте, ходили в сапогах и портянках. Форму нам выдавали по размеру, а если она не подходила по каким-то параметрам, то её, тут же меняли на подходящий размер.

Дошло дело и до наших причёсок. В Армии, в которую нас привезли, был свой штатный парикмахер. Он прослужил уже полтора года, и считался дедом. Из инструментов, у него были ножницы, механическая бритва, работающая по-принципу ножниц, электрическая машинка для подбривания, и расчёска. На процедуру нашей подстрижки, он пришёл не один, а как он выразился, «с помощниками». Это были тоже двое дедов. Потом я понял, для чего он пригласил своих товарищей, и не пожалел, что коротко подстригся ещё дома. Меня подстригать было не надо, а парней у которых были «гражданские причёски», этот цирюльник лапошил, как хотел, устроив из этого мероприятия зрелищный цирк. Он усаживал «клиента» на табурет, стоявший посередине комнаты, в которую нас поселили, накрывал простынёй плечи, и начинал состригать волосы, как ему казалось и хотелось, поинтереснее. Одному, он состриг все волосы кроме чубчика, тем самым создав шедевр для ржача не только его, и его «помощников», но и для нас – новобранцев. Парень ходил с такой причёской, как мальчик из пионерского лагеря довоенных времён, и умолял его достричь, но маэстро-парикмахер, только глумился над его просьбой, и говорил, что это очень стильная и красивая уставная причёска. И что для полноты картины, ему не хватает шортиков, с перекрёстными через плечи и грудь ремнями, белых гольфиков с сандалиями, и пионерского галстука. Другого, одарили причёской «под горшок», и он тоже веселил своим присутствием военное собрание. Третьего, превратили в панка, оставив ему полосу волос вдоль головы, от самого затылка и до лба. Четвёртый мальчик, еврей по национальности и музыкант, участник вокально-инструментального ансамбля на «гражданке», с кучерявой шевелюрой, имел неосторожность приехать в Армию, ещё и с большой густой бородой, был украшен «под молодого Карла Маркса». Это архитектурное решение, больше всего вызывало смеха и радости среди нас, особенно тогда, когда он, по приказу сержанта, облачился в милицкий китель и надел милицкую фуражку с кокардой в виде герба СССР. Пятому, повезло меньше всех. Ему, просто, с левой стороны головы, вокруг левого уха, оставили не состриженную копну волос, размером с пятерню, при этом, остальные удалив «налысо». Шестому, седьмому, и... Придали внешности Гитлера, запорожского и кубанского казака, Ленина и купца третьей гильдии.

Не забыть такой увлекательный вечер было не сложно. Когда батальон заехал на территорию, вернувшись со службы, мы находились во дворе возле армейского туалета. Кто-то курил, а кто-то просто стоял и поддерживал разговор о первых наших впечатлениях об этой Армии. После выгрузки личного состава из грузовиков, последовало его построение и короткое подведение итогов дня патрульно-постовой службы, которое закончилось командой «Разойтись и приготовиться к построению на ужин». Часть «разошедшихся» патрулей ломанулась в туалет, где их уже ожидали сказочно подстриженные персонажи. Их трогали, трепали за шалённые притчи, над ними ржали и издевались. Если бы в то время, существовали такие же гаджеты как и теперь, то их бы ещё и фоткали, а интернет, пестрил бы

невиданными модельными причёсками в стиле «Совет милитари». И слава Богу, что тогда, этих гаджетов не было, и наша армия, в глазах международной общественности, могла быть похожей на «нормальную».

Особой популярностью среди приехавших со службы солдат, пользовался «Карл Маркс в молодые годы». В промежутке, между окончанием создания его нового образа парикмахером, и выводом всех нас в уличный туалет, он попытался удалить бороду, доступным ему в тот момент, способом – с помощью лезвия «НЕВА», но без его установки в бритвенный станок. Держа острое лезвие пальцами, парень просто срезал волосы бороды, оттягивая их пальцами другой руки, подрезая, как можно ближе к коже. Когда он срезал половину своей бороды с правой стороны лица, сержант приказал построиться и вывел нас в туалет. Во время построения, сержант заметил «изменения» в образе «Карла», и проржав с его видухи, сквозь слёзы солдатской радости, морально поддержал молодого солдата жизнеобнадеживающими словами: «Нот-ты и долбоёб, военный... Тебе здесь реально будет интересно..., ну, держись...!».

Недостриженные головы, конечно же, потом достриг, выровнял и упорядочил их создатель, автор и правообладатель – Армейский Пэрукар. Состриженные волосы собрали и смели, отправив их в топку местной котельной, вместе с нашими иллюзиями о достойной воинской службе на благо Нашей Родины. Владельцы эксклюзивных модельных причёсок, успокоились, и уже перемешались своей незаметностью в общей массе однообразных людей военной внешности.

Их головы брили «наголо», а я вспомнил свою историю «про лысых» из школьной жизни седьмого класса. Это было в тот же учебный год, когда я, наивно и лукаво полагая, или, делая вид, что так думаю, что джинсы – это рабочая одежда, как нам рассказывали наши учителя, пришёл на «Ленинский Коммунистический Субботник» в этих самых американских потёртых джинсах. Об этом эпизоде я рассказывал в прошлой моей книге. Осенью 1979 года, ко мне домой пришли мои школьные дружки-одноклассники, чтобы позвать гулять на улицу. Их было трое, и все они были подстрижены «налысо». Один из них был пострижен ещё в начале учебного года, по инициативе его родителей, потому что его волосы сильно выгорели от морского летнего солнца, и чтобы они восстановились, его обнулили. О его лысости я уже знал и видел, а двое других, предстали передо мной, лысыми, только теперь. Они сказали, что подстриглись «закомпанию», чтобы поприкалываться, и предложили мне тоже подурачиться таким способом, и тоже – подстричься наголо. Я сначала категорически отказывался, но они меня убедили в том, что уже через три недели волосы отрастут, зато будет что вспомнить, и я – согласился. Они привели меня в ту же парикмахерскую, в которой полчаса назад, сами, по-очереди, подстриглись у одного и того же мастера, рекомендовав её, и мне. Девушка с радостью и пониманием сути самого прикола, быстро обстригла мою голову налысо, за семь копеек. Их, вместо меня, заплатил один из моих товарищей-спутников, в знак уважения моей солидарности «общему делу». Уже вчетвером, лысые, мы весело шли

по улице и разрабатывали сценарий нашего завтрашнего появления в школе перед классом. Первым уроком на завтрашний день была «История». Её преподавала немолодая женщина с бело-жёлтыми бесформенными волосами, курящая и одинокая. Звали её Вера Фёдоровна. Она кое-как красила свои губы красной губной помадой, а глаза, и всё что к ним относится, чёрным карандашом, и, наверное, тушью, чтобы быть похожей на женщину, и чем-то была похожа на кино-персонаж «жена Гуськова», из кинокомедии Э.Рязанова «Гараж». Ей было глубоко по\*уй в чём ходить, и она почти полностью была атрофирована от происходящего вокруг неё. Реагировала она, только лишь, на директора школы и на одну из завучей. Иногда у нас возникало подозрение того, что Вера Фёдоровна, не просто – странная, а – сумасшедшая, но – «ТИХО»-сумасшедшая. На её уроках торжествовала сумбурно-пацифистская движуха. Нас вдвойне порадовал факт того, что завтра, первый урок «История». Мы, вчетвером, встретились возле школы так, чтобы нас не увидели преждевременно наши одноклассники, и вошли в школу уже тогда, когда прозвенел звонок, и ученики разошлись по своим классам. Мы подошли к закрытым дверям и прислушались. В классе, как и всегда на уроке у «Верочки», как мы называли меж собой Веру Фёдоровну, стоял тихий шумочек. Подгадав момент, когда Верочка объявила тему урока, и начала его оглашать, мой товарищ, тот которого класс уже видел лысым раньше, постучался и вошёл в аудиторию. Верочка всегда пускала опоздавших и не замарачивалась любопытством о причинах опоздания. Она пускала даже тогда, когда опоздавший приходил за пять минут до окончания урока, и это тоже считалось, что ученик присутствовал на уроке. Опоздание на урок и появление «Первого лысого», не вызвало у класса никакой реакции, потому что его, лысым, уже знали и видели. А появление в дверном проёме урока «Истории», через пять минут после появления «первого», «Второго лысого», вызвало у учеников нашего класса, непритворный живой интерес, сопровождавшийся смехом и комментариями отдельных его членов. Класс успокоился, и Верочка продолжила. Через три минуты начала продолжения Верочкиной Истории, я постучал в дверь, и вошёл в класс...! Следует пояснить, что входная дверь в «Класс Истории», располагалась за спиной у преподавателя, и была не на уровне стены со «школьной доской», а уходила в глубину двухметрового тамбура от неё. Получалось так, что входившего в помещение, сначала видел весь класс, а уже потом, после его продвижения вовнутрь, его мог увидеть учитель. Когда меня увидели мои одноклассники, им сразу стало понятно, что это – неслучайное совпадение. Появление «Третьего лысого», вызвало шквал радости и восторга от происходящего. Урок был почти сорван. Вера Фёдоровна, будучи всегда, практически отмороженной от происходящего вокруг неё, в этот раз, да при таких-то обстоятельствах, решила вмешаться и навести порядок своим игрушечно-беспомощным беснованием. У неё, это, с горем пополам, но – получилось. Не сразу, не быстро, но – получилось. Класс угомонился, но зубоскалил, а я понимал, и мне, уже становилось страшноватенько, потому что я знал, что за дверью, стоит ещё один мой товарищ, и он тоже лысый, а

класс, ЭТОГО – ,, ...не знает...! Я уселся за парту. Мои соседи со всех сторон, потрогали мою, уже наждачную, но белоснежно-синюю голову, и, – порадовались, вместе со мной.

Верочка продолжала урок, а я с ужасом в мыслях, и с застывшей улыбкой звезды-киноактёра на лице, ждал очередного стука в дверь, который теперь, мне, представлялся, как грохот, с которым в дом, врывается беда. И она – таки ворвалась – он постучал! Когда дверь медленно открывалась, в классе была полная тишина. Все молча, обратили внимание на стук и открывающуюся дверь, а Вера Фёдоровна рассказывала о каком-то восстании, каких-то рабочих, в какой-то Европе. Эти секунды, пока входная дверь стучалась и медленно распахивалась, для меня длились достаточно долго, и я, как бы, пребывал в замедленном кино, которое молниеносно оборвалось появлением в дверном проёме «Четвёртого лысого». С этого момента, тогдашняя моя жизнь, и жизнь моих лысых сотоварищей, стала меняться со скоростью, и в формате, геометрической прогрессии, на жизнь «ДО», и на жизнь «ПОСЛЕ».

Повальный ржачь моих одноклассников и одноклассниц. Брожение по классу. Истерика Верочки. Сорванный урок. Зачинщики. Вызов директора. Тайное подростковое сообщество. Родителей в школу. Вы не следите за своими детьми. Они подверглись воздействию Запада и Капитализма. Их воспитанием надо заниматься. Колония для несовершеннолетних по ним плачет. Школьное общее построение. Ублюдки! Фашисты! Садисты! Позор! Признавайтесь! В какой организации состоите? Кто вас заставил подстричься налысо? В милицию их! Из комсомола! Из школы! Смотрите дети на этих подонков – до чего их довела Западная Пропаганда! Страна в ОПАСНОСТИ!!!

В КаГЭБэ их...!

**Справка:** КаГЭБэ – это моё, и не только, интерпретационное написание аббревиатуры «КГБ» – **Комитет Государственной Безопасности**. Название говорит само за себя. КаГЭБэшник – сотрудник КГБ. Эта организация, стала правопреемницей, и унаследовала самые «лучшие традиции» своих сестриц-предшественниц, таких же «легендарных» организаций, как МГБ, НКВД, ЧК, ГПУ, и передала эстафету, без особых изменений своих «принципов и методов работы», современной организации – **ФСБ РФ – Федеральная Служба Безопасности Российской Федерации**. Расшифровывать аббревиатуры организаций-предшественниц, их «методы и традиции», не хочу. У меня на это – ни времени, ни бумаги, ни нервов – не хватит. Да и желания нет, в этом гавне, с прожилками крови, ковыряться.

Мы думали, что это, был какой-то страшный сон, и он скоро должен проснуться, но это – была реальность, в которую мы вляпались.

...Да, мы просто. ...Мы хотели пошутить. ...Ни в какой организации мы не состоим. ...Мы не фашисты. ...Родители не знали. ...Мы больше не



будем. ...Никогда! ...Простите нас! ...Не надо нас исключать из комсомола! ...Мы хотим учиться в школе. ...Не надо в милицию. ...Мы сами всё расскажем! ...Извините нас, пожалуйста! ...Родители придут, мы им скажем.

Бичевания продолжались до отбоя, и ещё чуть-чуть потом. В классе, в коридоре, в учительской, в кабинете у директора, на площадке в школьном дворе перед всем честным школьным народом, в кабинете классного руководителя, в ленинской комнате на комсомольском собрании, по дороге домой, в подъезде, в лифте, возле дверей квартиры, в прихожей, в ванной, в детской комнате, на кухне, за столом, после ужина, в сумерках кровати под одеялом, утром перед школой. Запомнилось! Быть лысым – нескучно, но – опасно!

### Табуретки

Нам выдали, и мы застелили постельное бельё на наши военные кровати. Сержант показал и объяснил, как правильно следует заправлять кровать в Армии, как одеваться утром после сна и раздеваться ночью перед сном, как укладывать снятую одежду на «личную табуретку». Да..., в той Армии, у каждого военного солдата, была своя табуретка. В какой-то момент её выдавали, приписывали, и снизу, подписывали именем «солдата-владельца» этой табуретки. Теперь, за эту табуретку, должно было отвечать, хранить и беречь, ремонтировать и красить. Все два года, эта табуретка помогала солдату жить в Армии. Она играла значимую роль в его солдатском бытии, зачастую важнее и чаще, чем закреплённое за ним вооружение. Если автомат или пистолет использовались военным солдатом раз в неделю, на полевых занятиях по боевой подготовке, то с табуреткой, этот же советский солдат, «...носился как дурень со ступою...» – везде и всегда! С ней он перемещался по Военной Жизни, как инвалид с костылём или с инвалидной коляской, без которой, инвалиду, ну ни как не выжить в своей беде. Военный на ней сидел и стоял, писал и рисовал, спал, пел, и ел, складывал одежду и упаковывал вещмешок, выслушивал бредни политинформатора об ужасах Загнивающего Запада и агрессивной политике НАТО, об Ядерной Угрозе США. Стоя на ней во весь рост, перед отбоем, он плёл изысканный солдатский стихотворно-рифмованный фольклор типа: «День прошёл и стал короче, всем дедам – Спокойной Ночи!». С помощью табуретки, солдат придавал эстетической ровности и угловатости своей подушке. Правда для этого военно-религиозного таинства, требовалось две табуретки, и вторую, солдат брал в долг у соседа по кровати. Подушка укладывалась на сиденье одной табуретки, а сиденьем второй табуретки, перевёрнутой до горы ногами, Защитник Социалистического Отечества, взявшись за две ближние её ножки, со всего маху сверху, !!!ХУЯРИЛ!!! плашмя по этому мешку с коктейлем из курячих перьев. Именно «!!!ХУЯРИЛ!!!», а не «ударял». Такого усердия от солдата, требовала сама военно-политическая доктрина Той Армии, и воспитанная, уже, в её духе, старослужащая солдатня. А потому утром, в казарме, во время застелания кроватей, стоял

оглушительный грохот и гул, которые были слышны даже на улице, за пределами нашей части. Этот гул и туман, стоявшие в казарме, окончательно пробуждали нас от сна. Местные жители, проживающие рядом с нашей Армией, когда проходили мимо, вдоль каменного забора опоясывающего воинскую территорию, во время этого шабаша, всегда озирались в вопросительном недоумении и ускоряли шаг, чтобы быстрее миновать аномальную зону, гудящего своей опасностью, пространства. Так как этот способ выравнивания помятой за ночь подушки существовал в Армии с незапамятных времён, то её первое содержимое, от такой неординарной и ежедневной эксплуатации спальной принадлежности, превращалось в нечто подобное наполнению, применяемому в современной резиновой игрушке «Саомагу», которую приятно разминать в руке для успокоения нервов. Забегая вперёд, скажу, что я потом узнавал – такая же технология форматирования угловатости подушки, присутствовала во всех казарменных помещениях сухопутных войск Армии, где служили мои друзья и знакомые. В морской Советской Армии-Флотилии было по-другому. Там все лавки-табуретки были наглухо прилеплены к полу, дабы во время штормовой качки, эти сидения не летали по кораблю, и не травмировали, и без того травмированных, трёхгодичным сроком службы, Советских Матросов. Замечу, что все сухопутные солдаты в Той Армии, служили два года, а все водоплавающие солдаты, служили три года. Того, кто придумал этот способ выравнивания подушки табуретками, я не знаю, но это очевидно «Светлая Голова», с нестандартным уровнем интеллектуального развития, и с явно изощрённым мировоззрением человек.

Также, стоит отметить, что с помощью военной табуретки приводился приговор в исполнение, по отношению к проштрафившемуся молодому солдату. Если было определено, что молодой военный «залетел» или «спалился», то его премировали «калыбахой». Он становился перед табуреткой на колени и укладывал свою голову на неё ухом, закрывал глаза. Наказатель со всего маху е\*ашил подушкой по зажмуриной голове обречённого и горланил: «КА-ЛЫ-БА-ХА!!!». Такое было редко. Я видел всего лишь один раз. Наверное это было больно.

Ещё, из инвентаря для обустройства казарменной красоты, и упорядочивания засланной солдатской кровати, в нашей Армии, существовали «планки». Планка - это обработанная деревянная досточка длиной сантиметров семидесяти, толщиной пару сантиметров, и шириной, сантиметров семи. Посередине одной её плоской стороны, как у школьной линейки для очерчивания с её помощью прямых линий мелом на школьной доске, имелаась ручка-держатель. За эти ручки-держатели, солдат брал две «планки», и ими, «набивал», способом параллельного их сдавливания и пристукивания, «стрелки», на всех угловых сопряжениях, закутанного в одеяло, матраса. Получалось, что застеленная кровать, представляла собой: саму металлическую конструкцию пружинной кровати, и, лежащий на ней, ровный и прямоугольный, как плита, «брусочек» матраса в одеяле. А на месте лежания солдатской головы во время сна, стояла «отутюженная»

табуретками, слепленная в треугольную форму, как в пионерлагере, торчащая одним своим острым углом вверх, подушка.

И это, ещё не все заморочки военного креатива.

Следующими «пунктиками» армейского уюта и порядка, залогом боевого успеха самой Освободительной Армии Мира, были симметрия, вОднуЛинейчкунность и подНиточкунность. Три белые полосы, нарисованные на ножной части шерстяного солдатского одеяла, в заправленном состоянии, должны были совпадать в своём продолжении от кровати к кровати, по всей длине ряда кроватей, по ниточке. Когда все кровати были застелены, то очередные дежурные уборщики-солдаты, должны были мыть полы и наводить всяческий порядок, ровнять полосочки на одеяльцах, и подушечки, «под ниточку». Нитка растягивалась поперёк, по всей длине ряда кроватей, и по ней ровняли нарисованные полосочки, а если смотреть вдоль этих полосочек, то они представляли собой продолжение друг друга.

Апогеем в процессе наведения порядка и уборки в казарме, конечно же было мытьё полов. Эта процедура называлась «заплывом». Существовали «Маленький заплыв», который производился ежедневно по утрам, и «Большой заплыв», проводимый раз в неделю во время паркохозяйственного дня. Мытьё полов, только на первый взгляд, может показаться простым по своему содержанию и интеллектуальному наполнению, актом по очищению полов, т.е. – половым актом. На практике же, это – шедевральное действо... На пол выливается с десятков вёдер воды, и дежурные солдаты, тряпками и на четвереньках, загоняют эту повышенную влажность в вёдра, способом выкручивания её, из всосавших в себя эту влагу, половых тканей. Роль половых тканей исполняли старые полотенца и мешковина. После удаления всей водяной массы с пола, он становился свежим и пылеудалённым. В казарме наступала чистота и свежесть. Это называлось «Малым заплывом». «Большой заплыв», производился с применением моюще-чистящих химических веществ, таких, как растопленное хозяйственное мыло, которое старшина Рекс, специально выдавал для подобных мероприятий. И уже, вместо простой воды, на пол выливали большое количество мыльно-водного раствора, который, мало, просто удалить с половой поверхности, его ещё надо смыть чистой водой, и чтобы после этого, не оставалось разводов. Очень точно подмечено, и названо это, «заплывом», потому что солдаты фактически плавают по казарме в лужах воды, а чтобы одежда не намокала в процессе заплыва, её снимают до трусов. Вот и получается, что как на море – заплыв.

Ну и это ещё не всё. От накрЕмленных гуталином солдатских сапог, шаркающих снующими без усталости ногами молодых парней, на половом покрытии оставались чёрные полосы, которые тоже надо было удалять. А просто так, от водно-мыльного раствора, они не оттирались, и их надо было оттирать во время «большого заплыва» брусочками хозяйственного мыла и канцелярскими школьными «тёрками-резинками». А после полного удаления всей воды, деревянные крашенные полы, надо было натирать половой

мастикой. Она была в металлических банках, как консервы, или в пластиковых тубиках-колбасках. Ею надо было намазывать полы, а потом быстрыми круговыми движениями рук и ног, полировать. Существовали специальные башмаки с войлочной или ворсяной подошвой. Их одевали на сапоги как детские лыжи, и разъезжали в них по полу, тем самым натирая пол до блеска. Приблизительно такими же методами мылись и все другие деревянные полы в нашей Армии: в штабе, в учебных классах, в актовом зале и в других помещениях. Так что, Половой Вопрос, в Советкай Армии, стоял, и был, на первом – главном месте.

Пока мы были в учебном взводе, нас, всему этому шаманству, успели обучить сержанты на примере нашего маленького, по-сравнению с общими казармами, помещения, где мы находились до момента принятия нами воинской присяги. И когда нас, молодых солдат, распределили по действующим взводам, то в них мы влились уже специалистами по обустройству военной чистоты и армейского уюта. Были среди нас, конечно же, и придурки, у которых руки росли из жопы, а ноги из плечей. Были и такие, которые прикидывались придурками и неумейками, но после пары пиздюлин, понимали, что дешевле будет не прикидываться, потому что и звиздюлей получают, и всё что положено сделают. Была и третья категория молодых солдат, которые всё умели, и со всем вовремя справлялись, но их сущность, отрицала саму систему стадного общежития и насильственного навязывания им, принципов, существующего в те годы, армейского бытия. Эта категория была малочисленной, к ней причислялся и я. Я никогда открыто не отказывался от «армейских» трудностей, хозяйственных работ и других «военных» мероприятий, абсолютно не имеющих ничего общего с боевой подготовкой и со службой Отечеству, но всегда находил способ, и аргумент, ЗА-ХИ-ЛЯТЬ!!!, от этих, как я считал и считаю, глупостей. Но об этом, в следующий раз.

Армия, в которой мне довелось служить, унаследовала от старорежимной царской, телесные наказания солдат, - как способ устрашения и мотивации. Конечно же, эти физические посягания на организмы и сознание солдат, никоим образом не были узаконены, но они реально существовали и присутствовали в казарменно-солдатской среде. Это явление представляло собой набор придуманных в разные времена, солдатней - от скуки, и поддержанных офицерём – для практического подчинения себе первых, причин наказания, ритуалов и традиций, и носило характер «солдатско-офицерско-армейской самодеятельности». Без устрашения подчинённых, офицеры не смогли бы контролировать и держать в порядке свои подразделения, и если бы..., - не доверили ЭТО ДЕЛО, старослужащим солдатам – «дедам». Явление это, называлось, да и сейчас называется - «дедовщина». Но о ней чуть позже. Сейчас о телесных наказаниях – важной и значительной части этого явления.

Вот те планки, о которых я упоминал ранее, применялись в нашем батальоне, почти как розги. Проштрафившийся молодой солдат, нагибался головой вниз к сапогам, и предоставлял свои ягодично-жопные булки для

ударов этими деревяшками. Плоской их поверхностью, лицо, назначившее такое наказание, со всего маху, перпендикулярно жопному ущелью, хлопало по обеим его половинкам одновременно. Меня, к счастью, такая экзекуция обошла стороной, но те, кто это испробовал на себе, рассказывали, что это – была очень острая и жгучая боль. Кости, конечно же, не ломались, но сидеть после такого воспитания, на жопе, было некомфортно. Один удар – назывался «один горячий». Количество «горячих», как размер наказания, мог доходить до десяти. Иногда, но очень редко – до двенадцати. Больше – просто было не выдержать. Ну и наказатель, конечно же, следил за реакцией подсудимого на количество ударов, – мог уменьшить, или увеличить. Это зависело от некоторых факторов: от личности наказуемого, от личности наказателя, от темы залёта, и так далее и тому подобное. Наказание могло быть назначено сержантом или старослужащим солдатом по отношению к молодому. За небдительную службу в городе, за некачественный порядок в казарме, за замечания офицера, за большую любовь к еде, за опоздание из увольнения, за неуважительное отношение к оружию или к военному инвентарю.

Трещали жопы по всем этажам казармы, особенно в первые дни и недели пребывания молодого пополнения во взводах после «учебки». «Молодёжь» летала из одного конца спального помещения, в другой, разыскивая спасительный «пятый угол», чтобы спрятаться от резко, и вдруг, навалившегося прессинга, уже бывалых, военных парней старших призывов. Новобранцы привыкали к казарменным традициям, устоям, правилам, и к кардинальным переменам в их жизни, которая до этого момента, протекала скучно, вяло, и бессмысленно. Ну в смысле – «нецелеустремлённо». Теперь у каждого из них, и у меня в своё время, была чёткая, ясная, и заветная цель, с признаками мечты – сделать в Армии всё так, чтобы не попасть под раздачу «планкой по жопе».

Система «телесных наказаний» работала. Работала безотказно. Солдаты становились расторопными, зрячими, ходячими, бегающими, прыгающими, успевающими, и потихоньку приобретали способности и навыки ясновидцев, прорицателей и экстрасенсов. Каждый ясно смотрел и видел будущее, своё, и своего товарища по оружию. Если сейчас кровать не будет правильно и быстро заправлена, а полы не будут вовремя сухими, то через пять минут после этого, всякие рецепторы и нервные окончания, расположенные в жопной области тела, начнут передавать в мозг сигналы бедствия, рассказывающие ему о том, что им очень и очень больно, и чтобы это бедствие остановить и прекратить, а в будущем не допустить, то СЕЙЧАС, надо быстро и правильно мыть полы и застилать кровать. И предсказания сбывались, с точностью «до миллиметра».

Наше пребывание в учебном взводе привело нас к тому, что мы уже должны были «Принимать Присягу». Нас подготовили. Мы всё прорепетировали и выучили текст «Воинской Присяги» на память. Нам разрешили позвать на день принятия присяги наших родственников и друзей. Их запустили на территорию нашей части, провели экскурсию по всей

территории, и они были зрителями того, как мы торжественно пересказывали текст Присяги, а за это – нам выдавали военные билеты, уже с записями в них, наших званий и должностей, ...кажется. Для придания мероприятию торжественности, автоматные ремни были перемотаны белыми медицинскими бактерицидными бинтами, которые нам для этого выдал Рекс, и розданы белые трикотажные парадно-военные перчатки. Мы были удивлены и даже не сразу поняли, что он имел в виду, когда раздав нам бинты, после получения нами, наших, уже «именных калашей», приказал обмотать их, этими бинтами. Увидев наше замешательство, Рекс повторил задачу, и только тогда – мы действительно поняли и поверили в то, что в Могущей Советской Армии, автоматные ремни, на парады, реально, обматывают белой марлей. Мы присягнули, и нас отпустили с родственниками до вечера в увольнение. В этом увольнении мы нажрались привезенных нам родителями всяких вкусных продуктов, и принесли их остатки, нашим сержантам, по их убедительно-настойчивым рекомендациям и «просьбам». На следующий день после присягания на верность Родине, нас перевели в «патрульные взвода».

### **Начало**

За неполные шесть недель пребывания в Армии, мы уже научились держать ушки востро. При передвижении по территории Армии существовали свои правила. Они были «писанные» и «неписанные».

«Писанные» – это уставные: отдавание чести офицерам и кускам.

**Справка:** «Куски» – это сверхсрочники, те, кто после прохождения своей срочной службы, продолжил оставаться быть типа военным. Им присваивалось звание прапорщика и давалась какая-нибудь должность, например: завскладом или нач.радиоузла. Они уже получали зарплату, похожую на зарплату людей Советского Союза. Они уже могли жить за пределами воинской части и обзаводиться хозяйством, собакой, кошкой и женой с детьми.

«Неписанные» – это те правила, которые старослужащая солдатская братия, от скуки, и для хохмы, придумывали сами, и передавались они традиционно из поколения к поколению, от призыва к призыву. Поначалу, эти «правила» воспринимались нами, молодыми солдатами, как заёбки и издевательства над статусом «Советского Солдата – защитника всех Родин Мира, освободителя всех обездоленных, униженных и угнетённых пролетариев, рабочих и крестьян, народов Земного Шара». Ну, например, если ты шёл по узкому коридору, и тебе навстречу шёл солдат, который

прослужил больше тебя на год, то ты должен был всем своим видом и взглядом, продемонстрировать свой страх, испуг и ужас от этой встречи перед ним..., остановиться в раболопских высказываниях по отношению к нему, или прижаться к стене, прекратив все движения и потупив свой взгляд в бетонный пол, или просто отдать честь, как перед офицером. И тогда..., тебя «прощали»... Ну т.е. проходили мимо тебя, сквозь тебя, «не цеплянув» и не луцнув по жопе или шапке. Помните фильм «Кин-Дза-Дза!»...? Лично меня, такие «правила-порядки» очень не устраивали, и я всячески старался противостоять этому армейскому дембелизму. Я почти всегда нарывался на конфликт, который заключался в том, что старослужащий пытался меня толкнуть или зацепить, и сопровождал своё действие одной из легендарных фраз, которые за эти последние, почти шесть недель, звучали в наших ещё свежих умах и головах, как какофония: «Ты чё военный, ...перец?!», или: «Ты чё военный, ...вьебался?!», или просто: «Не понял..., бля...!?».

И так... Нас уже научили ползать, прыгать, орать «УРА!», стрелять, тихариться и хитрить. Мы уже умели быстро жрать и ссать... Хотел сказать ещё и – «срать», но тут – есть один нюансик... Как-то стоял я возле главного туалета нашей Армии, и из него вышел парень из моего призыва и из моего Большого Города, ...земляк. И зашнуровуя брюшной ремень на штанах хэбэ, держа сигарету в зубах, расстроено процедил сквозь дымящую «Приму» (это такие сигареты были):

- «Вот блядь, ...это пиздец, ...ёбаная армия, ...посрать месяц не могу...!».

И я задумался...: «А ведь я тоже не помню, когда ЭТО было, в последний раз...».

Так как этот парень был старше всех нас в нашем призыве, то пользовался определённым авторитетом. Он попал в Армию после окончания торгового института. У него был вновь родившийся ребёнок, и жена, от которой родился этот ребёнок, но т.к. он не учился на военной кафедре, которой просто не было в его ВУЗе, то его забрали рядовым в Армию на один год. Раньше были такие законы. Мы его звали «Батя».

Я переспросил у него:

- Это как?

- Наш организм испытывает стресс, от всего этого бедлама, в который мы попали... Вот и получается, что всё гамно, мы в себе носим уже месяц... Едим быстро и без нормального человеческого интереса... Гамно спекается и уменьшается, но наружу не выходит...

- И чё с этим делать? Что будет?

- По-хорошему, надо клизму ставить... Но вообще, это не нормально, что обед пять минут...

- А что, это для организма плохо?

- Хуёво...!

И мы разошлись.

После того, как мы прошли процедуру принятия присяги, на которую съехались наши родственники и близкие, и нас отпустили в увольнение

пожрать, мы нормально поели, поспали, и посрали, ...пожалуй первый раз за месяц. Я конечно же не буду настаивать на том, что весь мой призыв не срал целый месяц, но те с кем я разговаривал на эту тему, подтвердили аномальность поведения своих организмов, ...а это было человек восемь, ...или десять.

Уже почти две недели, как нас из «учебного взвода» перевели во взвода. Тепличные условия закончились, но время на приём пищи увеличилось, и теперь можно было относительно нормально поесть, ...и посрать, был более свободный доступ к умывальнику и туалету.

Послезавтра должен был наступить Новый 1986 год. Этот праздник «на гражданке», был одним из светлых и долгожданных. К нему готовились тщательно и целеустремлённо. Я, и ещё несколько военных из моего призыва, решили, что надо как-то и нам отметить это событие... Война войной, а жизнь продолжается... С Большой Земли, ну т.е. – «с гражданки», родственники нам слали всякие посылки. В посылках была еда. Стужёнка, печенье, колбаса, яблоки, мандарины, варенье и конфеты. Когда солдату приходит посылка, то, как в тюрьме, самое лучшее ты можешь оставить себе, ну а остальное, на общий стол. Вот мы и подобрали себе к «праздничному столу» некоторые вкуснятости. Прятали мы наши запасы, кто где. В вещмешке, подвязанном под кроватью, в укромном месте у товарища в каптерке, в кармане плаща или бушлата, перекладывая заначку по мере пользования той или иной верхней одеждой. Периодически, конечно, эти начки палились. Их могли разоблачить офицеры или сержанты при шмоне, или под видом такого шмона, дабы находку конфисковать и сожрать, со своими соратниками по призыву. Таких нестыковок в Армии было много. Получать посылки с едой было можно, но хранить продукты, в казарме, было нельзя, а специально приспособленных мест для этих целей не было. Вот и получается, что этот вопрос был отдан на произвол Господину Случаю. Заберёт солдат с КПП свою посылку и несёт в казарму. По дороге раздаст часть содержимого из фанерного ящичка, а остальное вынужден прятать, как будто он это украл. А в тумбочке, по Уставу, не положено хранить еду, вот и играли советские солдаты в «кошки-мышки» с государством рабочих и крестьян. А если ты палился с этими предметами гастрономии, то ещё мог и наряд заработать. Долбоебизм по-русски...!!! А мы и сами верили в то, что так и должно было быть, и чувствовали себя виноватыми, если прятали присланные нам конфеты нашими мамами и бабушками. Это уже сейчас, с вершины прожитых лет, и в процессе эволюции нашего общества от «пути в светлое будущее» к настоящему реальному бытию, с признаками обвропенивания, понимаю, как это было паскудно и дико, не по-людски, не по-человечески.

Мы определились с новогодним меню, и решили, что его поедание устроим в одном из учебных классов на втором этаже. У одного из нас был ключ, который ему доверил командир нашего взвода, для того, чтобы в классе всегда был порядок и политы цветы на подоконниках. Этого парня звали Саша, он был из города Моспино. Этот город имел необычный



административный статус, и его полное название выглядело так: город Моспино, Пролетарского района, города Донецка, Донецкой области. За то, что у этого Саши были широкие бёдра и узкие плечи, а роста он был не маленького, старослужащие солдаты, в шутку и с иронией, дали ему прозвище «Светка», как бы с намёком на сходство армейско-козарменного бытия, с зэковскими или зонавскими порядками и устоями, в сугубо мужском коллективе, где процветают мужеложство и педерастия. Но хочу сразу заметить, что ничего подобного в нашей части и близко не было, никакого гомосексуализма и других сексуальных извращений, зато этот «акцент», звучал как жёсткий и чёрный казарменный юмор солдат, ...от нехера делать.

После службы в новогодний вечер, когда личный состав возвратился из города в расположение части, после почти праздничного ужина в солдатской столовой, после «Отбоя», наша компания салаг, скрытно сошлась в учебном классе. Наши продуктовые заначки, которые мы ещё днём снесли в класс, теперь лежали разложены и порезаны на нескольких сдвинутых вместе столах. Они заманчиво пахли едой, домом, и хорошим праздничным настроением. Молодому солдату всегда хочется есть. Точнее выражаясь: Жрать! Чувство голода его преследует всегда и повсюду, и даже когда он только что вышел из столовой после плотного и полного обеда, он готов снова начать его есть заново, а потом и ещё чего-нибудь.

Момент наступления Нового 1986 года, мы встретили на службе в городе, и я его не запомнил, но наверняка вспоминал то, как этот праздник происходил дома. Фейерверков в те времена никто не устраивал. Из пиротехнических развлечений, у народа были хлопушки и бенгальские огни. А в нашей части, после праздничного «новогоднего» ужина, на плац перед строем вышел кто-то из офицеров, и поздравил нас с наступлением Нового года, а старшина выстрелил несколько сигнальных ракет. Мы порадовались, похлопали и, как я уже говорил, пошли спать, ...ну в смысле – сделали вид, а сами скрытно пошли в учебный класс. Уселись, высказали свои пожелания, выпили что-то неспиртное, и начали угощаться. Всё это происходило в темноте. Освещения территории нашей части, пробивающаяся через окна, было достаточно, чтобы всё видеть, но быть незамеченными. Если бы кто-то из старослужащих солдат или офицеров нас застукал, то мало нам не показалось бы. Мы кушали и шутили. Тихо смеялись и не зло подкалывали друг друга. Делились своими впечатлениями о нашей новой жизни в Армии. Возмущались существующей армейской несправедливостью, военным дебелизмом, с ненавистью отзывались о некоторых старослужащих, которые заёбывали молодых солдат, как бы в отместку за то, что в своё время, тоже претерпевали прессинг от дедов. Представляли себя дедами, и обещали, что когда ими станем, то не будем давить салаг. «Мастер» рассказал историю, которая произошла с ним на днях. Вообще то, звали этого парня Игорь. Он впоследствии, после Армии, дослужился до звания полковника милиции, и в отличие от большинства его коллег, был порядочным человеком. Прозвище «Мастер», он получил в первые дни нашего пребывания в Армии, когда мы

знакомились с сержантами, а те, выявляли наши таланты и способности. На вопрос сержанта: «Кто из нас до армии занимался спортом?», Игорь ответил, что он мастер спорта по теннису, и это поначалу восприняли с достойным уважением. И всё бы ничего, да теннис оказался «настольным», что вызвало стебливую реакцию младших командиров. Его подняли на «ХА-ХА» и стали поддѣбывать: «Ты бы ещё сказал, что ты мастер спорта по шашкам...!», и стали называть его с иронией - «Мастер». Он особо и не возражал, а этот позывной, как сейчас говорят, прилип к нему до конца его службы. Так его называли даже офицеры нашего батальона. Так, его и сейчас, иногда, называем и мы, те, с которыми он служил.

Так вот, про историю рассказанную Мастером...

Будучи на службе в городе, на маршруте патрулирования, который проходил мимо ресторана «Дніпровські Хвилі», после проверки и отметки их патруля «Дежурным по району», старший патруля повёл Мастера в ресторан, как мы говорили: «На точку». Что такое «Точка», и про особенности нашей службы в городе, я расскажу позже. Зашли они в ресторан со двора. Зашли на порог и спросили: «Всё ли нормально обстоит с общественным порядком в заведении?», «Не нужна ли милицейская помощь?». На что, приветливая женщина, из поваров, ответила отрицательно, но тут же уточнила: «...являются ли они солдатиками...?». Те утвердительно согласились, и тогда она спросила, не хотят ли они покушать. Старший патруля согласился. Она провела их вовнутрь, усадила за стол в каком-то подсобном помещении, предложила снять тулупы. Усевшись в тёплом помещении, придя с мороза, ребята получили по большой тарелке с жареной картошечкой, жареным куском курицы и салатиком из капусточки с огурцом. Кроме того, женщина поставила перед солдатами два фужера с какой-то прозрачной жидкостью, пожелала приятного аппетита, и ушла, закрыв за собой дверь, сказав перед выходом о том, что когда они закончат, чтобы сказали ей, и она выведет их на улицу.

Старший наряда – солдат по прозвищу «Буля», который прослужил уже полтора года, сразу же накинулся на ресторанный еду. Мастер растерянно соображал: «Что бы это значило?». Увидев замешательство своего патрульного перед тарелкой с недешёвой едой, дед скомандовал:

- Давай ешь скорее, ...и обратно на маршрут..., чтобы не попалили, что мы на «точку» зашли...!

- А сколько это стоит...?!

- Ты шо дурак...?! Ешь давай... Бесплатно...

- В смысле...? Как это...?

- Не дрони меня военный..., ешь бля... давай быстрее...

Мастер медленно стал брать еду с тарелки и ложить её себе в рот. Его замешательство возникло от непонимания того, как?, и почему?, им дали такую вкусную еду в ресторане, да ещё и бесплатно. Вопрос о стоимости этого ужина, был вполне уместен, потому, что в батальоне существовало не писанное, и неуставное, но «Железное Правило» - каждый патрульный, выходя на службу в город, должен был иметь при себе в наличие один

«дежурный рубль». Этот один рубль, был предназначен для приобретения дополнительной еды на благо растущих организмов военных солдат, для себя, и старшего патруля. На него можно было купить молока или лимонада, булочку или пирожок, кусок колбасы и хлеба, мороженное, пирожное или конфеты, и утолить голод молодых организмов во время несения боевой службы в городе. Этот рубль и его способность удовлетворить гастрономические потребности двух солдат, являлся гарантией и залогом хорошего настроения и снисходительного отношения со стороны старшего патруля во время несения службы в городе, а впоследствии, и в расположении части. И чем «длиннее» был этот «дежурный рубль», тем больше и лучше, можно было получить преференций от своего непосредственного начальника – солдата старшего «по призыву». А если этого рубля не было, то риск попасть в немилость старослужащего солдата, был велик. Это было чревато тем, что всё время патрулирования, от вас требовали выучивания воинского устава наизусть, и ни какой расслабухи, и никаких звонков по «межгороду» домой родителям, или невесте.

Итак, хотя Мастер и хотел сильно жрать, его, всё же, тревожил один вопрос: «Хватит ли ему, того «дежурного рубля», чтобы рассчитаться за себя и за «того парня»?». А когда его товарищ, объявил о том, что это - бесплатно, то он не смог сложить пазлы в своём мировоззрении и благородном воспитании. Потому, и не спешил, поесть дорогую и вкусную еду.

- Это что, ...правда, ...бесплатно? – сказал Мастер.

- Да.

- А почему?

- Ешь давай бя.... Потому что мы солдаты, ...и нас жалеют вот такие тётеньки, ...потому что и их сыновья где-то служат..., глядишь, и их кто-то накормит, ...как нас. Ну и ты не забывай, в ресторане всегда есть что, и как спиздеть. Понял?

- Понял...

Мастер с облегчением и с удовольствием накинудся на горячую и очень вкусную тарелку. Поев немного, он взял фужер, чтобы запить, и хорошо отхлебнул несколько больших глотков, от зимней жажды. Проглотил последний, и...:

- ...бя..., ...это водка...! – испуганно произнёс Мастер.

- Што...? Как водка...?

- В стакане, ...это – водка!

- Ты шо бя..., Мастер...? Это – залёт...! Пиииздеец...! Пьянство на службе...!!! Если запах услышат, ни тебе ни мне не сдобровать.

- А што делать...?

- Блядь...!!!, ...жри давай, ...закусывай хорошо, ...скатина! - и подвинул свою, только что начатую, порцию, Мастеру.

Мастер, как не в себя, с перепугу, стал глотать жрачку с двух тарелок. А Буля стоял и смотрел, глотая слюну. От страха перед угрозой «спалиться за алкоголь» на службе, у последнего начал пропадать аппетит, и он стал

думать только об одном – как хорошо накормить Мастера, чтобы от того не пахло спиртным.

- Мастер, ...а ты вообще, как алкоголь переносишь?

- Да я вообще ещё никогда не пил.

- Бля..., пииииздец... Сссука... Тебя сейчас блядина ещё и развезёт...!

Мастер заканчивал обе тарелки..., но в хлебнице оставалось ещё пару кусочков хлеба...

- Давай блядь жри хлеб!

- Я уже наелся, ...больше не могу...

- Што...? Жри блядь давай..., не может он... Мастер, это – пиздец! Залёт! Даже если нас пронесёт, ...тебе пиздец! Ты блядь должен был только после меня пить...

- Ну я же не знал...

- Не знал бля...!!!???

Мастер начал давиться хлебом... Буля взял свой фужер и поднёс к носу понюхать. Поднял брови вверх..., скривил лицо..., и посмотрел на уплетающего за обе щёки, хлебные мякиши, Мастера. Мастер, с румяным сытым лицом с мороза, распаренный и перенасыщенный калорийной едой, жевал, глотал, и испуганно, не отрывая взгляда, смотрел на старшего. Дед подозрительно пригубил свою жидкость. Поплямкал, и смело сделал глоток. Ещё глоток... Молча и пристально заглянул в лицо Мастеру, ...и ещё раз глотнул из сосуда. Мастер перестал жевать и застыл, хотя его щёки были плотно заложены изнутри хлебом. Буля, не отрывая своего взгляда от сытой физиономии Мастера, потянулся за его фужером. Принюхался, пригубил языком, ...сделал маленький глоточек, ...хорошо глотнул, и...:

- Мастер, ты шо въебался...? Ты шо бля..., салага, ...ахуел...!!!???

- Шо такое?

- Шо такое...???!!! Это реальный залёт...! Мастер, тебе пиздец...! Рановато ты ожил...! - возмущённо повторял Буля.

**Справка:** Выражение «Рановато ты ожил», или другие, подобные по своему смыслу выражения с применением слова «ожил», очень часто употреблялись в солдатской среде нашего Батальона. Его использовали, подразумевая, что салага – это «мертвец», «призрак», «дух» в Армии, и что он, может «ожить», и быть похожим на «человека», существом, только после полугода своей службы. Кроме того, эти выражения использовались ещё и как стёб между собой солдат-одногодок, тем самым, как бы подкалывая своего однопризывника, подчёркивая своё превосходство над ним.

- Та што случилось? – недоумевая дерзнул салага.

- Шо случилось...!?, бля..., Мастер..., ... - это блядь не водка!!!

- В смысле...?

- Бля..., Мастер..., ЭТО – НЕ ВОДКА...!!! Это – минералка! Сссука..., это пиздец...!!! Ну-ты-по-пааал!!! Вот это залёт! Мастер, сссука, ты нажрался...?

Мастер взял фужер и осторожно лизнул жидкость..., слегка отглотнул, посмотрел на старшего и сделал ещё несколько больших глотков, опустошив фужер до дна. Он прополоскал тщательно жидкостью рот и проглотил, тем самым, как бы подтверждая, что это действительно не водка.

- Бляяая..., сссуууукааа..., он ещё и запил... - злобно сквозь сжатые зубы процедил Буля

- А мне правда сначала показалось, что это была водка.

- Показалось...? Ну пошли..., будем бороться с «показалось».

В стакане действительно была минералка. Просто, с мороза, она была очень резкой, и показалась мастеру алкогольной водкой.

Они стали одеваться, поправлять тулупы и заправлять ремни. Вдруг, радиостанция «проснулась»: «Наряд 17-го, где находишься? Приём!».

Номер маршрута, на котором патрулировали Мастер и Буля в тот день, был «семнадцатым».

Буля схватил рацию и постарался спокойным голосом ответить:

- «Во дворах!».

Рация:

- «Что ты там бля... делаешь, солдат?».

Буля, раздражённо:

- «Службу несущ!»...

Он же, но не в рацию:

- Мастер давай быстрее...

- Я готов...

- Выходим. Скажем, что были крики во дворе, мы и пошли на эти крики. Там была подпитая компания, ...типа отмечали рождение ребёнка. Вот и орали от радости. Мы им сделали замечание, и они пошли домой. Скажем, они зашли в 34 дом во второй подъезд. Понял?

- Понял.

Рация:

- «Что там случилось?».

Буля, через паузу:

- «Компания шумная. Кричали...».

Рация:

- «Помощь нужна? В каком дворе?».

Буля:

- «Нет. Уже справились. Возвращаемся на маршрут.».

Рация:

- «Сынок, ты што бля... мне мозги ебёшь, где находишься?».

Буля:

- «Куда подойти?».

Рация:

- «Военный, ты шо меня дронишь? Где находишься спрашиваю?».

База (позывной «Армавир»):

- «Я «Армавир»! «Третий», а ну прекратили ненормативную лексику в эфире!».

Буля:

- «Выхожу к гастроному.».

Выходя из ресторана, поблагодарили добрую женщину, вежливо попрощались, и помчались по скользким морозным бордюрам на встречу с «проверяющей машиной».

- Мастер не отставай. Шо нажрался? Бежать тяжело, военный?

- Нет, ну правда... Она была очень резкая, и мне показалось что это была водка..., а это минералка. Я не специально.

- Мастер, лучше заткни ебало, а то до батальона не доедешь. И не вздумай спалиться запыханным запахом хавчика из рта. Ты меня понял?

- Да.

Приблизились к гастроному со стороны дворов, и перед выходом на освещённый центральный проспект, перешли на быстрый шаг, чтобы отдышаться. Строевым шагом подошли к машине, Буля относительно ровным дыханием доложил офицеру о службе, и застыл. Офицер принял доклад и скомандовал «Вольно!».

- Где шлЯлись, военные?

- Пройдя ресторан, слышали крики во дворе. Направились туда. Там компания, празднуют рождение сына, вышли на улицу провожать гостей, и громко разговаривали. Мы сделали им замечание. Они извинились и разошлись.

- Куда разошлись?

- Гости уехали на такси, а хозяева пошли домой.

- Домой куда, в какой дом, ...номер?

- По-моему в 34-й...

- Тааак, посмооотрим, ...кааарту...

Офицер медленно и вальяжно вышел из «Бобика», развернул карту района патрулирования на капоте, попросил фонарик у Були, и стал всматриваться в кварталы...

- Тааак бя..., поохооже... А ну ка военные, дыхните-ка..., – офицер повернулся к солдатам левой щекой, и указал пальцем место на ней, куда следовало дышать.

- хуу..., – дыхнул Буля, уступив место для дыхания Мастеру.

- хуу..., – дыхнул Мастер, и выстроился рядом с Булей смирно.

- Не понял...?, вы шо бя...? были на «точке»...?, ...в ресторане?, ...оставили пост и жрали...?

- Ни как нет, товарищ лейтенант.

- Шо «НЕТ» бя...? От вас же жрачкой пахнет...!!! – прикрикнул летёха.

- Мы не были в ресторане и не ели... С маршрута не уходили. Во двор пошли на шум и крики... Хотите, ещё раз понюхайте?

- А ну давай...

Обряд фитотерапии повторился в точности:

- хуу..., – Буля.

- хуу..., – Мастер.

- От тебя не пахнет, а от Мастера несёт ресторанчиком...

- Товарищ лейтенант, ну разве может быть такое, что патрульный поел в ресторане, а я, старший патруля, дед, просто бы смотрел на это? – вежливо улыбаясь, заметил Буля.

- Ну да..., этто не реально... Мастер, чё от тебя так едой прёт?

- Не знаю товарищ лейтенант!

- Нуу лааадно, ...«Продолжайте службу»!

- «Есть!!!» - Буля.

- «Есть!!!» - Мастер.

Машина отъехала, и наряд медленно поплёлся служить, вдоль, уже пустеющего проспекта, одного из главных, в этом Большом Городе. Их реально про-нес-ло, и пронесло только потому, что Мастер пожрал, а Буля нет. Буля разрешил поржать с этой ситуации, и решил не наказывать Мастера за этот его залёт.

Мы праздновали Новый год и смеялись с этой истории, рассказанной Мастером во всех красках. Нам предстояло, ВСЕГО ЛИШЬ, прожить и «отпраздновать», в Армии, ещё один Новый год, и домой. И я повествовал об этом, своим, уже армейским, друзьям, пытаюсь подбодрить и их, и себя, таким быстрым сроком окончания нашей службы. Но сразу же, был скорректирован замечанием о том, что приехали-то мы в Армию, совсем недавно - ВСЕГО полтора месяца назад, и уже наступил Новый 1986 год, а уйдём «на дембель» - перед самым Новым 1988 годом, то есть, всё-таки, через, фактически - ДВА ГОДА. Мы печально посмеялись, но унывать не стали, потому что один из нас, сказал фразу, которая нас всех очень вдохновила и вернула в нормальное пребывание духа. А фраза была такая: «Всё будет нормально, ребята. Уже через 18-20 недель, ВСЕГО ЛИШЬ, к нам в часть прибудет новый призыв. Деды уволятся, а нас заменят молодые солдаты, и служить станет легче. Согласны, парни?». Мы воодушевлённо его поддержали и сократили «цифры ожидания» нашего облегчения до 5-ти месяцев, что звучало лучше чем 18-20 недель.

До какого часа мы просидели, празднуя Новый год, я не знаю, но расходились мы радостными, и главное – сытыми. На следующее утро, командир дал нам поспать на пару часов больше, и потому подъём был объявлен в 11.00 часов. Некоторые всё равно попросыпались раньше и занимались своими делами. Кто-то устранял неопрятность своей формы, кто-то писал письмо домой, а кто-то просто медленно шатался между умывальником, туалетом, и свежим зимним воздухом, умываясь, туалетничая, и просто наслаждаясь морозным утром января, Нового 1986 года, который будет ознаменован аварией на Чернобыльской АЭС...

## **Батальон**

Возвращаясь к вопросу о службе и специфике... В каждом областном центре, существовали такие батальоны милиции, как наш. В столичных городах республик «Саюза Советских», были полки. Они отличались от батальонов, лишь БОльшим количеством солдат в них. Такие части относились к внутренним войскам (ВВ). ВэВэ-шники, как нас именовали, но мы являли собой «государство в государстве». ВэВэ-шники были одеты в общевойсковую - зелёную форму, а наши части - имели в своём гардеробе полный комплект полноценной милицейской форменной одежды, а для армейского повседневно-полевого пользования – тёмно-серую хэбэшку.

**Справка:** «Хэбэшка» – это повседневная полевая форма рядового состава, изготовленная из средней плотности хлопчатобумажной ткани, отсюда и название.

Она состояла из штанов типа «галифе» и куртки на пуговицах, которая подпоясывалась солдатским ремнём. На ней были накладные карманы, погоны и петлицы. В комплект аксессуаров, к этой повседневно-полевой форме, входили: кирзовые сапоги, комплект фланелевых или байковых портянок, брючный ремень, солдатский ремень с большой квадратной бляхой, на которой любовалась звезда с «серпом и яйцами», пилотка или шапка-ушанка, в зависимости от времени года. Шапка-ушанка была милицейской, и использовалась солдатом, и на полевых занятиях, и на службе в городе, и на парадах, и в увольнениях, в ней он ехал и домой «на дембель», если это была холодная пора года.

Ещё, в зимний комплект обмундирования солдат «Батальонов милиции», входила милицейская шинель, полевой бушлат и милицейский тулуп с валенками в калошах. Шинель была точно такая же, как и у работников милиции – с подкладкой, плотнее и добротнее, и больше походила на военное пальто офицеров высшего командного состава Вооружённых сил СССР, в отличие от шинели общевойсковой, которая была без подкладки и значительно тоньше и длиннее. В наших шинелях были карманы наружные и внутренние. Милицейский тулуп представлял собой, что-то вроде дублёнки. Он был изготовлен из овчины, тёмно-синего, почти чёрного цвета, с серо-голубым мутоновым воротником. Валенки были чёрные, и одевали мы их только тогда, когда мороз был больше 20-ти градусов. Тогда же, нам разрешалось и уши на шапке опускать, и завязывать их на шнурки. Бушлат, представлял собой тёмно-серую, почти чёрную фуфайку, только с погонами, и подпоясывалась она солдатским ремнём. Её одевали во всех случаях солдатской жизни не на службе в городе: на полевые занятия, на хозяйственные работы, на уборку снега, мусора, в боевых условиях и т.п..

Что замечательно, в нашем гардеробе, в отличие от гардероба всех остальных солдат других родов войск Советского союза, были демисезонные болоньевые плащи серо-синего цвета, и такого же цвета плащ-палатка с капюшоном. Последний вид плаща, применялся очень редко, когда были



ливневые дожди. Они компактно собирались и носились через торс и плечо, как спортивная сумка. В случае необходимости, их развозили солдатам на службе наши патрульные машины с проверяющими, и собирали после окончания ливня, тем же способом. Зимой и в холодную погоду, на службу мы ходили в сапогах, ну или редко в валенках, а в тёплую пору года - в туфлях. Фуражки у нас были милицейские. Все знаки воинского различия, петлицы, кокарды, нашивки, погоны и шевроны, у нас тоже были милицейскими. Под одеждой, в летнее время, мы были одеты в белые майки и синие семейные трусы, а в зимнее время, на нас одевали зимнее бельё. Оно было сделано из хлопка. Штаны мы называли «стеклорезы», внизу у голенища и на поясе, они были на пуговицах, а рубашка была с длинными рукавами и на двух-трёх пуговичках на груди. Почему кальсоны называли «стеклорезами», я не знаю. Ещё, у нас были шарфы, как их называют военные – кашне. Они были серые трикотажные - для повседневного использования под шинель, под плащ, или под тулуп, и были парадные – белые атласные, их одевали на парады и другие военные торжества или «городские показы» с нашим участием. А ещё у нас, у каждого солдата, был комплект повседневной служебной формы, и комплект парадно-выходной формы. Это брюки и китель. Эти формы отличались тем, что на повседневной были обычные милицейские знаки различия и погоны, и под неё одевалась обычная голубая милицейская рубашка с синими погонами. Таких рубашек, нам выдавали по две штуки на год. А под парадную форму, которая была с золотыми погонами, и уже с нашивками и шевронами не только милицейскими, но и войсковыми, Внутренних Войск, одевалась белая милицейская рубашка с белыми погонами. Такую рубашку нам выдавали одну на два года. Ещё у нас были офицерские портупеи, патрульные кожаные сумки и белые парадные фуражки, которые иногда заменялись белыми чехлами на наши повседневные фуражки.

Как я уже говорил и раньше, такие батальоны «военизированной милиции» как наш, выполняли функции по охране и поддержанию общественного порядка в крупных городах, на ряду, и в совместном оперативном содействии с городскими подразделениями «гражданской милиции». Основная наша служба заключалась в патрулировании по улицам города. Наш батальон, одновременно, мог обеспечивать патрулирование в трёх районах Днепропетровска. Три патрульных взвода – на три района. В каждом районе имелось по 12-15 маршрутов патрулирования. Каждый маршрут представлял собой отдельно взятую центральную или основную улицу, бульвар или проспект, продолжительностью полтора-два километра. Некоторые проспекты были очень длинными, и тогда их разбивали на два-три маршрута. Из них были такие маршруты, которые проходили по обеим сторонам, относительно проезжей части, и такие, которые были только по одной стороне. На каждый маршрут ставили, в основном, по два человека. Очень редко, патрульный наряд состоял из трёх человек. Старший наряда назывался «старший стрелок-патрульный», а его подчинённый, соответственно – «младший стрелок-патрульный». В экипировку наряда,

кроме форменной одежды и обуви, входила радиостанция «Днепр-1» или «Днепр-2» (70 РТП-2-ЧМ), которая была у «старшего». У «патрульного», была «патрульная сумка» - это обычная кожаная войсковая сумка-планшет, как у офицеров, которая носилась через плечо. В ней должен быть электрический фонарик, блокнот, шариковая ручка, листок-наряд и медицинский бинт. Иногда служба была с оружием, и тогда, в дополнение к перечисленным вещам, старшему выдавался пистолет «Макарова» (ПМ) в кобуре, а у его патрульного – чёрная резиновая дубинка (спец.средство М-85), которая крепилась на солдатском ремне. К пистолету выдавался магазин с несколькими патронами, или без них, вообще. В таком случае, пистолет представлял собой «пугачь». Вообще-то, Армия Советская Саюза, была какая-то особенная, я бы сказал: «...очень и очень странная – ...ебанутая!!!». К такому выводу, я пришёл уже гораздо позже того, как побывал в ней. С одной стороны, «взрослые дяди», боялись давать восемнадцатилетним «детям» на руки патроны в «свободное пользование», ну разумеется на службу, и для служебного пользования, опасаясь, что эти «дети», будут баловаться и чего-то ни туда пальнут. А с другой стороны, мы – «дети», или наши сверстники, уже реально погибали на настоящей войне в Афгане. Или, как мы – несли настоящую боевую патрульно-постовую службу в городе, и зачастую с «голыми руками» общались с вооружёнными ножами бандитами или хулиганами, и могли рассчитывать только на свою милицейскую форму, молодецкую смелость, удаль и безбашенность, солдатский ремень, и поддержку боевого товарища-напарника.

Пять раз в неделю наш батальон нёс службу по охране общественного порядка в городе. В воскресенье был банный день, понедельник был выходным, а вторник был днём полевых занятий. В воскресенье сутра, нас поднимали на час раньше, мы упаковывались в грузовые машины и ехали в городскую баню купаться. В бане был буфет, в котором мы покупали сок, печенье, пряники или ещё что-нибудь съестное, чтобы утолить вкусным голод. В этот день нам меняли постельное и нательное бельё. Служба в воскресенье была особо приятна, потому, что мы были чистыми, а вечер выходного дня содержал в себе кусочек маленького праздника. И хотя мы - солдаты, не имели отношения к выходному дню города, нас этот день радовал праздностью горожан, покой которых мы охраняли. В этот день в парках и клубах проходили всякие массовые мероприятия и дискотеки, на которые мы заходили и тоже становились зрителями. Мы чувствовали себя частью этого воскресно-отдыхающего города. В понедельник нам давали поспать на час, на полчаса, больше. В столовой давали кефир, варёные яйца и булочку по 9 копеек, а на ужин молочную кашу. В этот день в актовом зале, вечером, нам показывали кино. Кино было про войну, или про какую-нибудь другую патриотику. За два года нахождения в этой Армии, я по три-четыре раза посмотрел фильмы: «В бой идут одни старики», «Они сражались за Родину», «В зоне особого внимания», «Пираты XX века» и тому подобное. Иногда, в этот день, нас укладывали пораньше спать.

Итак, после: нашей помывки, воскресного выгула в городе, просмотра КИНА про подвиги, и молочной каши, нас настигал «Чёрный Вторник». «Чёрным» он был и назывался потому, что весь этот день, личный состав нашего батальона, находился на свежем воздухе в населённом пункте с.Подгородное. Возле этого села был военный полигон, и на нём стрельбище. От нашей части, полигон находился километрах в двадцати пяти. Мы его называли «Поле» («Большое поле»). Иногда, мы его называли «Поле чудес». Было ещё и «Малое поле», которое находилось недалеко от нашей части. «Малое поле» – это обыкновенная пересечённая местность: посадки, берег Днепра или Самары, его плавни, и поля с бурьянами. На него, нас иногда выбегали «по-быстренькому поиграть в войнушки», и очень редко, им, заменяли «Большое». Это была местность, на которую ещё не добрались стройки многоэтажек.

Пробудив рано утром во вторник от сна, тревожной сиреной по всей казарме, отцы-командиры – выстраивали нас, проверяли экипировку, ругали кого-нибудь за нерасторопность, медлительность, и несобранность, завтракали вместе с нами, и увозили нас в «Поле». И это хорошо, ещё, если - «увозили»...! На случай нашего плохого поведения, или массового нарушения воинской дисциплины в течении прошедшей недели, в запасе у военных командиров, имелся другой, альтернативный, вариант развития событий. При таком, другом, раскладе – мы туда бежали пешком, «своим ходом», в полной экипировке, 25 километров. По мере продвижения по маршруту Днепропетровск – с.Подгородное, нам, с завидной периодичностью, подавались такие команды, как: «Воздух!»; «Вспышка слева (или справа)!»; «Газы!»; «Ложись!»; «На рубеж 100 метров, ползком, по-пластунски...!»; «Противник справа (или слева), окопаться!». А это означало, что мы, должны были СРОЧНО прерывать нашу увеселительно-оздоровительную пробежку трусцой, и начинать разбегаться в стороны, падать где попало и во что придётся, имитировать стрелковый бой с воображаемыми самолётами из положения «лёжа на спине», ползать ногами в сторону условной ядерной вспышки, надевать противогазы и переодеваться в защитные противохимические костюмы, зажимать глаза и уши, затаивать дыхание и рыть ямки для спасения от условно наступающей на нас пехоты врага, и как оргазм-апогей этой «Зарницы» – вставать из положения «лёжа» с криками «УРААААА!!!», и бежать в какую-то контратаку.

Представьте себе колонну, состоящую из сотни живых военных мальчиков-солдат, у которых с собой, всё их движимое, и недвижимое, имущество. Оно нацеплено на каждом из них, со всех сторон. Полный вещмешок – на спине, автомат – на плече, сумка с противогазом – через плечо, каска – на голове. На ремне: кобура с пистолетом, подсумок с магазинами для патронов к автомату, сапёрная лопатка и фляга с водой. А некоторые счастливики, особо отличившиеся в нарушении воинской дисциплины, за прошедшую неделю, кроме своих «стандартных пожитков», по настоятельной рекомендации отцов-командиров, несли ещё и войсковую радиостанцию «Пальма» (20 кг), фанерные мишени и цинковые кораба с

патронами на стрельбище. Сзади и спереди, эту дрейфующую массу мужчин, объединённых одними целями и идеями, сопровождают несколько военных ГАЗиков и УАЗиков с офицерами на бортах. В своей жажде перемещаться вперёд, этот строй, как единый живой организм, гремит сапожными ногами и бряцает всем тем металлическим военным инвентарём, которым он был обвешен за счёт налогоплательщиков.

Это вооружённое «до зубов» карнавальное шествие, двигалось и перемещалось вдоль шоссе республиканского и союзного значения, по дорогам через населённые пункты, через поля и луга, ручьи и реки, и всегда вызывало бурю разных эмоций у местного населения, которое становилось свидетелем этого представления. Тётки в пуховых платках нам сочувствовали и жалели. Пацаны и подростки завидовали. Девушки улыбались и флиртовато отшучивались. Мужики подбадривали и гордились своими продолжателями. Юноши призывного возраста, внимательно всматривались и молчали, понимая, что подобное, вскоре, ожидает и их самих. Собаки – лаяли, а кошки, охренев от испуга – разбежались. Гуси – шипели, куры – кудахтали, коровы – мычали. И весь этот Цирк Шапито именовался «Марш-бросок с полной выкладкой».

Через несколько часов, наш караван достигал конечного пункта назначения. Мы прибегали на «Поле». Нам давали несколько минут отдохнуть, проверить наличие экипировки и заправиться, оправиться, и приготовиться. Приготовиться к продолжению в мужские игры. Нас ожидали стрельбища и другие военные утехы.

Как-то по весне, на очередной передышке на «Поле», солдат по фамилии Шевченко (кличка «Шева»), поймал молоденькую весеннюю полевую мышь, и игрался с ней в ладошках. То за лапки её потрясёт, то за хвостик её покрутит. Шева прослужил полтора года. Перед армией он закончил медучилище и работал санитаром в психиатрической лечебнице. Как он объяснил, его не взяли в нормальную больницу потому, что его руководитель из медучилища дал ему такую характеристику, что после пятой попытки устроится в обыкновенную больницу, где ему в очередной раз было отказано, он пошёл и устроился на работу в дурдом. Перед армией он очень спешил устроиться на работу, чтобы за годы службы в армии, у него шёл трудовой медицинский стаж, потому что потом, он планировал поступать в мединститут. Шева был альбиносом. Глаза у него были белые. Волосы у него были белые. Кожа у него была белая. На лице было много веснушек. Между двумя центральными верхними передними зубами у него была щель толщиной с полпальца. Ему нравилось заёбывать молодых солдат, и делал он это всегда, когда выдавалась свободная минутка. Голос у него был грубый, басистый и скрипящий, походил на голос чревоушателя. Он слегка шепелявил и дефективно свистел «шипящие слова» через частокол редких зубов. В моём восприятии его, как личности, он был – «дураком». Не идиотом, не придурком, не дебилем, он был именно ДУРАКОМ, с большой буквы «ДУ». Его утехы с грызуном заметил прапорщик, и у нас на глазах завязался душевный диалог «с продолжением»:

- Шева, шо ты с ней носишься...?! Елозишься, как с комнатным животным. Мыши заразные, а ты её к лицу...! Ты бы её ещё в рот засунул!
- Могу и в рот... - зубоскалил Шева.
- Шева, ...ты шо – дурак!? – оживился прапорщик.
- Есь малеха...! – задумчиво утвердил солдат, трогая морду миши кончиком своего слюнявого языка.
- Ты её и в рот мог бы засунуть? – заинтересованно продолжал прапор.
- Запросто...!
- Шева не гони...!
- Давайте забьём товарищ прапорщик...?
- Шева, не пизди...!
- Отвечаю, товарищ прапорщик! Я её вообще съесть могу! Живьём!
- Живьём...? Прямо сейчас...? - прапорщик брезгливо скривился лицом.
- Лёгка! Можем заспорить! На четвертак...?!
- На четвертак...?... что ты съешь эту хуйню живьём?
- Да! - зазубоскалил Шева.

Мы все молча сидели и смотрели на сцену беседы двух советских военных. Один – бывший солдат, а ныне сверхсрочник – «кусок». Другой – нынешний солдат – «дед», а в скором «дембель». Диалог походил на фантастическую бредятину, в которой один хвастал своими похуистическими возможностями отморозка, способного сожрать с гавном полевую животину, а другой хвастал своим интеллектуальным превосходством над первым, и уверенностью в невозможности такого события, как прилюдное поедание полевой животины, пусть и за деньги. Прапорщик подначивал и подстрекал Шеву на этот поступок, зная и будучи уверенным в том, что в какой-то момент солдат «включит заднюю», и не выполнит условия сделки, тем самым проиграет спор и деньги, а авторитет прапорщика вырастит в глазах солдат, и повеселит их. Они заспорили на 25 рублей. Пожали руки, им их разбил сержант Куликов. Теперь все в ожидании смотрели на Шеву и ожидали его полного облома, или какой-нибудь отмазки или отшучивания от выполнения спора. Да не тут-то было... Шева взял крепко, тремя пальцами за хвост, брыкающуюся мышь, и закинул её себе в рот. Плотнo стиснув бесцветные губы, он начал её разжёвывать. Кусочек хвоста, торчащий сквозь сжатые губы, перестал дёргаться. Ещё немного пожевав, Шева замер, обвёл взглядом собравшихся вокруг него, улыбнулся прапорщику широко растопыренными белыми глазами альбиноса, и глубоко проглотил всё, что было у него во рту. Всеобщая пауза, и шок окружающих, не заставили себя долго ждать. Пребывая в состоянии охуения от увиденного, прапорщик разочарованно произнес заключительную фразу: «Ну ты Шева и дурак!».

Мы все, наблюдавшие за поведением альбиноса Шевы, задумались над смыслом жизни. Особенно, над смыслом жизни, задумались мы – молодые солдаты. У меня сразу же, первым делом, возник вопрос: «Он таким был и до Армии, или это она его таким сделала?». И гипотетические варианты ответов на этот вопрос, меня даже немного взволновали, но тут же, сразу, и

успокоили, потому что кроме Шевы, на этой полянке, было ещё много и других людей, но мышей они не ели и не желали этого, и среди этих людей было много тех, которые были одного с ним призыва, а значит, прошли точно такой же военный путь, как и он, и с ними, ничего «ТАКОГО», не случилось. Когда прапорщик достал из портмоне двадцать пять рублей, молча, отдал их Шеве и ушёл, отдалившись метром на тридцать, Шева, двумя пальчиками, аккуратно достал из окровавленной полости своего рта кусочек недоеденного мышино хвостика. При этом он заметил: «А вот хвосты я не ем...!». Уже отошедший от увиденного зрелища взвод, стал оживать и повторять в адрес Шевы фразу, сказанную прапорщиком на прощание, и точно характеризующую личностные характеристики и статус этого солдата-альбиноса. Альбиноса – в прямом, и переносном смысле этого слова.

На «полях» мы оттачивали свои воинские навыки, и во время этих оттачиваний, конечно же, не обходилось и без эксцессов планетарного масштаба. Однажды, набегавшись и напрыгавшись в очередной раз, вдоволь, на свежем воздухе, мы вернулись в расположение нашей части. Выгрузились из машин и построились для обычной процедуры проверки полноты личного состава и военной экипировки взятой с собой «на пикник». Офицеры проверяли, а солдаты мысленно готовились пожрать и лечь «без задних ног» поспать в свои тёплые кровати. Была поздняя осень, и в казарме уже включили отопление. Там уже было тепло... Но при проверке вооружения, выяснилось, что у молодого солдата, в кобуре, отсутствует пистолет «Макарова». Некоторые взвода уже сдавали своё вооружение в ружпарк, как прозвучала сирена тревоги, и мы снова были вынуждены вооружиться и построиться в полном боевом на плацу. На сцену перед нами выскочил уже взбешённый, недоужинавший комбат, прихватив с собой на выступление, всех имеющихся в наличии, на тот момент, в части, офицеров. Он поставил перед собой и строем, перепуганного, уже готового к суициду, солдата, который потерял вверенное ему Родиной оружие, и стал его чмырить. Он трогал его за голову и уши, за погоны, за жопу и писюн, теребил за грудки, и материл не по-отцовски, и не по уставу, обещал сгноить в дисбате.

После концерта с пристрастием, мы снова упаковались в кузовики и поехали искать пистолет. Я до последнего не мог поверить в то, что мы это будем делать. Ночью...! В грязи под дождём...! На площади нескольких гектар пересечённой траншеями, окопами и рекой Днепр, заросшей травой, местности. И тем более не было веры в то, что его вообще можно было в таких условиях найти. До «поля» мы доехали благополучно. Что происходило в кузове по дороге на «поле», где ехал «Рассеянный Солдат», можно с лёгкостью догадаться, но я при этом не присутствовал, потому что этот растеряша был не из нашего взвода, а каждый взвод имел свой автомобильный борт приписки. Но те ребята, которые при этом присутствовали, потом рассказывали, что представление было красочным, и дорога на «поле» по времени, пронеслась как одно мгновение. Деды и сержанты, начали с придумывания в адрес виновника торжества, всяких матюкливых словосочетаний, ещё когда машины, даже не выехали за ворота

части, отправляясь на поиск пистолета, а уже на первом повороте, были употреблены неболевые, но оскорбительные тумачи, пинки, оплеухи и затрещины. Только на подъезде к месту поиска, дедорва угомонила, но пообещала продолжить в зависимости от результатов поиска.

Мы выгрузились, построились цепью, и включив фонари, пошли искать потерянный пистолет путём прочёсывания местности квадрат за квадратом. Минут через двадцать наших поисков, в рядах прошершал шумок, о том, что вроде бы потеря нашлась. Поступила команда строится, грузиться, и выдвигаться домой. Пистолет нашёлся! Меня, это несколько удивило. Ну нашёлся, и нашёлся. Только в конце срока моей службы, я случайно узнал правду о найденном пистолете. Старшина Рекс, будучи здравомыслящим и тёртым жизнью мужичком, ещё в части, когда только стало известно о потере табельного оружия, сообразил, что найти его будет не реально. Он пошёл на свой склад, из заначки взял неучтённый ствол, и перед выездом на поиски, сунул этот ствол своему доверенному солдатику, который в определённое время и выкрикнул, что пистолет нашёлся. Дальше, было дело техники и времени – изменить записи о номере и принадлежности этого пистолета в соответствующих оружейных журналах. Естественно, сразу же после нахождения пистолета, от радости, ни кому и в голову не пришло сверять его номер. Рекс провернул эту афёру хладнокровно, спокойно и без лишних эмоций, понимая, что никто и никогда из руководства, этого не узнает, потому, что реально Армией, в этих вопросах, управляют СТАРШИНЫ, ...и не впервой. Такие спектакли, в его многолетней воинской практике, повторялись с устойчивой периодичностью. А подводить пацана-солдата «под статью», из-за куса железяки, потеря которой ни на что не влияло, его отцовская совесть, просто не позволяла. Я думаю, что если пройтись с металлоискателем по «местам боевой славы» нашего батальона, то можно было бы вооружить найденным стрелковым оружием, и некоторой военной амуницией, целый взвод.

Армия была духовна – в ней можно было искренне покаяться, и получить в награду всепрощение и возблагодарение...

Как и положено, в моей Армии, как и во всём Совке, было модно «исповедование». Оно приветствовалось властью рабочих и крестьян. Официально, к «исповедникам» относились с нелюбовью, а реально – они процветали. В простонародье, их называли «стукачами», а их раскаяния – «стукачеством». Это – когда один человек, ябедничает на другого в «компетентные органы», чтобы эти «компетентные органы», сделали этому «другому» плохо.

В нашей Армии был старший лейтенант. Он был переодет в форму общевойсковой цвета – зелёную. Его мы называли «особистом». Он был КаГЭБистом, из какого-то отдела, под каким-то номером. На втором этаже нашей казармы, у него был маленький кабинетик. Дверь, в него ведущая, находилась в непосредственной близости от основной лестницы, которая вела нас на этажи спальных помещений. В этом «кабинете без таблички», было всегда зашторенное окно, стол, стул его хозяина, и ещё одна табуретка

– для «посетителя». Лейтенант, хозяин этого «кабинета без таблички», был невысокого и неприметного росточка, без признаков весёлой жизни. Он передвигался по территории тихим шёпотом, и это ему нравилось. Он был весь такой зашифрованный, и с прищуром охотника за судьбами. Он вылавливал одиноко поднимающегося по ступенькам военного солдата, и заманивал его к себе в «кабинет без таблички» для беседы. Делал это так, чтобы никто этого не видел. Он расспрашивал «пойманного» о жизни в Батальоне. Выведывал у него обо всех происшествиях неуставных взаимоотношений. Никогда ничего не записывал, своей беседой располагал к себе, и гарантировал «тайну исповеди», предлагал сотрудничество, которое заключалось в том, что «пойманный», должен был информировать его о событиях и его фигурантах, которые противоречили «Доктрине Устроителя Коммунизма». Взамен, он обещал хорошую характеристику из Армии, которая могла пригодиться военному солдату при поступлении в ВУЗ или на работу в Органы, после увольнения из рядов Вооружённых сил. Если солдат был без «грехов», то его тяжело было склонить к «сотрудничеству», если он того не хотел, а если военный был «грешен», то в ход шли обычный топорный шантаж и всевозможные запугивания, во всех красках ужасника. Ничего более изысканного, за все годы своего «славного» существования, совдеповская гэбня – последователь, потомок и правопреемник «Смерша», НКВД и ЧеКа, предложить своим «прихожанам», не могла, да и не умела: «А хули здесь замарачиваться? – дал по ебальнику, и завербовал...!».

### Дедовщина

В те, мои доАрмейские и послеАрмейские годы, было много разговоров про «дедовщину». У нас в Армии она тоже была. Но была она, как я потом сообразил, с годами, какой-то «европейской», как сейчас выражаются «цивилизованной», и имеющей в своей природе происхождения, рациональное зерно, наверное. Это «зерно» заключалось в уважении и субординации к военным солдатам, или офицерам, которые уже что-то больше могут, и знают про службу, чем тот несформированный самцовый хлам, который только нарисовался в Армии с территории гражданского пространства. Прослуживший больше времени солдат или офицер, передавая свой военно-жизненный опыт, и обучая хитростям выживания в Армии молодого военного, понимал, что готовит вместо себя достойную замену, которая потом, вместо него самого, и полы помое, и военную службу достойно-почётно осуществит. А он - «дед», после такого процесса воспитания, и передачи личного опыта, сможет слегка расслабить булки и проконтролировать ход воинской службы со стороны, но уже - не напрягаясь, и зная, что служба «идёт» своим чередом и без него. И так - из поколения в поколение. Ну а какой процесс воспитания, без насилия? Без насилия над самим собой, например, тогда, когда заучиваешь стих в школе, или формулы по высшей математике в университете? Вот и в Армии... Для того, чтобы обучить бестолковое существо правильно воевать, а это существо ну совсем



не желает правильно воевать, потому что не привыкло «на гражданке» беспрекословно выполнять приказы, его периодически надо пиздить. Ну, то есть - стимулировать его рефлекс, заложенный самой природой с рождения:

...«Бьют тогда, когда что-то делается не так, как надо»...

...«Когда бьют, то становится больно»...

...«Чтобы не было больно, надо - чтобы перестали бить»...

...«Чтобы перестали бить, надо - делать всё правильно».

Главным принципом всех Армий, есть то, что все военные, должны исполнять приказы командиров беспрекословно. Тогда - можно всех победить. Вот и вырабатывают у солдат, особенно у молодых, как у «Собаки Павлова», правильные рефлекс. И это, наверное - правильно.

Большинство моих Армейских сослуживцев, были людьми нормальными. Солдаты, прослужившие больше чем мы, при достижении определённого консенсуса в формировании у нас достаточных рефлекс, необходимых для осуществления полноценной воинской службы, успокаивались, и только иногда, корректировали их, путём словесного насилия. Но были и откровенные козлы, которым только дай в руки власть, и они тут же, станут злоупотреблять и наслаждаться этой властью и её силой, открыв своё истинное лицо – сущность «гниды». Я столкнулся с одним из таких военных, когда только перешёл из «учебного» взвода в «патрульный». Он был сержантом – командиром отделения в соседнем, по этажу, взводе. На тот момент, он прослужил год, и считался уже «черпаком» («черепом»). Фамилия его была Косов. Он был чуть ниже среднего роста. Исходя из правил физиогномики, в его лице угадывались черты и элементы существ, которые теперь именуются «фриками», но только в негативном смысловом значении этого термина. У него всегда были яркие покрасневшие губы, которые выглядели обветренно-воспалёнными, как у маленьких детей, которые в морозную ветреную погоду, на улице, постоянно, языком облизывают их на столько, насколько далеко вылезает язык из их ротика. Походка у него была «из стороны в сторону качающаяся-кривая», потому что ноги были короткими и «колесом». Инвалидом, он, конечно же, не был, но и от интеллектуально развитого человека, отставал очень и очень, так как до Армии, всю свою сознательную жизнь, провёл в какой-то сельской местности с населением в семьсот человек. В батальоне, Косов, несмотря на то, что был сержантом, авторитетом вообще не пользовался, а наоборот – его все считали человеком-гавном. От глобального затюкивания, его спасал лишь его статус сержанта и командира отделения.

Однажды, когда взвод, в котором я числился, был в наряде, а это значит, что большая часть его личного состава находилась не в расположении солдатской казармы, ко мне подвалил этот «фрик». Понимая, что все мои непосредственные командиры, а это – сержанты и старослужащие ефрейтора, отсутствуют, этот военный решил повыпендриваться. Он утвердительно «приказал» мне постирать его полевую форму и начистить до блеска его сапоги.

...???...!!!...

Я и в «хорошие» то времена не прогибался под дедами из моего взвода, и не обслуживал их «бытовые потребности», а тут – ...«Косов»...!, - да ещё и военный из другого взвода. Ну, я ему спокойно и вежливо объяснил, что ничего подобного, что не предусмотрено Уставом Армии, выполнять не стану. Такая моя категорическая позиция, взволновала и возмутила его, и он стал меня запугивать и стращать физической расправой...

- Ты шо салабон, въебался...?! Я тебе приказываю!

- Этот приказ противоречит положениям Устава, товарищ младший сержант.

- Слышь, ну я бя... слышал про тебя всякие истории, што ты типа собираешься жить по Уставу. Так тебя здесь быстренько обломают...! Понял бя...?! Взял форму, и пошёл стирать бя...! Бегом! - Косов швырнул мне в лицо свою одежду.

- Я не буду этого делать – ответил я и отшвырнул в сторону его хэбэшку.

- Да я тебя сейчас, здесь, салабон, урою! - Косов потянулся всей своей растопыренной пятернёй руки, с грязными ногтями, прямо мне в лицо, надеясь и желая его толкнуть, но я, неожиданно для него, увернулся.

- Да-ты-чё, военный, в натуре не врубаешься куда ты попал, и кто с тобой разговаривает? – и он снова потянулся пятернёй мне в лицо, но уже более агрессивно.

Вспоминая, понимая и осознавая – «Кто я?», «Где нахожусь?», «Сколько прослужил, и сколько мне ещё осталось?», и, - «Как это будет происходить дальше?», если сейчас, я, выполню этот незаконный и унижающий моё мужское достоинство, приказ Косова, я принял решение - дать навязчивому сержанту жёсткий отпор, и со всего маху, въебал «командира» в лоб, ну то есть - ударил. Если бы я его ударил в нос, то у него могла бы пойти носом кровь или он поломался бы, а так - Косов отлетел на некоторое расстояние, но внешне выглядел неповреждённым. Этого, он тоже – не ожидал.

- Бляя...! Нихуясебе...! Воот-ээта-залёт, ...военный...! – Косов медленно стал двигаться в мою сторону. Он растопырил свои руки, и без того растопыренные ноги, в стороны, и в таком устрашающем образе, как он наверное предполагал, приблизился ко мне почти вплотную. Снизу-вверх, будучи меньше меня ростом, он подпетушился своей грудью, толкнув мою. «Тычёбля!». Я чуть отшатнулся назад, но внутренне уже был готов к полноценной драке и отражению ударов. Однако теперь, мне не стоило наносить удары первым – так я решил тогда, потому, чтобы меня не смогли обвинить в физическом нападении на старшего по званию, т.к. в бытовку, на скандальный шумок, стали заходить и заглядывать солдаты, которые находились рядом и слышали драчливую возню. Теперь они были свидетелями, и мне надо было выдержать деликатность этого момента, чтобы не стать «первым». Так и вышло. Сержант замахнулся ударить меня в лицо, но нарвался на то, что я опять увернулся в сторону, и, схватив его, за погонные шкурки обеими своими руками, резко и сильно рванул корпус его

туловища об своё правое колено так, что удар пришёлся ему в дых. Из Косова выдохнулся резкий звук «ХЫЭ!!!», и он, скрючившийся от спёртого дыхания, застрявшего где-то в его «солнечном сплетении», аккуратно был положен мной набочок, и на пол. Стоявшие вокруг нас любопытствующие военные солдаты, бурно и восторженно, как на сражениях гладиаторов, прокомментировали произошедшее у них на глазах действо.

- Бля..., пиздец, ...Косова салабон припустил! – говорили «старшие».

- Молодец Андрюха! – говорили «мои».

В первые секунды лежания Косова на полу, я ещё ожидал нападения на себя кого-либо из представителей старших призывов, как возмездие за моё «неуважительное» отношение к сержанту, и был максимально собран, чтобы дать отпор или хотя бы защититься, но этого, не произошло. Слыша высказывания своих сослуживцев, Косов медленно поднимался из положения «лёжа», через положение «раком», в положение «согнувшись стоя», а я понимал, что теперь за него, уже, никто не станет впрягаться и заступаться. Возможно только тогда, он стал понимать и осознавать степень своей гамнистости, и отношение его же одноклассников к нему. Он молча собрал свои портки, и, с наигранной степенью уверенности, и поднятости головы, вышел из бытовки в спальную часть казармы.

После этого фрагмента, и до самого своего дембеля, сержант Косов в мою сторону даже не смотрел, и было очевидно, что он сторонится непосредственного общения со мной. Это была моя БОЛЬШАЯ ПОБЕДА. Я не испугался «системы» и остался «свободным человеком», не потерявшим своего достоинства. Я остался личностью, но чувства тревоги и опасности меня не оставляли, и я понимал, что из наряда вернуться деды моего взвода и наверняка этот вопрос будет поднят на НЕофициальное обсуждение.

Когда дедорва возвращалась из наряда, и заходила в спальное помещение казармы, я наглаживал в бытовке свою форму перед службой. Я услышал тяжёлые подкованные металлом шаги сапог и знакомые голоса наших дедов на лестнице. Поднявшись по лестнице на наш этаж, сразу попадаешь в ту часть коридора, где расположены бытовки нашего, и соседнего, взводов.

- Кирюха! Говорят ты Косову по ебальнику настукал? А? – заглянув в бытовку через порог спросил меня зам.ком.взвода старший сержант Величко.

Я оторвался от глажки и развернулся в сторону опёршегося о дверной косяк, уже расстёгнутого после наряда, со снятым солдатским ремнём, моего младшего командира, и молча, изобразил что-то вроде стойки «смирно», уставив свой полувиноватый взгляд куда-то в середину его крепкого, спортивного телосложения.

- Что молчишь, солдат?

- Мне нечего сказать, товарищ старший сержант.

Следом за сержантом, в бытовку, ввалились уставшие после наряда, его друзья-товарищи-по-призыву-деды. Они зубоскалили и подшучивали на предмет беседы, но не агрессивно, пытались меня страшить, но это – было как-то неубедительно и по-доброму, и мной, воспринималось несерьёзно.

Они медленно и хаотично перемещались вокруг меня, рассматривая, а один из них, периодически хлопал своим снятым армейским ремнём с бляхой, но это меня тоже, почему-то, не напрягало. Я просто стоял и молчал, и во мне, вообще, отсутствовал хоть какой-нибудь страх. Смотрины продолжались пару минут, за это время мне дали понять, что сегодня после службы и команды «отбой», со мной, отдельно от всего остального коллектива военных солдат, в каптерке, в том же составе что и сейчас, будет проведена воспитательно-профилактические мероприятия на темы: «Ху из ху?» и «Кто сказал мяу?».

Всю службу в городе, я думал о произошедшем, и готовился к ночной встрече с дедами. Я окончательно для себя решил, что если по отношению ко мне, будет применена какая-либо физическая агрессия, и не имеет значение, сколько человеко-дедов будет принимать в ней участие, то я буду с ними драться «до конца», невзирая на их звания и сроки службы. И я, тогда, морально, уже полностью был к этому готов.

Сейчас я понимаю, что тогда, в той ситуации, я реально вырослел и мужал. Я принимал для себя судьбоносное решение, которое меня преобразовывало – из просто смелого мальчика – в настоящего военного солдата. Я переступал на следующую, более качественную, ступень своего развития и понимания жизни – её правил, одно из которых звучит так: «Если не ты – то тебя». Многие из тех парней, которые служили вместе и рядом со мной, так и не стали «бойцами», хотя и дослужили до своего дембеля. Они угодливо чистили чужие сапоги и стирали хэбэшки, оправдывая свою покорливость тем, что эти армейские традиции, существуют уже давно, и их нельзя рушить, ибо на этом, держится вся Армия. Возможно, они были и правы, но я был – не согласен. У них формировались неплохие и дружеские отношения с теми, кому они чистили и стирали. Упаковывались, такие «дружеские армейские отношения», в привычные для человека слова: «Пожалуйста...», «Не в службу, а в дружбу...», «Если тебе не тяжело...», «Спасибо!», и тому подобное. В таких отношениях была искренняя ложь, потому что только младший, «помогал» старшему, а не старший младшему. Вот и получалось, что младшие, это делали, всё же, «из-под-палки». «Из-под-палки», но с натянутыми улыбками и радостью, пониманием того, что когда они сами станут старшими, а под ними уже будут младшие, вот тогда и получают они свою сладкую порцию сатисфакции – наслаждение эксплуатацией чужого человеческого труда. А ведь было всему этому спектаклю с армейскими традициями одно объяснение – страх и трусость. Страх – быть побитым «старшим солдатом», и трусость – противостоять этому «старшему солдату». Но мне, не нужно было того, чтобы кто-то, чистил мне сапоги или подшивал воротничок. Я всё это умел и делал сам, все два года моей службы, брезгливо относясь к тому, что мои вещи, будут трогаться чьими-то немытыми руками. Или более того, чтобы в мой сапог, тот, кто его «по-дружески» почистит, после, за глаза, плюнул бы, от ненависти ко мне за свою эксплуатацию. С самого начала моей службы в Армии, я никогда и никому не «помогал», но и я, впоследствии, никого не

просил мне «помогать» чистить, стирать, подшивать. Этот мой жизненный принцип многим не нравился, как «моим пацанам», так и «старшим». Но и он же, этот принцип, сыграл очень важную роль, особенно в первые полгода моей службы, когда солдат (молодой солдат), находиться в самом незащищённом статусе своего пребывания в Армии, вообще. А всё произошло, как я понял, именно, начиная с той ночи, когда деды меня позвали в каптёрку для разборок инцидента с Косовым.

После команды «Отбой», я достаточно быстро улёгся в свою кровать. Понимая, что мне предстоит неприятная беседа в каптёрке с нашими дедками, я не стал снимать с себя штанов, и лёг под одеяло прямо в них, чтобы при подъёме обуться только в сапоги и быть готовым к «боевому разговору». Казарма улеглась. Мы всегда очень быстро засыпали. Уже через десять минут, были слышны сонные храпы отдельных военных. Мне не спалось – я ждал, когда меня позовут на разбор «моего полёта». Когда казарма укладывается, то основной свет гасится, но включено тусклое дежурное освещение, и в принципе, всё, что происходит, хорошо видно. Моя кровать находилась посередине казармы, и потому, мне было хорошо видно «послеотбойное» шатание дедов и сержантов по казарме. Они благородно, чинно и неспеша, переобувались в тапочки и наводили свою вечернюю гигиену. Салабонам, наводить гигиену сразу после отбоя, не положено – «запрещено», потому что на всех, умывальников и времени, на эту гигиену, не хватит. Брожения и шатания, тогда, будут продолжаться ещё минут сорок, чтобы все желающие почистили зубы, умылись и помыли ноги. Вот и существовало такое неписанное правило, что сразу после отбоя, все, кроме дедов (или дембелей) и некоторых черепов и сержантов, должны были сразу лечь в койки, а последние, с молчаливого согласия дежурного офицера, получали возможность спокойно и без лишней суеты и столпотворения, навести гигиену перед сном. Когда они заканчивали и укладывались окончательно спать, и засыпали, только тогда, всё остальное казарменное население, имело право потихоньку сползти к умывальникам. Это сползание происходило уже далеко после трёх часов ночи, а пока...

Я лежал в тускло-жёлтых потёмках дежурных ламп «в полнакала» и наблюдал за передвижением праздника чистоты и приближающегося дембеля для этих привилегированных солдат, таких же парней, как и я, но начавших свою Армию, на полтора-два года раньше, и ждал, когда ко мне подойдут и позовут.

Я всё-таки заснул, но лишь на одно мгновение, и моё плечо тормозил мой одноклассник:

- Андрюха, вставай. Тебя Величко в каптёрку зовёт.

Я мгновенно вскочил с кровати и начал кутать портянки в сапоги. Сон - «как рукой...», даже как и выспался.

- А кто там ещё в каптёрке?

- Стас, Болота, «Сухой» и «Полтава».

- А шо они там?

- Сало режут, консервы открывают. Чай собираются пить с вареньем.

- Ну, я пошёл.

- Ни пуха...

Я подошёл к закрытым дверям каптёрки и постучал. У нас строго было принято так, что после стука в дверь, надо ждать разрешения, а только после этого, открывать дверь и входить, если разрешают. За дверями сказали, что можно войти. Я открыл дверь и спросил разрешения войти, поясняя свой приход вызовом.

- Заходи! – скомандовал старший сержант Величко.

Я вошёл и остановился недалеко от входа.

- Дверь закрывай.

- Военный, я не понял, а шо это ты в штанах, в сапогах? Команды «Отбой» не было што ли? – ввязался в диалог Болота.

- Я подумал, что разговор будет серьёзный, и мне не хочется быть в подштанниках.

- Ну правильно, – заметил сержант.

- А ты проходи, проходи, присаживайся, – Болота указал на место возле табуретки, на которой была разложена еда, и заваривался чай в литровой стеклянной банке.

- Спасибо, я постою.

- Военный, ты чё не понял...?, тебе сказали, садись бя..., значит садись – нервно гаркнул Болота.

- Серёга, успокойся, – осадил своего товарищи Величко. А ты – садись – и он снова указал мне на то же место, на которое указывал и Болота.

Я уже начал понимать, что скорее всего, бить меня сегодня не станут, и сел рядом с табуреткой-столом.

- Давай, угощайся, – «Сухой» протянул мне кусок «Бородинского» хлеба, на котором лежал толстый и смачный кусок сала.

- Большое спасибо, товарищ ефрейтор, – сказал я, и принял из рук Саши Суханова («Сухого») угощение, а чтобы не выглядеть запуганной овцой, я уверенно и по-свойски, начал с аппетитом откусывать и жевать «бутерброд по-украински».

У меня абсолютно не было аппетита и мне совсем не хотелось есть. Наверное, это от того, что я переволновался за целый день из-за событий связанных с Косовым, и теперь, сталкиваюсь с чем-то непонятным для меня – доброжелательное отношение дедов, которые ещё днём, страшали меня «ночной профилактикой». Некоторое время мы молчали, и просто жевали сало, огурцы и хлеб. Замешивали чай со сгущённым молоком, накладывали варенье на белый хлеб, и запивали всё это горячим чаем. Молчание разбавил Величко:

- То, что ты дал по ебальнику Косову, это – правильно. Он редкий гандон. Но ты не понял того, что ты ещё салага, и тебе не положено возмущаться.

- Товарищ старший сержант...

- Так, помолчи и слушай, что тебе старшие говорят – оборвал меня Величко.

- Виноват! – коротко ответил я, и уже окончательно понял, что со мной будут обходиться по-дружески.

- Я за тобой наблюдаю, и мне ты представляешься нормальным пацаном, но ты должен понимать, что если ты будешь борзеть, то тебя здесь заебут, и ты до дембеля будешь иметь проблемы. Завтра на службу в город, пойдёшь со мной патрульным. Поучу тебя уму разуму, а сейчас иди спать, и подумай над моими словами. Давай! – не отрываясь от пропитания, завершил сержант.

- Есть, товарищ старший сержант! Разрешите идти?

- Давай, иди.

Выходя из каптёрки и закрывая за собой дверь, в последний момент, я увидел, как Сергей Болота доставал из-под наваленных кучей тулупов, бутылку водки. Я тихо и аккуратно закрыл за собой дверь, и довольный результатом своего дневного поступка, когда не уступил Косову, и только что состоявшегося разговора с дедами, уверенно, спокойно и гордо, пошёл вдоль уже спящих кроватей ложиться отдыхать.

На следующий день, я вышагивал вместе со старшим сержантом Величко, по нашему маршруту патрулирования, и оба мы, получали удовольствие от нашего общения. Я рассказывал ему о своей семье, учёбе в техникуме, и о том, как уходил в Армию. Про нашу вечеринку с Валею и Викторией, у моего дружка Зураба дома, когда его брат Алхаз, «применил оружие», с целью завладения девичьими прелестями. Я выпаливал один за другим, все анекдоты, которые помнил. Сержант ржал, и этим откровенным смехом, он укреплял моё понимание того, что теперь я у него на хорошем счету. Мне, это было немаловажно. В его лице и статусе, я приобретал надёжного покровителя, по крайней мере, на первые полгода моей службы – самые тяжёлые для молодого солдата. Он тоже рассказывал мне о себе и своей семье. Звали его Антон. Он был из приличной семьи, и относился к Армии, как к явлению, которое его уму не по душе, но обязательно для переживания, как то – что невозможно обойти вокруг. И в этом, я с ним, был полностью солидарен. К концу первого дня нашего совместного патрулирования, по предложению сержанта, мы перешли на «ТЫ», но с условием того, что это – не должно быть афишировано в присутствии третьих лиц, и в стенах нашей части.

С этого дня я стал постоянным патрульным у сержанта Величко, и приобрёл некоторые преференции для себя, а через меня, и некоторые парни моего призыва из нашего взвода, тоже, зачастую, избегали несправедливого прессинга со стороны дедов. Особенно, такое положение вещей, укрепилось после того, как однажды, к Антону на службу в городе, пришла его девушка со своей подружкой, и мы очень интересно провели эту встречу. Я уместно поддерживал темы нашего общения, и это очень понравилось и помогло моему новому покровителю. Он остался доволен моим обходительным поведением в отношении девушек, и моим чувством юмора, которые сыграли свою роль в дальнейшем понимании друг друга. Некоторым обхождениям с

девушками, сержант научился у меня, и об этом, сказал мне потом со словами благодарности.

Мои первые полгода службы в Армии, прошли быстро и достаточно хорошо – без страха перед дедовским произволом, без унижений и без особых других трудностей. Этому, я был признателен Антону.

## Весна

В конце апреля 1986 года по батальону поползли какие-то слухи про то, что «что-то», «где-то», «какое-то» ЧП произошло, а «мы», и «нас», наш батальон, «БУДЕТ ТУДА ЕХАТЬ», и там служить и патрулировать. Было объявлено о полной боевой готовности, даны указания проверить всю экипировку и технику для защиты от химического и радиоактивного поражения. Нас построили на плацу, и комбат толкал речь, не конкретизируя задачи и не называя места, куда мы должны были выезжать «на задание». Под большим вопросом была наша патрульная служба в городе в тот день. Распорядок дня был нарушен. Все что-то собирали и проверяли. Водилы срочно были отправлены в гаражные боксы готовить автомобильную технику к выезду. Мы, солдаты, обрадовались! Поедем, сменим обстановочку. Пошёл слухок, что мы едем куда-то под Киев, и там будем нести службу в оцеплении какой-то закрытой зоны. Так как погода уже становилась тёплой и почти летней, это нас ещё больше порадовало. Жизнь в палатках и на природе. Нет ничего лучшего для служебного времяпрепровождения солдат, которые хотят сменить повседневную городскую одинаковость на что-то романтическое – природно-развлекательное. А мы ведь и были в возрасте романтиков. Не радовал такой расклад только тех, кто со дня-на-день, вот-вот, собирался увольняться в запас и уходить из Армии на дембель. Они понимали, что их скорое возвращение домой, под угрозой. О возможном приостановлении демобилизации было объявлено на общем построении. Дембеля сразу отреагировали на это тем, что стали быть агрессивными. Если до этого момента, они, ко всему происходящему вокруг них военному движению, никак не относились, в предвкушении скорой дороги домой, и даже были культурными, и уже даже гражданскими, по отношению к салагам, то теперь, их раздражало всё. Они цеплялись с пол-оборота.

До обеда, жизнь в батальоне кипела подготовками, проверками и погрузками снаряжения. После обеда было объявлено, что мы всё же идём на службу в город. На следующий день всё повторилось. А потом нам стало известно, что рванул Чернобыль. Наш батальон не был направлен в чернобыльскую зону. Дембелей отпустили домой. Из нашей части, взяли лишь одного солдата-водителя, и БТР, за которым он был закреплён. Когда он уезжал, мы уже не радовались и не завидовали тому, что ему «повезло» сменить однообразную, привычную и поднадоевшую обстановку бытия в нашей части, а понимали, куда он уезжает, и какие последствия могут его ожидать в будущем. Но понимали мы это, ещё не так осознанно, и отчётливо, как это, оказалось на самом деле, в последствие. Его командировали в



Чернобыль, якобы, на одну недельку, для того, чтобы он перегнал туда свой БТР и вернулся назад в часть. Он вернулся в батальон, незадолго до своего дембеля, примерно через год, повзрослевший, с усами, и, режущей наши взгляды, сединой в волосах и грустью в глазах. Хотя он так и оставался солдатом нашей части, но вернулся в батальон в общевойсковой, зелёной, форме, и ещё некоторое время ходил в ней, пока ему не выдали нашу, тёмно-серую, «ментовскую». Перед увольнением в запас, он успел несколько раз сходить на службу в город, о чём так мечтал весь этот «чернобыльский год». Как сложилась его жизнь после Армии, я не знаю, но он нам рассказывал такие истории про зону, которую теперь называют «Зона Отчуждения», что мне не верилось, что такое может быть, и что руководство страны, может так поступать со своими гражданами и солдатами. И только теперь, по прошествии многих лет, я понимаю, что его рассказы были чистой правдой. Честно о радиации, тогда, никто не рассказывал. Солдат, добровольцев и специалистов, в «Зону», посылали как пушечное мясо. Ну, впрочем, как и всегда в Советском союзе. Военные чинуши, осуществлявшие контроль и охрану той территории, покрывали и руководили «схемами мародерства» в Припяти и окрестных сёлах. Сколько радиоактивного имущества и автотранспорта было вывезено из «Зоны» в мирную жизнь граждан Саюзасаветских, знает только Господь Бог и оНИ – «ЛюдиБезЧести», те, которые находились на безопасном расстоянии от смертельной радиации, но посылали в неё, таких пацанов, как солдат-водитель БТРа из нашего батальона. Я потом, встречал таких мордатых полковников и генералов, именующихся «Участниками ликвидации аварии на ЧАЭС». Они размахивали своими ксивами «Чернобыльцев», когда выдуривали у «государства» очередную льготную квартирку для своих детей или внуков. ...через суд, ...через «Именем Украины», ...визжа, что им негде жить, что они своё здоровье положили, что работают на одни лекарства. А получив таковую, не спешили в неё въезжать, и сдавали её внаём за валюту, а продолжали жить в квартирах своих тёщ, ...мам, ...тётъ и дядь, которые, в свою очередь, понятия не имели о том, что у них есть эти квартиры, и они, являются собственниками этих квартир.

Уже когда наш солдат-водитель-чернобылец, покинул батальон на дембель, мы, находясь на очередных полевых занятиях в с.Подгородном, во время пятиминутной передышки, стояли на песчаном берегу Днепра, у самой кромки воды, и ссали взводным солдатским строем в эту воду, и вспоминали его, и гадали о том, заражена ли радиацией та вода, в которую мы теперь ссым. И мы, потом, уже не в Армии, ещё долго будем вспоминать и думать о том, в какой воде, тогда, летом 86-го, мы - солдаты, находясь в увольнениях, купались на городских пляжах Днепра, надеясь, что ТА ВОДА, всё-таки, в тот момент, когда мы в ней купались, уже утекла, и унесла с собой, тот «Смертельный Мирный Атом». Мы снимали свою военную одежду, аккуратно складывали её на какой-нибудь оголённый из-под пляжного песка каменный булыжник или пенёчек, находившийся неподалёку от воды, и заходили в приятно-освежающую влагу, в разгар летнего зноя, и это – было

той из немногих радостей, которая напоминала нам, о существовании в нашей тогдашней военной жизни, точнее – за, её пределами, всевозможной многоти курортов. Лесных, морских, речных и горных. И от таких мыслей, нам становилось веселее, и думалось о том, что всё ЭТО, закончится, и мы уйдём из Армии и поедем на эти курорты, и вся ЖИЗНЬ у нас ещё впереди. Мы валялись в песке, и, мечтая, разговаривали об этом, стараясь хоть слегка загореть теми частями тела, которые в военной жизни были постоянно скрыты под одеждой от летнего солнца, и сравнивать их цвет загара, с уже загоревшими частями нашего тела. «Уже загоревшими частями нашего тела», была голова, точнее голова с шеей и кисти рук по манжет. Когда солдат раздевается до «состояния трусов», и поднимает обе руки вверх, так, что кисти рук находятся на уровне головы-лица, то становится похоже на то, как будто бы смотришь на его лицо через затемнённую коричневым цветом прозрачную плёнку. Всё тело, от шеи и до пят, светлое, и только голова, шея, и кисти рук, имеют тёмный окрас. Ну, и ещё, та часть головы, которая скрывается под шапкой, фуражкой или пилоткой, тоже, не загоревшего цвета. Особенно забавно это смотрится тогда, когда целый взвод, рота, или даже батальон, находятся в состоянии «до трусов». Люди в трусах, с тёмными головами и кистями рук, построенные ровно в строй, выглядят, как военнопленные времён Второй Мировой.

Наши потребности в смене обстановочки, и какого-нибудь путешествия или временного переезда из батальона в постороннее от привычного бытия пространство, всё же были удовлетворены. В Павлограде завёлся маньяк! Он с определённо-устойчивой периодичностью вступал в сексуально-половые отношения с молодыми гражданочками, против их воли, и по-окончании сего, убивал их насовсем. Нам об этом, на утреннем построении, объявил комбат. Он сказал, что наш батальон должен выдвинуться в Павлоград, и там, способом усиленного патрулирования его улиц, способствовать поимке маньяка-убийцы, и что эта операция продлится не меньше одной недели, а мы, всё это время, будем проживать там, в помещении местной школы. Мы обрадовались, потому что нам хотелось хоть как-то, что-то, изменить в нашем приевшемся военном существовании. Было понятно, что как минимум – одно «Поле» (выезд на полевые занятия) мы просачкуем, и этот очевидный факт усиливал нашу радость от предстоящей кампании. Мы разобрали наши кровати по запчастям, и вместе с матрасиками, подушечками, и прочей спально-инвентарной утварью, погрузили в грузовики, сели в них сами, и поехали спасать город Павлоград от маньяка.

Это было лето, и дети не ходили в школу, в которую нас поселили. Кровати мы поставили в спортзале, ровными рядами, повзводно. Кормились мы в школьной столовой, а озаборенная территория школьного двора, выполняла функцию территории воинской части, условно, потому как никто не мог запретить мальчишкам приходить и играть на своём школьном стадионе в футбол. Вместе с ними, в футбол, играли и мы, а вечером – уходили охотиться на ущербоного ёбаря. Здесь у нас не было точных

маршрутов и графиков передвижения по ним. Это – давало понимание некой свободы и не напрягало постоянным контролем за временем, но и в тот же момент, позволяло более продуктивно нести службу, самостоятельно определяя нужность своего присутствия в той, или иной части маршрута.

Мы шоркались по неизвестным нам улицам, кварталам и подвалам. Традиции «кормить нас бесплатно» в кафе и ресторанах, в этом провинциальном городке, не существовало – некому было здесь прививать любовь к милицейским солдатам, потому что раньше наш батальон никогда не нёс службу в этом населённом пункте. Мы стали её уверенно прививать и доктринно насаждать. Заходя в подобные мероприятия-заведения, мы начинали с душевного разговора с сердобольными тётушками-поварами и булочницами-кондитерами: «Что?», «Как?», «Где?» и «Почему?». Рассказывали о своём социальном происхождении, и намекали на свою солдатскую голодность, и на то, что возможно где-то, кто-то, накормит и их сыновей-солдатиков. И это срабатывало – нас кормили и любили. Мы «бомбили точки», и на ужине ели булочки, халву, и всякие другие неуставные вкуснятости, полученные нами из закровов кондитерских цехов, хлебопекарен и других значных мест гостеприимного Павлограда. Самое главное, что наше командование, закрывало на это явление глаза, в отличие от аналогичного «мародёрства» в Днепропетровске – пункте нашей постоянной дислокации. Наши солдаты обзаводились новыми пассиями, встречались с ними украдкой на службе, влюблялись и обменивались адресами для почтовой переписки в будущем. Жизнь «по Дарвину» продолжалась.

Кроме того, что мы удовлетворяли свои потребности в похрюпать, мы, конечно же, честно несли свою службу, и если вопрос становился «Служить или уйти на лево?», мы, конечно же, выбирали «Служить!», и мы – «Служили». Мы раскали по закоулкам, помойкам и подъездам, чердакам и подворотням. Мы пристально всматривались в лица мужчин от 30-ти до 35-ти, среднего роста, постриженного под канадку. Нагло, иногда по-хамски, с приклатнённо-уверенным нахрапом, чтобы обескуражить потенциального преступника, спрашивали у них документы, анализировали их поведение, всматривались в глаза и руки, вежливо извинялись, козыряли честью, братались, и отпускали. Мы охотились за «Гадом»!, – по-мальчишески, по-ментовски, по-военному, по-граждански, по совести. Мы ходили с кобурами, полными пистолетов «Макаровых», но у нас к ним, не было патронов. Нам их не выдавали, потому что мы были ещё детьми, по мнению тех взрослых дядей-генералов, которые выпустили нас ловить матёрого убийцу «голыми руками», и могли этими патрончиками, поубивать друг друга, опять же – по рассуждению всё тех же, «великих» стратегов-генералов. Мы патрончики находили себе сами, у старшины «Рекса», который в отличие от штабных пердунов-военных-начальников, понимал адекватность наличия у нас, хоть какого-нибудь арсенала боеприпасов. Списанные патроны, он давал нам «по-блату», кто спрашивал, взамен на нашу порядочность и строгое молчание в случае палива, и не рассказывания «где взял?». Днём мы носили патроны в

наших карманах, а выходя на маршрут патрулирования, вгоняли их в пистолетные магазины, опасаясь, что при проверке со стороны офицеров, можем быть подвергнуты наказанию, вплоть до отправки в дисбат. Но мы – делали это. И никто из нас, не поубивал друг друга, зато – мы чувствовали себя вооружёнными и в относительной безопасности.

Мы поперетаскали в райотделы и опорные пункты Павлограда, хУеву гору подозреваемых мужиков из населения этого города. Устанавливали их личности и фиксировали. Отработка города шла по полной программе благодаря нам, нашей собственной оперативной инициативе. Мы передавали «подозреваемых» городским ментам, а они отрабатывали контингент по своим параметрам. Как потом уже выяснилось, одним из доставленных, и был тот, которого мы все искали, за которым охотились, но он был отпущен. Его, всё же, чуть позже, наши ребята взяли почти «на горячем». Он оказался заезжим гастролёром из РСФСР, где совершал точно то же, и уехал оттуда, по причине того, что уж очень там «наследил». Его предал его «чёкающий» рязанский говорок, пьянющее состояние и золотая цепочка с крестиком, убиенной им женщины. Его руки были в крови, а в его кармане нашли «раскладуху», которая также, была запачкана липкой кровью жертвы.

Мы уезжали из Павлограда с чувством выполненного долга и хорошей качественной работы. Мы вернули «Рексу» патроны от ПМ. Комбат получил преференции и награды. Ребята, которые способствовали задержанию «мужчинки», были отмечены и поощрены. Им подарили электрические бритвы и выдали алюминиевые значки-награды. Остальные – грамотированны и отмечены во «внутренних хрониках МВД», потому что во «внешних хрониках» – у нас, в «Той Стране», маньяков быть не могло.

Этим же летом, где-то в послеобеденное время, по нашему батальону, пронзительно завизжала тревожная сирена, а из селекторных громкоговорителей, последовала команда дневального с первого этажа нашей казармы: «Батальон! Тревога! «Ясень-1»!». Это означало, что вся «пехота патрулей» – главная составляющая нашего батальона, капитан Внутренних войск МВД СССР – Алёна Марковна, водители всех мастей – «Мазута», хозяйственный взвод – «Свинопасы», и все наши командиры, включая старшин-кусков, прапорщиков, и высшее командование нашего воинского сообщества, должны были в течении пару минут собраться на общее построение на плацу, без вооружения. Это не касалось только тех солдат и офицеров, которые в тот момент находились в наряде, и обеспечивали охрану территории нашей воинской части и её функционирование: повара, дневальные, наряд по кухне.

**Справка:** В нашем батальоне, также как и в других подобных нашему, милицеских войсковых частях, по всему Союзу, существовала система градации «Тревог», по их смысловому содержанию, степени важности, и военности. Во внутренних войсках, она носила условное наименование «Ясень». Существовали: «Ясень-1», «Ясень-2», «Ясень-3» и т.д. Каждое из этих условных голосовых оповещений, содержало в

себе информацию о том, по поводу чего была объявлена «Тревога», и давало понимание личному составу того, какое вооружение следует взять с собой из оружейного парка, и к чему быть готовыми. Например, если звучала команда «Ясень-3» – это означало, что где-то происходят массовые беспорядки, и нам следует на них выехать и «угомонить массы», и кроме стандартного комплекта боевого вооружения «стрелка-патрульного», следует экипироваться щитами и дубинками, бронежилетами и наручниками, слезоточивым газом «Черёмуха», а вместо обычной стальной каски – шлемом с забралом. «Ясень-5» – стихийное бедствие, «Ясень-7» – химическая или радиоактивная угроза, «Ясень-9» – побег зэка из зоны.

Все вскочили, бросили свои недоделанные работы и мероприятия, оделись «по форме» и выскочили в построение перед уже стоящим в центре комбатом и его заместителями. Церемония приветствия «командира с солдатами» была практически опущена. На лице комбата торжествовала военная серьёзность и безграничный восторг предстоящего «дела» и его личной значимости и полезности в этом «деле». Он оповестил нас о том, что в центре города, на проспекте Карла Маркса, рухнул жилой дом дореволюционной постройки, и что наша задача – в срочном порядке выдвинуться на место трагедии, и обеспечить его оцепление силами личного состава нашего батальона, пока спасатели будут выполнять работы по расчистке завалов и оказанию помощи жильцам рухнувшего сооружения. Так как некоторые из нас, могут быть привлечены к расчистке завалов, то нам была дана команда экипироваться сапёрными лопатками, и противогазами, для защиты от пыли и газа.

Уже через несколько минут, наши машины, набитые личным составом и сопутствующим спасательным инвентарём, как то – носилки, одеяла и медикаменты, с рёвом сирен и люстрами синих мигалок, мчали проспектами Города Армии, игнорируя красные светофоры. Мы со всей серьёзностью гордились нашей значимостью и нужностью этому Городу, его гражданам. Мы ехали помогать его жителям, и спасать нуждающихся людей в нашей помощи. Мы ехали работать. Служить! Информации о пострадавших, не было никакой, и мы домысливали об этом сами. Мы ехали и молчали, изредка перебрасываясь между собой фразами о предстоящей работе, о возможных трудностях и последствиях обвала.

Домчались быстро. Чётко, слаженно и организованно, по команде наших офицеров, мы повыскакивали из глоток кузовиков и тот час же распределились, оцепив зону бедствия. Комбат строго объяснил нам условия оцепления. Мы должны были контролировать и не допускать прохождения внутрь оцепления посторонних лиц. Когда мы приехали на место, то там уже присутствовало некоторое количество карет скорой помощи и пожарных машин. Никаких возгораний и пожара не было. Стены оцепленного дома были целы, и стояли нетронутыми, в них даже были целы окна, а межэтажные перекрытия, были сложены грудой строительного мусора внизу,

на первом этаже. Деревянные балки перекрытия, между первым и вторым этажами, ещё держали между собой части пола-потолка, создавая полуразрушенные навесы у стен бывших комнат и квартир. Вокруг стен обрушенного дома, ходили растерянные и потерянные от случившегося, его бывшие жильцы. Мужчины – в семейных трусах и спортивных шароварах, в майках и босые. Женщины – в домашних халатах, и в нижнем белье. Все они были в пыли, и трудно было разобрать истинный цвет их волос, потому что они были покрыты слоем седой пыли рухнувших конструкций. Их седые от пыли лица, контрастно выделяли тёмные глаза с белыми ресницами и красные губы. Они были все на одно лицо и выглядели как альбиносы. Возле одной из машин скорой помощи, в истерике, в окружении медиков, которые пытались её успокоить, билась молодая женщина, которая кричала и просила достать её грудного ребёнка из-под завала, или пустить её саму это сделать. Ей укололи какое-то успокоительное и она отрешённо обмякла, продолжая бормотать про спасения её девочки, которую звали Настя.

- Настя, солнышко моё...! Девочка моя бедненькая...! Доченька моя любимая...! – стонала мать.

- Успокойтесь пожалуйста девушка... Видите, уже солдатики приехали. Сейчас её найдут – старался успокаивать женщину молодой парнишка, врач скорой.

- Да где ж они её найдут...!

- Найдут, найдут, не волнуйтесь, всё будет нормально. Верьте, ничего с ней не случилось. Просто надо разобрать завалы. Всё будет хорошо... - продолжал настойчиво успокаивать женщину врач, обтирая её от пыли.

Возле другой машины скорой, на земле, на носилках лежало тело человека прикрытое с головой белой простынёй. Ещё, рядом на лавочке, двое медиков накладывали шины на ногу престарелому мужчине, который рассказывал историю о том, как он, только стал выходить из квартиры первого этажа, и всё затрещало, и начало рушиться, и он почти успел выскочить из подъезда, а его жена уехала к сестре, и если бы она не уехала, то наверняка погибла бы под завалом на кухне, где постоянно возится.

Дом был трёхэтажный, с двумя подъездами. Теперь он выглядел, как руина в декорациях про войну. Дворик почти закрытый, почти «семейного типа» - с лавочками, клумбочками и столиком для домино, с погребками, такими, которые мы иногда, на службе, «добросовестно обносили», находя в них варенья и компоты, консервацию. Тогда об этом не думалось. Думалось о том, как это всё разобрать, как достать из-под завалов людей. Это был или субботний, или воскресный день, и внутри дома, могло оказаться много жильцов, но к счастью, как потом оказалось, людей в доме, когда он рухнул, было мало.

После нас, к дому приехали подразделения спасателей и солдаты из стройбата, которые почти сразу принялись разбирать завалы. Они складывали строительный мусор в кучи, передовая по «живой цепочке», отдельные его элементы: кирпичи, доски, остатки от дверей. В отдельное место они складывали уцелевшую домашнюю утварь: семейные

фотоальбомы, посуду, шкатулки с драгоценностями, одежду, ковры, деньги и документы. За их сохранность и складирование, созданный на месте штаб по чрезвычайным ситуациям, назначил ответственных, которые всё документировали и распределяли по категориям — деньги к деньгам, документы к документам, посуду к посуде. Работали быстро, без лишнего шума и суеты, по-военному.

Настю нашли наши парни. Её манежик стоял у стены, и когда потолок рухнул, то балка перекрытия образовала над ним навес, под которым девочка-грудничок, и проспала всё то время, пока до неё добрались. Мама была «обезумлена» радостью того, что её ребёнок остался жив, а молодой папашка, вернувшийся с рыбалки, и увидевший разрушенный дом, наколотую равнодушием жену и весть о нахождении его дочери под завалом, теперь трясущимися руками и глазами, благодарил всякого человека, который был переодет в военную форму или в белый медицинский халат. Они носились с Настенькой, которая теперь жадно смактала молоко из мамочкиной грудочки, как будь-то бы она, только народилась, и страх того, что у них теперь нет их жилья, совсем не огорчал эту радость «рождения».

Под завалами был найден автомат «Калашикова», с боеприпасами к нему и гранатой, альбом «шикарной» семейной фото-порнухи бытового формата, хозяйка которого, теперь убеждала милиционера, вернуть ей её «семейную реликвию», где она была представлена во всей красе и вперемешку со своим мужем и его друзьями, перепуганный кот, который рванул «куда глаза глядят» после того, как его достали солдаты из-под обломков. Бабушка, которую выкопали из кучи строй-обломков, слёзно просила найти её «тревожный чемоданчик», припасённый ею, на случай её смерти, в котором хранилось «праздничное платье», туфли и бельё для загробной жизни. Престарелый, но очень живенький поп с бородой и в семейных трусах, с татуировкой на предплечье, в виде «розы обвивающей кинжал», и с громадной золотой крестякой на шее, вместе со своей молодухой-попадьёй в спортивных трениках и лифчике, успокаивали эту бабушку, а заодно — активно искали железную баночку среди вещей, которые раскапывали и сносили в одно место спасатели. Эту баночку, чуть позже, нашли, и от любопытства открыли, потому что она была очень тяжёленькой. В ней очутились золотые «царские червонцы», которые тут же, заинтересованно, забрали «для выяснения», два статных мужчины «в штатском». Наверное, это — были КаГЭБэшники, потому что они забрали попа и его чувиху в свою чёрную «Волгу» и куда-то увезли. Когда стало темнеть, привезли и включили прожектора, которые освещали всю территорию, как днём, и работы продолжились. Мы стояли всю ночь и ещё почти целый день, иногда меняясь на еду и туалет. Когда этот балаган стал заканчиваться, нас сняли с оцепления, а на наше место привезли солдат из конвойных частей ВВ (внутренних войск), тех, которые в зонах охраняют эзков на вышках.

Мы вернулись в часть уставшие, грязные и молчаливые. Нас накормили, дали время обмыться и уложили спать. Свою задачу мы выполнили.

### Деньги

Зима в конце 1986 года выдалась снежная и холодная, но радовала меня и моих товарищей по призыву тем, что уже прошёл год нашей службы, то есть – её половина, и оставался ещё один год, но мы уже стали «черепами». Под нами было уже аж два призыва. Это те парни, которые приехали служить позже нас через полгода, и те, которые приехали в Армию осенью, то есть тогда, когда мы отслужили ровно год. Этой же зимой меня наградили какой-то алюминиевой медалью второй степени и отпустили домой на десять дней.

А дело было так...

Несли мы службу на одной из улиц «АНД-района». Так коротко называли Амур-Нижнеднепровский район города Днепропетровска. Я был старшим патруля, и со мной патрульный. День к окончанию, людей на улице всё меньше и меньше. Я с патрульным остановился на «точке» возле трамвайной остановки и выжидал положенные пять минут «отстоя» на ней. Мороз. Десять часов вечера. Перекур. К остановке подъезжает трамвай. В светящемся тёплом салоне трамвая – человек пять, ещё четверо – выходят. У окна посередине салона, упёршись головой в обледенело-заслуженное стекло, кимарит небритенький мужичок. Трамвай стоит чуть больше положенного для разгрузки-выгрузки пассажиров... Мы стоим, как раз напротив кимарящего гражданина... Курим... Он открывает глаза в стекло, ...и видит нас...! ...двух ментов, пялющихся на него... Он резко просыпается, дёргается, и стрёмно озирается по сторонам трамвая..., и смотрит на нас, которые уже заприметили что-то подозрительное в его поведении. Я иду на переднюю дверь, а патрульного, жестом посылаю на заднюю. Двери начинают закрываться, но при виде моего требования, водителя снова открывает двери. Захожу в салон. Небритый встаёт и шагом на заднюю дверь. Там мой патрульный - вежливо его встречает. Тот на меня...

Я ему: «Добрый вечер...!».

Кто? Что? Куда? Зачем? Документы...?!

При нём баул. Тёмно-вишнёвая бархатная скатерть, такая была в моде в домах партийной номенклатуры в предвоенные и послевоенные годы. Смотрелась богато. Была вышита цветами по периметру, с бахромой, а в середине было навояно узорное «икебана» в виде круга по центру стола, на котором она лежала. Её концы были связаны между собой по диагонали, «крест на крест», а внутри что-то есть.

- Что в бауле?

- Та это мои вещи... С женой поругался, забрал своё и ушёл из дому...

- Куда «ушёл»...?



- К другу еду...
- Где живёт, ...адрес?
- Та я точно не знаю... Так знаю... Найду...
- Ну тогда пойдём, мы тебе поможем...
- Та не, ...не надо, я сам...
- Пойдём, пойдём...

Мужик бросает баул, и бежать... По скользкому обледеневшему асфальту, по сугробному снегу... От двух спортивно-тренированных хлопцев, вскормленных на любви к Родине и «Счастливому Будущему»...

- И...-ди...-от...!

Через пять-семь шагов — подножка..., мордой в забор..., знакомственная оплеуха..., захват и залом руки для конвоирования. Напарник держит, а я вызвал по радиостанции патрульный УАЗик («Бобик», как мы его называли...) закреплённый за нашим взводом и нашей территорией патрулирования в этот день. Через семь минут подъехал «Бобик», я доложил офицеру обстоятельства задержания. Дядю погрузили в зек.отсек, мы сели на заднее сиденье, и в тёплом салоне поехали в райотдел милиции. В райотделе развернули скатёрку, и увидели: банки три-четыре красной и чёрной икры, несколько норковых шапок, хрустальные вазочки, женские часики, шубку, костюм, платья, билеты внутреннего займа, мохеровые шарфы в упаковках, мужской кожаный пиджак, финские женские сапоги, и бутылка французского коньяка «Бискви». Это оказались именно те предметы, которые несколько часов назад были похищены из квартиры, хозяева которой, вернувшись домой обнаружили ограбление, и вызвали милицию. Они сидели в соседнем кабинете у дознавателя и диктовали список пропавших вещей, добытых непосильным и честным трудом. Помните: «Две магнитолы, два кожаных пиджака, две кинокамеры...». Приблизительно так же было и здесь. Естественно следователь сразу спросил у мужика, куда он сплавил другие вещи, которые были заявлены потерпевшими, и не выявлены при распаковке баула. Тот возмутился, клялся и божился, что всё, что взял, здесь. Блякал и сквернословил, ссучил в сторону потерпевшей супружеской парочки, которые по его версии навешали на него ещё каких-то предметов, которых он в глаза не видел и не брал. Что примечательно: икру и коньяк, парочка не указала, хотя потерпевшая оказалась заведующей продовольственной базой, а её муж, кстати, оказался заместителем директора крупного универсама...

Мы написали рапорта о произошедшем, а так как время службы подходило к концу, то на свой маршрут патрулирования мы возвращаться не стали и остались ожидать прихода всех патрульных нарядов в райотделе. Перед выездом в часть, на построении, наш наряд отметили как выдающийся, и способствовавший быстрому раскрытию преступления. Зам.начальника РОВД, пожал нам лично руки и поблагодарил за отличную службу. Мы ответили: «Служимсоветскамусаюзу!». По приезду в часть, на построении после выгрузки из машин, дежурный в тот день по нашей части замполит, майор, по фамилии Король, уже проинформированный о нашем

«подвиге», также отметил наш наряд вниманием, и ему мы тоже сказали, что «служим советскому союзу!». Почти все солдаты нас поздравляли, и даже деды и дембеля. Последние, со знанием дела и из личного военного опыта, утвердительно сказали, что за такое «задержание» положен отпуск домой, дней на десять, не меньше. Меня это вдохновило. И хотя я уже полностью втянулся в армейское существование, и мне даже начинало кое-что нравиться в этом бытие, я изрядно соскучился по дому, родным и друзьям, и с удовольствием съездил бы к ним в отпуск.

На утреннем построении я и мой патрульный опять стали звёздами армейских хроник. Нас поприветствовал командир батальона. Ему мы тоже сказали, что «служим советскому союзу!». Та зима была замечательна тем, что выпадало много снега, и мы его должны были убирать, причём не только во дворе нашей части, а и на улицах Большого Города Днепропетровска. Делали мы это вместо всех наших занятий, полит.подготовки и физических тренировок, после завтрака, и до обеда. А один раз, даже, вместо патрульной службы. Но я, честно говоря, всегда хилел от таких снегоуборок, и у меня это получалось. Я всегда находил повод уйти в сторону от хозяйственных работ. От уборки территории, от разгрузки чего-нибудь с машины, от уборки свеклы в подшефном колхозе и тому подобного, как я считал, не имеющего ничего общего с понятием «Честного служения Отечеству».

Служил вместе со мной солдат. Фамилия у него была Макаров. Сослуживцы называли его «Макар». Он был хулиганистого происхождения, ...и просто жестоким человеком. Он выпивал на службе, курил «волшебную траву», неуважительно относился к девушкам, считая тем самым себя «классным», а их «мочалками» и «курицами». На службе Макар обворовывал задержанных пьяных людей. Он их обыскивал, и к его рукам «прилипали» деньги из карманов «трудящихся» и «не очень трудящихся». Иногда он снимал с них часы и золотые изделия, но это если они были сильно пьяны и бесчувственны. Недавно ему дали звание ефрейтора, «за способность подкупать офицеров» и «умение держать в руках салаг». Он был человеком подлым, хитрым и злопамятным. Я не любил ходить вместе с ним на службу, потому как первый раз побыв с ним в паре, я показал своё несогласие с тем, что он вытащил у пьяного мужика, которого мы доставляли в райотдел, из кармана брюк, двадцать пять рублей. Он предложил мне червонец из этой суммы, но я отказался, мотивируя тем, что такие деньги мне не нужны, и так поступать нельзя. И хотя он был меня старше по призыву, из-за этого случая он меня «побаивался», и старался держаться подальше от меня по службе и по казарменной жизни. Я понимал, что этот случай с грабежом пьяного, добавил мне «козырей» во взаимоотношениях «салага-дед», и он тоже это понимал, а потому, после этого случая, с его стороны прекратилась всякая дискриминация в мой адрес, которая и до этого-то не была так велика, чтобы её не можно было снести. Хотя по отношению к другим ребятам из моего призыва, он употреблял всю жестокость и издёвки «дедовщины».

Пошёл он как-то на службу в частный сектор. Кафе нет, магазинов нет, девушек нет. Мороз градусов двадцать. Чё ищё делать? Ходи, кури, скучай.

Вот он и ходил, курил, скучал. Иногда перебрасывался общими фразами со своим патрульным Чекулаевым. Так как личностью он был неинтеллигентной, то поговорить с ним было не о чём. Вот и таскался Чекулаев, за своим хмурым начальником патруля. Наступила вечерняя ночь, и только белизна снега украшала убогость той местности, где они патрулировали, и хмурость Макара. На углу, под забором, сидит на жопе мужик, в расстёгнутых штанах. Сидит в сугробе, заблаговременно обгаженном, «по-взрослому», уличной собакой. Пьяный. Спит от чрезмерного употребления водки. Расхристанный, шапка набекрень, абоссанный, абрыганный, ...воняет. Одет он был в полушубок из какого-то натурального зверя, в тёмно-синих потёртых на коленях фирменных джинсах, с мохеровым модным шарфом, пыжиковая шапка. Вроде и хорошо одет, но какой-то потрёпанный, и воняет. Макар потрогал его бесчувственное тело ногой солдатского сапога, брезгливо снял с него часы, вытащил и конфисковал из внутреннего кармана шубы пару червонцев, выматюкался, от того, что испачкал руку в блевотину, которая обильно присутствовала на груди и животе Спящего Прынца. Макар обсмотрел руками его шапку, накинул её обратно ему на голову, выпрямился, и собрался уходить прочь.

- «Товарищ ефрейтор», он же замёрзнет...

- И шо типеря...?

- Давайте вызовем патрульную машину и доставим его хотя бы в вырезвитель или в райотдел.

- Бляяя..., Чекулаааев, откуда ты такой добрый выискался...? Возиться с этой пьянью ещё...

- Ну давайте..., он всё-таки человек, ...чей-то отец, ...или сын..., жалко.

- Ладно...

Минут через десять подъехал патрульный «Бобик». Офицер дал Макару указание погрузить пьяного в зекотсек.

**Справка:** «Зекотсек» – это отделение в задней части милицейского УАЗика, которое отделено от салона автомобиля перемычкой с металлической сеткой или прозрачным окошком, и предназначено для перевозки в нём, задержанных правонарушителей. Его ещё называют «стаканом». Так как мы являлись военной милицией, то могли иметь дело с задержанием «зеков». «Зек» – это оконченное и сокращённое название **За**Ключённого – «ЗК». Эти две буквы достались нашему обществу со сталинских времён Гулага. Вот и получилось одно название из двух слов: «зек» и «отсек».

Макар злобно буркнул на Чекулаева:

- Грузи блядь давай, сердобольный ты наш!

Чекулаев стал отнимать Прынца от почвы... Когда он его, обхватив, приподнял, оказалось, что у него был ещё и пластмассовый дипломат, такие тогда были очень в моде, назывались «Мыльница». Его не было видно

потому, что он был за спиной, и под шубой пьяного. С горем пополам, погрузили человека в машину. Он проснулся, и даже несколько посадочных шагов и движений, в машину, сделал самостоятельно. Спросил про дипломат, взял его в руки, и по дороге в райотдел, снова заснул.

По приезду в райотдел, мужика разбудили, и он сам, в сопровождении Макара и Чекулаева, пьяной походкой, зашёл в дежурную часть. Там к нему, переел отправкой в приёмник-вытрезвитель, с брезгливостью стали применять протоколирование «нетрезвого состояния в общественном месте». Дошло дело и до осмотра его вещей, в том числе и дипломата, которого мужик уже не выпускал из своих рук. Сначала он не давал, прижав к груди, чтобы его открывали, мотивируя это тем, что в нём его личные вещи, но потом, под невежливым натиском дежурного майора, и требованиями «высокого протокола», был вынужден представить содержащееся в нём к осмотру.

Всё это происходило на глазах Макара. В комнате «для оформления», кроме патруля доставившего пьяницу, были ещё несколько милиционеров, которые в тот день дежурили по району. Когда дипломат открыли, у Макара на лице нарисовалась «ТРАГЕДИЯ». Его глаза остекленели. Он рефлексивно снял шапку, тут же одел её снова. Сглотнул слюну, и что-то стал шептать себе под нос, высовывая нижнюю челюсть вперёд и в стороны. Взгляда от открытого дипломата, он не отводил, в отличие от всех остальных участников этого мероприятия, которые восторженно переглядывались между собой и восхищённо комментировали увиденное. И только хозяин дипломата, равнодушно-пьяным, идиотско-улыбчивым взглядом, смотрел на всё происходящее вокруг него. Он, дико хотел пить..., о чём и повествовал дежурному майору. Но тот, его, уже не слышал.

В чемоданчике..., были деньги..., советские..., деревянные... Но их..., было много... Их, по меркам обычного советского гражданина, было ОООчень много...

В дипломате было двадцать пачек в банковской упаковке по десять рублей и десять пачек по двадцать пять рублей, и одна пачка, номиналом купюр, по пятьдесят.

Всего пятьдесят тысяч рублей...

В восьмидесятые, это – пять «Волг» ГАЗ-24, почти десять «Жигулей», почти двадцать «Запорожцев», или пятьдесят мотоциклов с коляской «Ява», 125 000 банок кабачковой икры 227 272,727 литров молока, 5 000 000 коробков спичек...!!!

- Что это за деньги?
- Мои...
- Где вы их взяли? Откуда...?
- Заработал...
- Где ты их заработал?
- На Севере. На золотом прииске.
- А документы есть?
- Конечно есть...

- А почему вы с такими деньгами оказались пьяным и на улице, уснули в снегу?

- У меня самолёт с пересадкой... Я домой с Севера еду.... Следующий рейс завтра в десять утра. Я в ресторан поехал... Там с девушкой познакомился. Думал, ...у неё переночую. В гостинице мест не было... А она из такси вышла и сказала, что у неё «Мама Дома!!!». Мы с ней на улице постояли, и она домой пошла, а такси уехало. Я пошёл искать, чем уехать, и заснул там... Как в снег лёг, не помню...

А Макар стоит, и смотрит на всё это...

Понять, то, что происходило в тот момент в его душе и голове, можно только теоретически, но по-настоящему проникнуться «трагичностью» этой ситуации, мог только он,,, – Макар. Весть о Графе Монте-Кристо с «Севера», которого нашёл Макар, быстро разлетелась по батальону. Зная о мелко-воровских наклонностях Макара, патрули обсуждали и смаковали эту историю уже сидя в кузовах грузовиков, по пути со службы в часть. Особо оживлённо было на борту машины 1-го взвода, в котором числился Макар. Герой «романа» присутствовал ЛИЧНО... На него можно было посмотреть, насладившись вдоволь выражением лица человека, выбросившего свой «счастливый билет» в урну собственными руками, но всегда, так сильно, мечтающего его заполучить, на халяву. Солдатам старше его призывом, можно было его потрогать дружески по шапке-голове, обнять за погоны, подъебнуть и задать уточняющий вопрос: «Ну как же так, ...Макааар???!!!». А Макар, просто, тупо молчал, начиная с того момента, когда грязный дипломат-«Мыльница», был открыт ПРИВСЕЛЮДНО. Это событие, повлияло на дальнейшую судьбу Макара, как insult на организм немолодого человека, оставив необратимые следы мышечной атрофии на лице пациента, в его взгляде, и речи. Нет, конечно же, с точки зрения медицины, Макар был абсолютно здоров. Хотя, если учесть его личностные характеристики, статус «здоров», был весьма условен.

По возвращению в часть, Макар столкнулся с навалившейся на него «славой». С одной стороны – его чмырили и подъёбывали солдаты, а с другой стороны – его отмечало руководство нашей части, которое благодарило за бдительную и честную службу.

Эти два события - «задержание мной квартирного вора» и «спасение Макаром замерзающего миллионера», произошли приблизительно в одну неделю, и потому, в ближайшие празднования, мы были награждены и поощрены. Мне дали знак отличия и десять суток отпуска, а Макару, тоже - что-то дали. От первого шокового состояния он уже отошёл и стал носить часы, которые снял у этого мужика. И уже привык к ним, как к родным, не смотря на то, что на обратной стороне была выгравирована памятная надпись, адресованная его предыдущему хозяину. А через месяцок, в часть приехал этот мужичок, да с благодарностью, да к командиру части, мол «...Спасибо, что не дали замёрзнуть ваши солдатики..., деньги спасли...», да отблагодарить бы их... Ну, командир, не долго думая, трубит общее построение личного состава на плацу. Выходит перед строем с мужиком, и

давай хвалить Макара и его патрульного. Дошло дело и до мужиковых поздравлений. Тот жмёт честную руку Макара, ...и..., ...видит свои золотые часы!!! Сразу конечно говорить ничего не стал, но подунул. Церемония скоро окончилась и все разошлись, а Макара вызывают к командиру, минут через пятнадцать...

У командира в кабинете, определили, что часы на руке Макара, принадлежали в раньшем времени мужику, который теперь приехал поздравлять своих спасителей. Командир ругал и рукоприкладывал Макара, как хотел и во что придётся, отобрал все подарки и награды, звания и должности, лично сорвал ефрейторские погоны и сопровождал в дисбат на два года. Часы комбат вернул их истинному хозяину и просил прощения от лица всего командования военного округа.

Помните доктора экономических наук, профессора, кавалера ордена всех степеней «За заслуги», а в прошлом, по совместительству с основными видами его деятельности, и бывшего президента, обычного гопника по кличке «Хам», Витю Януковича – сына Феди? Конечно помните! Такое хер забудешь...! Так вот, этот проФФэсор, в свои светлые молодые годы промышлял тем, что вместе с такой же гопотой, как и он сам, совершал «ошибки молодости» – сбивал с прохожих меховые шапки, потом их продавал, и на эти честнозаработанные, «развивался». Он приобретал необходимые для жизни предметы, наверное и еду, готовился к получению высшего образования. Всё это, происходило в хлебно-угольном городе на Донбассе ЕнаКиеве. В Днепропетровске тоже существовали такие же «Вити», которые грабили прохожих, обладателей ценных меховых головных уборов. В зимние месяцы, такие гопстопы были не редкостью. Привлекательностью такого вида заработков было то, что преступление тяжело раскрываемо, и практически не предотвратимо, если гопник уже определил для себя жертву. Гопник высматривал потерпевшего, и в подходящем для этого месте, с налёту, быстро пробегая мимо него, хватал головной убор и ускорялся в затемнённые вечерние дворы и подворотни. Лишённый головного утеплителя прохожий, редко когда пускался вдогонку, потому что им, как правило, оказывалась светская дама или джентльмен не юношеского возраста, а гоняться за парнишкой одетым в спортивный костюмчик, было делом бесперспективным. К тому же у грабителя, могли быть и сообщники, которые могли подставить подножку или перехватить шапку на эстафете, тем самым сбив спесь у потерпевшего. А если обиженный и догонял своего обидчика, что случалось крайне редко, и он был в состоянии заломать гопника и притянуть его в милицию, то оказывалось, что и шапки-то у него при себе никакой нет, и вообще, парень, спортом занимается – бегают и тренируется, и его с кем-то перепутали. Потому, оказавшись в растерянности и без шапки, граждане и гражданочки, конечно же огорчались, но оставляли это «махнув рукой», и не заявляя в милицию, тем самым увеличивая латентность данного вида преступлений. Это и являлось прелестным, замечательным и привлекательным фактором безнаказанности такого рода деятельности для «Витьков». Десять минут

делов, риск минимальный, а в руках у тебя 300-400 рублей дохода. Скинуть барыгам меховую шапку в полцены, в те-то годы повального дефицита, не составляло никаких усилий. Один вечер в неделю, посвящённый экспроприации головного убора, давал понимание безбедного существования молодой особи мужского пола, в течение целого месяца. Возможно оттуда, и формировалось мировоззрение отдельной категории граждан, впоследствии окутанных любовью к золотым батонам, унитазам, и картинам в образе Наполеона или Юлия Цезаря.

Однако, если потерпевший в пределах пяти минут после ограбления звонил в «02», быстро сообщал приметы преступника, место ограбления, и оно входило в зону нашего патрулирования, то мы получали по радиостанциям в эфире ориентировку, и включались в охоту, и задерживали, потому что практически каждая улица в центре города была перекрыта нашими нарядами. Зная приметы и направление, куда побежал гопник, мы легко блокировали квартал и выходили ему навстречу. Оторвавшись на безопасное расстояние от своей жертвы, и скрывшись из его поля зрения, он засовывал шапку за пазуху или одевал её себе на голову, переходил на шаг обыкновенного неприметного прохожего, делая вид, что гуляет. Выражение: «На воре и шапка горит», мне стало понятно именно тогда, когда при виде нашего патруля, который был уже в курсе события, гопник начинал тушеваться, нервничать и совершать глупости. Он сбрасывал с себя только что приобретённый головной убор и бросался наутёк. От нас – натренированных бегом, здоровых и молодых лосей-солдат, обуянных страстью реальной охоты на таких «джентльменов удачи». Его, конечно же, догоняли и били, не сильно, не очень, не по лицу, дабы подавить в нём инициативу сопротивляться транспортировке в райотдел. Там его оформляли и отправляли, иногда условно – если первый раз, а иногда всерьёз – на несколько лет.

### **Хавчик**

В нашем батальоне всегда оставалось много пищевых отходов. В отличие от других воинских частей, других родов войск, солдаты батальонов милиции были несколько разбалованы тем, что в виду специфики нашей службы, повторяюсь, патрульно-постовой, мы имели возможность почти каждый день выходить в город. И хотя это были не увольнительные прогулки, а боевая служба, то по своей сути, по сравнению со службой других советских солдат, она, всё-таки, являла собой нечто походившее на прогулку, и отдых от военной казармщины. Солдаты-патрули, имели возможность зайти в гастроном или в пельменную, и поесть нормальной «гражданской еды». Кроме этого канала пополнения голодных солдатских желудков, за папины, мамины и бабушкины рублики, которые те с регулярной периодичностью и настойчивостью слали почтовыми переводами своим любимым воинам-сынам и солдатикам-внучатам, у солдат батальонов

милиции, в те времена, существовала неофициальная привилегия получения еды БЕСПЛАТНО.

Спросите: «Как это?»...

- Рассказываю....:

В каждом Большом Городе есть рестораны, цеха по выпечке и изготовлению хлебобулочных и кондитерских изделий, конфетные фабрики и молокозаводы, мясокомбинаты и заводы по производству безалкогольных напитков, хладокомбинаты и всякие другие сооружения, имеющие в себе и на своих территориях, всякую еду. В городе Армии, конечно же, были все эти выше перечисленные предприятия, и в достаточно большом количестве. Практически в каждом его районе были кондитерские цеха. Продукция последних, интересовала солдат-защитников, в первую очередь. Заварные пирожные и безе, слойки с вареньем, торты «Наполеон» и «Карпаты», пряники мятные и коржики ванильные, халва и козинаки, кукурузные палочки и хворост, сухарики с изюмом и «Булочки по 9 копеек», пальчики со сгущенным молоком...

Если ты - старший наряда, и у тебя на маршруте патрулирования есть одно из таких предприятий, а ты - ещё не прослужил год, то есть не стал «черепом», то ты - был обязан принести на ужин в батальон, плоды производства этого предприятия. Как...? Да очень просто...! Подходишь на проходную и с деловым видом спрашиваешь, как здесь обстоят дела с общественным порядком...?, не нужна ли милицейская помощь...?, что сейчас производят...?, и всё такое... Тёточка или дядечка сразу понимали, что вам что-то надо из произведенного сегодня этим цехом, или фабрикой. Кстати, забыл пояснить, такой цех или фабрика или ресторан или завод, мы называли «Точка». Когда я приехал в Армию, это понятие уже существовало. Его придумали и эксплуатировали до моего появления в Армии, ещё с хрен его знает каких времён, мои предшественники. Как это повелось, и с чего началось, ни я, ни кто бы то ни было другой, проходивший службу вместе со мной в этой части, включая офицеров и прапорщиков всех уровней, не знали, но пользовались этим, все. Мне было не понятно, почему, и с какой математики, нам, солдатам-срочникам, выносили «Дары...». И таки выносили...! Ну, не всегда именно того чего просили, но всегда что-то, да выносили. Ближе к окончанию времени несения службы, мы вызывали патрульную машину, она подъезжала прямо к проходной, мы загружали коробки с вкусняточками в зек.отсек, и машина уезжала, а во время ужина в части, эта «неуставная еда» ложилась на наши столы. Кроме положенной нам по Уставу еды, к чаю, мы получали ещё и дополнительные сладости, и потому за ужином, чай представлял собой особую ценность. Конфет и пирожных хватало всем, а вот чай сверх нормы, был положен только тем, кто прослужил год и больше, иногда и полугодникам. Почему дело с чаем обстояло именно так, я не знаю. Возможно, в этом был какой-то иерархический смысл. Наверное, каждый молодой солдат, должен был иметь в своей армейской карьере, какой-то стимулирующий ориентир, ...опять же..., на «Светлое Будущее», и стремиться в него, качественно и с



достоинством переживая и преодолевая все тягости воинской службы советского солдата, которые ему уготовила его «Виликая и Магучая Страна».

Вот и получалось, что от постоянного наличия более привлекательной еды, чем «солдатская каша», еда «уставная», вывозилась на местный свинарник. У нас в части жили свиньи, которые и доедали за нами недоеденную пищу. Начальником над этими животными был ефрейтор «Джеферсон», на полгода старше нашего призыва. Каким была его истинная фамилия, я никогда не знал, но помню, что звали его Женя, ...потому и «Джеферсон». Глядя на него, возникала мысль о том, что его специально выписали из какой-то деревенской глуши, чтобы он был свинарем. У него был ооочень длинный нос и ооочень длинная овальная голова, и ооочень узкие плечи. Выражение: «Ну, у тебя и жало...!», в прямом смысле подходило, именно, под его лицо. Он практически никогда не участвовал ни в каких батальонных построениях. Ему было «запрещено» ходить в столовую вместе со всем батальоном, потому, что ухаживая за своими подопечными, его одежда, волосы и кожа, пропитывались таким специфическим запахом свинарника, что его вкусившего, могло даже стошнить. Сам Джеферсон был не против такого положения вещей. Он попал в свинарник сразу же после того, как приехал служить в эту Армию, и был отстранён от всех тягостей воинской службы и неуставных взаимоотношений, потому что постоянно находился на хоздворе со свиньями. Его никто не трогал и не беспокоил. Он должен был отвечать только за прирост в весе своих подчинённых, их здоровье и чистоту в свинарнике. Каждый день он устилал пол в свинарнике сеном или опилками, а когда оно стаптывалось и перемешивалось с поросычьим гавном, собирал и заметал его в вёдра, а затем выносил в специально отведённое помещение рядом с общевойсковым туалетом, про который я уже рассказывал. Там эта зообиологическая масса накапливалась, а когда её становилось много, то подгонялась бортовая машина, и проштрафившиеся и получившие взыскания или внеочередные наряды солдаты, загружали эту массу в кузов и вывозили разгружать на городскую свалку. Это мероприятие, по загрузке-выгрузке свинячьего гавна, в нашем батальоне, называлось поехать «На пасеку». Я не сразу по-настоящему понял, почему это называется именно так, но потом, когда меня однажды отправили «на пасеку», я пропустил это название через весь свой мозг и интеллект. Запах коктейля из сена и свинячьего гамна, на раскалённом летнем солнце, и запах свежескаченного пчелиного мёда, идентичны. Сходство – поразительное! Процесс брожения сена-соломы и свинячьего гамна, в жаркую летнюю погоду, с помощью вашей, даже не очень бурной фантазии, переносил Вас на живописную лесную полянку с уликами, ...на лесную пасеку. Но стоило Вам открыть глаза, вы снова оказывались переодетым в военного солдата перед кучей свинных испражнений, которые Вам, предстояло, сначала загрузить, потом вместе с ним в кузове проехаться, а затем его разгрузить. Я, в таком мероприятии участвовал всего лишь раз, но мне хватило впечатлений, чтобы навсегда сделать в своей памяти штришок, и всякий раз, при виде вазочки с ароматным мёдом, мысленно переноситься в

армейскую юность, ...«На пасеку». А среди моих товарищей по призыву, были такие, которые за два года службы, принимали участие в этом фито-празднике раз двадцать. Саша-«Светка», одно время мне казалось, что не вылезал из медового рая. У него возник конфликт с командиром взвода лейтенантом Свириденко, и тот в свою очередь, воспользовавшись своей властью над верноподданным, стал чуть ли не каждый раз, когда «соты заполнялись мёдом», отправлять солдата на его утилизацию, тем самым гнобя непокорного и правдолюбивого военного. Саша пропах «мёдом» так, что даже после бани, будучи в голом состоянии, от его кожи веяло ароматом цветочного нектара. В чём была суть спора между солдатом и офицером, я точно не знал, но помню, что в этом противостоянии Александр Муштенко («Светка»), выстоял, и лейтенант был вынужден признать правоту и упорство своего подчинённого, и даже извинился перед ним при построенном взводе. Эта выходка Свириденко, прибавила «Светке» авторитета и уважения сослуживцев. Он стал «своим»... Стал «своим» потому, что не ныл и не жаловался, а достойно принимал приказ командира об ликвидации последствий пищеварительного процесса свиней, из мяса которых, кстати говоря, нам готовили еду...

Говоря о еде из местных свинушек, я мог бы миру поведать следующее..., и это - заслуживает отдельного внимания читателя и обывателя современности...!

Как и подобает в такой ситуации, и в любом случае, командованию нашей части, надо было как-то оправдать наличие некоторого количества «неуставных зверей» на территории нашего воинского сообщества. И тогда говорилось: «...Солдаты нашей части, всегда имеют на своём столе свежее мясо собственного производства...!!!». Всякая проверка, которая заезжала к нам в батальон, была накормлена этим самым мясом, и снаряжена на прощание, «в дорожку», этим же самым мяском, в лучшем его виде, качестве, и ассортименте. Пока проверяющий генерал осматривал местные достопримечательности нашего военного сообщества, включая его территорию, быт, боеготовность, тягу к художественной самодеятельности и живописанию, главный свинопас Джефферсон, наточенным ножом убивал насмерть очередной стокилограммовый организм млекопитающего, ...для того, чтобы приготовить «подарунок» для другого млекопитающего. Кстати говоря, эти оба млекопитающих, имели существенные внешние сходства, но Джефферсон убивал то животное, которое не умело говорить. Он убивал самую созревшую свинью, и вырезал из неё всё самое, что ни на есть, «классное».

И так, возвращаясь к еде, приготовленной из местных свиней, для солдат нашего батальона... Мясо действительно было. Его выдавали на кухню. На кухне, мясо и прилепленное к нему сало, повара нарежали кубиками размером два на два или два на три сантиметра. Эту сально-мясную массу тригонометрических предметов, загружали в большую электросковороду и некоторое время поджаривали. После хорошей обжарки с луком, это мясо перегружали в электрокастрюлю, заливали водой,

добавляли томатную пасту. Солили, клали лавровый лист и чёрный перец-горошек, закрывали, включали и оставляли на несколько часов. Когда мультиварка отключалась и её открывали, то запах был обворожителен. В котле кастрюли, в соусе, была конкретная мясная ПИСТЧА. Она была вкусная, из свежего мяса местной свинятины, ароматная и калорийная. И теперь всякий, кто находился в непосредственной близости к этому чану, или проходил мимо него, считал своим долгом взять оттуда смачный кусочек свежеприготовленного мяса. Не сала..., не мяса с салом..., а МЯСА!!! Особые гурманы брали такие кусочки, в которых было немножко и салца, но если его оказывалось много, то лишнее можно было выплюнуть в мусорную корзину, зато по-настоящему вкусить смак истинной свининки! В первую очередь, конечно же, угощался начальник солдатского пищеблока прапорщик Ковалихин, под предлогом «снятия пробы». Он наваливал себе мяска в «баранчик» из нержавеющей стали, где-то с полкило. Брал какое-нибудь соленье, белого хлеба, кружечку охлажденного холодильником компотика, и стоя в горячем цеху, всё это жрал-уплетал за обе, и без этого мяса, раскормленные, багряно-розовые щёки. Если он «неНАопробовался», то брал ещё, ...чуть-чуть. Следующими в очереди «попробовать» мясо, естественно, были солдаты из числа наряда по столовой. Их всегда было трое. Один из них – старший наряда, почти всегда был или «черепом» или «дедом», или «дембелем». Он мало работал по кухне, но кушал всё самое смачное, и в любое время. Вот он и был первым из наряда, кто умачивался отобедать. Он наливал себе «отборного» первого, с мяском и правильным количеством капусточки и картошечки, если это – борщ, а если это – суп, то нужное количество гороха или гречки. На второе, он также как и прапорщик Ковалихин, накладывал отборного мяса, с гарниром (макароны или каша). Хлеб, компот, соленья. Стоит заметить, что белый хлеб-кирпичик, который поставлялся в нашу часть, был очень свежим и очень вкусным. Я даже не помню, чтобы нас кормили серым или чёрным хлебом. Этот белый хлеб использовали и на десерт..., с компотом. Хлеб был пшенично-сладковат. Компот в нашей части всегда был одинаковым, из сухофруктов. Такое пойло, сейчас зовётся «Узвар». Его замачивали и варили повара, после состоявшегося обеда, и он настаивался сутки, до следующего обеда. Сахар в него не клали, но он был очень вкусным. Его всегда за столами было мало. Вернее сказать, его наливали порционно в кружки, но его всегда хотелось выпить больше положенного. А больше положенного, компот могли пить только участники наряда и случайно попавшие на пищеблок другие люди. Они же, тоже, пробовали и мясо, отделяя его от сала.

Остальные участники кухонного наряда, делали всё точно так же, как прапорщик Ковалихин, старший наряда, и другие «случайно зашедшие». Среди «случайно зашедших» был старшина батальона «Рекс», прапорщик мед.службы «Марцепан», и другие вольношатающиеся военные персонажи нашего армейского сообщества: художник Боря, штабной писарь Валера «Лихач», заведующий солдатским клубом и по совместительству киномеханик, водитель комбата и водитель замполита. Среди

вольношатающихся, постоянно посещавших пищеблок, исключение составлял Джефферсон. Его к еде не подпускали, потому что он был всегда в свинячьей грязюке и вонял. Он приходил на порог столовой, ему выносили громадные кастрюли с пищевыми отходами, которые он грузил на телегу и увозил к себе в «Царство Свиней». Зато у него всегда было сало, заготовка которого, также входила в круг его военных обязанностей. Это сало комбат называл «стратегическим запасом» батальона. Его кусками выдавали на каждый взвод перед выездом на полевые занятия, особенно зимой или в холодное время года. Но про это, я расскажу отдельно. Да забыл заметить, что некоторое количество хорошего мяса, откладывали и оставляли начальству для офицерской столовой...

В результате такой тщательной дегустации солдатской пищи на предмет её пригодности для употребления, всеми кто ни попомя, на столы «патрулей», в нержавеющей «баранчиках», доставалось огненное, варёное в собственном соку, САЛО. Мясо конечно тоже попадалось, но его из баранчика сразу брали себе в тарелки сержанты-деды и дембеля. Оставшийся деликатес, частично был употреблён в пищу особо проголодавшимися салагами, а остальная жирно-сальная гастрономическая масса использовалась как средство наказания (воспитания) молодых солдат за «пищевые преступления». Пищевым преступлением считалось, если ты – молодой солдат, был застигнут стечением обстоятельств, и эти обстоятельства были хоть как-то связаны с едой, и едой в не солдатской столовой по расписанию, кем-то из старослужащих или офицером, то это и называлось «пищевым преступлением». Неофициально конечно..., среди солдат... Считалось, что солдат должен был принимать пищу только по расписанию и в специально отведённом месте: в солдатской столовой, в условиях полевых занятий и в увольнении. Приём пищи во время несения боевого дежурства в городе – только с позволения и по команде старшего патруля, и только в том объёме, в котором тебе, как салаге, было положено. Тебя застукивали с куском хлеба в кармане, ты проявил голодную несдержанность за столом во время приёма пищи в столовой, или ты забежал в магазин Военторга и быстро чего-то сожрал без разрешения сержанта, или даже не успел сожрать, но тебя «спалили», или просто заподозрили в связях с едой,...- это был «ЗАЛЁТ». Тебе тут же, на месте «совершения пищевого преступления», предъявлялось обвинение, и это обвинение формулировалось одной крылатой и единственной фразой-вопросом: «Ты шо военный, не наедаешься...?». И не имели значения твои оправдания в свою защиту, типа: «...Да я не успел позавтракать вместе со всеми...», или «...Это из посылки осталось, что родители прислали...», или «...Меня только что угостили...», тебе сразу же выносился «приговор», не менее крылатой и единственной фразой-утверждением: «Так мы тебя военный накормим...!».

Я был достаточно дисциплинированным солдатом и остерегался нарушать сформированные солдатней правила и армейские традиции сосуществования военного с едой. Я тоже постоянно хотел есть будучи салагой, но никогда не носил хлеб в карманах и не попадался на «пищевых

преступлениях». А среди моих товарищей из моего призыва, таких было не мало... Приговор при первой же возможности, его вынесшим, обнародовался. «Палачи» - лица из числа старослужащих, заинтересованных в проведении «казни», т.е. в солдатском развлечении по своей сути, дружно и радостно повествовали, обращаясь к «осужденному»: «Готовься военный, будем бороться с голодом...! Будем наедаться...! Будем есть...!».

На очередном обеде, кроме положенной солдатской пайки, перед залетевшим, ставили баранчик полный вареного сала. Сказать, что это блюдо было невкусным, это значит соврать. Оно было вкусное, но очень жирное, и его, после поедания основной порции обеда, было многовато. Под угрозой физической расправы над залётчиком или предрекая ему «Сладкую Жизнь По-УСТАВУ», в случае его отказа от употребления этой массы килокалорий, которая должна была излечить пациента от голода, оценив реально шансы на «победный успех» при отказе, и поняв, что эти шансы ничтожны, последний, медленно начинал поглощать кусок за куском, почти не пережёвывая эти сальные кусочки. Усугублялся, этот романтический обед, тем, что на столе, хлеба, с которым это чревоугодие было бы менее навязчивым и более приятным, не было, на тот момент, его уже съедали соучастники застолья. Ещё, психологическим фактором, действующим на моральное состояние поедателя варёного сала, было понимание того, что если баранчик будет съеден не до конца, то отбытие наказания не будет считаться исполненным. А если учесть, что после утилизации половины этой шоковой порции холестерина, у поедателя, уже было состояния перенасыщения жирами и лёгкой тошноты, то вторая половина, с точки зрения её полного поглощения, заставляла залётчика раз и навсегда, в своём сознании, отказаться от «...хлеба в кармане» и «...меня угостили». Я не испытал состояния полного перенасыщения и излечения от голода таким способом. Бог миловал. Но думаю, что последующие несколько часов бытия в состоянии закормленности варёным салом, оставляло незабываемые на всю оставшуюся жизнь ощущения и эмоции в области пищеварительного тракта этого военного Хомо Сапиенса. Ну, если, конечно же, пациент, не является полным дегенератом, живущим по принципу «На халяву, и уксус сладок!».

К нам в батальон приехал очередной проверяющий генерал. Он был переодет в штаны с широкими красными лампасами. Подъём надкозырёчной части его генеральской фуражищи, и сама её форма, имели сходство с лошадиным седлом или с трамплином для лыжных прыжков. Его морда лица, была очень серьёзна. Перемещался он по территории нашей части, в сопровождении наших командиров, медленной прогулочной походкой, с признаками болезненных потёртостей и опрелостей в области паха и ягодиц, из-за их плотного соприкосновения, как у грудничков. Это было понятно и заметно потому, что генерал шагая и раскачиваясь из стороны в сторону, старался как можно шире растопыривать ноги, и разбрасывать в стороны свои стопы, переобутые в явно «неуставные туфли». Он очень важно молчал, притворно внимая словесному поносу встречающей стороны. Перед «праздничным» обедом его выгуливали. Личному составу было дано

распоряжение привести свой внешний вид в идеальное состояние и в любой момент быть готовым к молниеносному построению на плацу для встречи с генералом. Старшина в срочном порядке, в своей каптёрке, выдавал некоторым солдатам, обмундирование которых изрядно поизносилось, на замену, новые сапоги, и другие элементы формы, причём, даже не требуя росписи в получении. Свинару уже заказали убийство очередной свиньи. Поварам дали указание «Удивить». «Удивляли» генералов, в таких случаях, повара, сборной солянкой, мясным салатиком, чебуречками, вареничками, запеченной рыбкой или тушёным мясом, ...пудингом, или даже – тортиком, ...кофе, или чаем «С ЛИМОНОМ». Алёне Марковне, военнослужащей из секретного отдела штаба части, женщине очень стройной, молодой и красивой, было дано указание комбата, переодеться в военную форму - надеть юбку и черные туфельки на тонком и высоком каблучке. На работу она всегда ходила в гражданской, и очень изысканной одежде, ...пахла духами. Военную форму, очевидно, одевала без удовольствия, и только тогда, когда это действительно требовалось для армейского антуражу. Ходили слухи, что она была то ли дочерью, то ли племянницей какого-то высокопоставленного военного чина из Киева. Её муж тоже – был каким-то полковником, в какой-то Армии. С ней всегда очень церемонились. Какую секретную работу она выполняла, или могла выполнять, имея идеально отманикурные внешние данные, и приходя на работу «к обеду», а уходя с неё почти сразу «после обеда», можно было только догадываться. Она имела звание капитана. Лет ей было, двадцать пять-двадцать семь. Военная форма её ничуть не портила, нам, солдатам, она очень нравилась в военной форме, и скорее всего, её и демонстрировали проверяющим генералам, как дЕвицу-красавицу, переодев заблаговременно на показ, с намёком на «ролевые игры». Убивалось сразу «два зайца»... Во-первых... Презентовалась красивая и сексуально привлекательная военная женщина, имеющаяся в наличии у нашего армейского подразделения, и тем самым повышая статус нашего комбата, как настоящего мачо. А во-вторых... На вопросы проверяющего «Кто такая?» и «Откуда?», комбат смело рекомендовал её, как близкую родственницу высокопоставленного военного из министерства, тем самым определяя перед проверяющим, бессмысленность, и даже противопоставление, его выискивания недостатков в нашей воинской части.

После рекомендательного представления её ему, последний рассыпался в комплиментах, «по-гусарски» выцеловывал ручки, изменил походку и осанку, не взирая на болезненный дискомфорт в области пахово-жопных складок его тела, и на его лице, появлялась строго-деловито-флиртоватая улыбка. Он старательно начинал корчить из себя военного генерала и демонстративно восхищался успехами нашего комбата и подчинённых ему офицеров, в вопросах организации службы и быта солдат нашей части. Им было велено построить солдат на плацу. Мы, как по тревоге, выбежали и построились на плацу в обычном порядке, так как выстраивались всегда, повзводно, в шеренгу. Командиры взводов доложили о готовности построения. Комбат приказал построиться батальону повзводно по две

шеренги каждый, и таким построением образовать почти замкнутый квадрат, в середине которого, генерал будет общаться с солдатами «по-свойски». Мы очень быстро перестроились и замерли...

Генерал занял место в центре этого живого сооружения и начал толкать свою речь, окрылённый присутствием на этом митинге Алёны Марковны, как вдруг... – со стороны свинарника, раздался дикий и пронзительный свинячий визг. Строй захихикал, но с места, естественно, никто не дёрнулся. Генерал растерянно прервался в своей речи на полуслове, и стал шарить взволнованным взглядом по сторонам. Так как он со всех сторон был окружён людьми переодетыми в одинаковую военную одежду, и его разум не мог перепрыгнуть за пределы окружающего его строя, он не понимал, что происходит, потому как до свинарника, его просто ещё не довели. Он не знал о том, что в части, кроме военных солдат, ещё проживают и пищевые свиньи. Его страхи увеличивались с каждым мгновением, лицо покраснело, и на нём всё отчётливее вырисовывалась реактивная паника и ужас, вызванные этими душераздирающими звуками какого-то живого существа. Комбат, реально бздонул... Забздел он, конечно же, не от дикого визга свиньи, а по причине того, что в его подведомственной военной резервации, при проверяющем генерале и его адъютантах, происходит что-то из ряда вон выходящее и неуправляемое. Комбатовская забзделость выражалась в том, что он, не менее генерала, был шокирован внезапностью происходящего. Он также застыл в испуге на месте. Это всё продолжалось считанные мгновения, но не окончилось, и имело неожиданность продолжаться. Визг нарастал и приближался. Вдруг, с левого фланга, по отношению к месторасположению генерала и его свиты, сбив с ног нескольких солдат, вовнутрь нашего строя, ворвалась взбрыкивающаяся и окровавленная свинья.

И комбат, и генерал, активировали свои прямокишечные сфинктеры, приведя их в тревожный режим ожидания. Каждый из них испытывал чувство страха, сходное по своему внутреннему содержанию. Генерал – опасался за свою жизнь и здоровье, которые бесславно мог потерять на самом пике своей военной карьеры, в обыкновенной воинской части, на обыкновенном плацу, при обыкновенной штабной проверке. Комбат – опасался за жизнь и здоровье генерала, которые тот, мог бесславно потерять на самом пике своей военной карьеры, в обыкновенной воинской части, на обыкновенном плацу, при обыкновенной штабной проверке. Остальным же, другим участникам построения, было просто страшно от неожиданности, и присутствия при этой неожиданности, военного, в ранге самого генерала.

Вы когда-нибудь по телевизору видели корриду, или родео с животными быками? Всё выглядело приблизительно также, только вместо быка, была свинья. Поломав с разгону, своей разъяренной тушей, ровное построение солдат, свинья носилась в центре нашего квадрата, ещё не совсем разбредшегося от брызгающей из неё крови. Из её грудной части туши, фонтаном хлестало кровяное. Свинья брыкалась и визжала. Следом за ней, с полуметровым тесаком в правой руке, испачканный кровью по плечи, с того же левого фланга, во внутрь нашего «построения», ворвался Джеферсон.

Форма его одежды была № 2. Это – когда торс голый, но штаны одеты, а сапоги обуты. Увидев перед собой, в непосредственной близости, настоящего генерала и своего командира, Джеферсон несколько растерялся. Но, дабы не ударить «лицом в грязь» перед проверяющим, и как его учили поступать при виде высокого военного начальства в школе на уроках «НВП» (начальной военной подготовки), он резко остановился, выпрямился, прижал руки по швам и перешёл на строевой шаг... !!! Повернув голову в сторону командования, подняв подбородок высоко вверх и приложив лЕвую рУку к височной части своей головы, отдавая «чЕСТЬ», громко и взволнованно, запыхАвшись, проскороговорил: «Здравияжелаютоварищгенерал!». Генерал, уже изрядно забрызганный кровью взбешённого животного, и охувший от происходящего с ним сейчас «ДиснейЛенда», вообще растерявшись, тоже поприветствовал Джеферсона отдачей ему «чЕСТИ» и ответным армейским слоганом: «Здравияжелаютоварищсолдат...». В отличие от солдата, генерал был в фуражке, и «козырял» правой рукой, ...и, ни ножа, ни сабли, у него, при этом, не было. После приветственного прохождения с оружием, Джеферсон снова пустился ловить свинью по плацу, пытаясь её пырнуть ножом точно в сердце. Мы, все присутствующие при этом, просто стояли и смотрели, стараясь не попасть на пути движения свиньи и вооружённого Джеферсона. Тот уже с ожесточением носился по стопам животного, размахивал длинным ножом и дико матерился. Матерился он отборными терминами и фразами, вспоминая сексуальные меньшинства и их сословия, мужские и женские половые органы и их разнообразные статусы, виды и разновидности, включая большие и маленькие их размеры, иногда вспоминал удовлетворённую неестественным и извращённым половым актом и способом чью-то маму. Всякий раз, когда траектория движения свинаря пролегла мимо напуганного генерала, ковбой переходил на строевой шаг и отдавал ему «Честь», более не заморачиваясь с голосовым приветствием. Генерал, в свою очередь, отвечал Джеферсону взаимностью, и тоже приветствовал отважного бойца отдаванием ему, уже «Своей Чести», и тоже не заморачиваясь голосовым приветствием. И если у Джеферсона, в случае с не продолжением устного приветствия генерала, присутствовала своя логика: «Я уже один раз поздоровался...», то у генерала, в этом же вопросе, просто присутствовала растерянность, и он, всего-навсего, повторял «обряд воинского приветствия» задекларированный солдатом.

Коррида продолжалась от силы минуты две, но казалась вечной и нескончаемой, способной перевернуть мировоззрение о гуманности человечества с ног на голову. Церемония прохождения и взаимного воинского приветствия между Джефесоном и генералом, повторилась раза четыре. Начиная со второго приветственного прохождения Джеферсона, к генералу, в вопросе взаимного воинского приветствия и «козыряния», уже присоединились и все остальные офицеры стоящие вокруг него.

Джеферсон всё же настиг уставшую от такой жизни свинину, и точным ударом тесака в сердце, умертвил тварину. Сцена – зашибись... Мы, как овцы разбрелись по всему плацу. Командование вместе с Алёной Марковной,



стояли посередине плаца, сбившись в кучку испуганных военных, сплотившись вокруг перепуганного и окровавленного генерала. Так как Алёна Марковна считала себя личностью с тонкой душевной организацией и светской дамочкой, то посчитала своим долгом оправдать этот её социальный статус, и например, упасть в обморок или закатить какую-нибудь из разновидностей девичьих истерик. Падать в обморок было уже поздно. Это надо было делать сразу же после того, как на плац вбежала окровавленная свинья. Но тогда, мало вероятно, что кто-то из окружающих, ей бы помог не упасть головой об асфальт, да и пришлось бы подкатывать и закрывать глаза, и она бы пропустила всё самое интересное, а комбата, всё же, надо было как-то спасти от такого конфуза, всеми возможными способами. Потому, у неё медленно «начался» приступ истерического кокетства. Она вцепилась своими маникюрными пальчиками в генеральский китель. Но тот, уже ни-че-го не замечал вокруг себя, и даже великолепную и обольстительную Алёну Марковну, «ищущую» в тот момент покровительства «большого и сильного» человека.

Невдалеке, на плацу, лежала туша мёртвой свиньи с открытыми глазами и пульсирующей из раны кровью. Возле неё, на корточках, сидел победивший Джеферсон. Он пытался вытащить из тела кабана застрявший тесак. Первым очнулся наш комбат. Он идиотской полуулыбкой переглянулся с опешившим генералом и скомандовал построение, а когда мы построились, он приказал «Разойтись» и отправил нас на «Личное время». Джеферсон взял тушку за задние ноги и потащил в своё логово..., оставляя кровавую дорожку позади убиенной еды.

А дело было так. С утра день для Джеферсона не задался. Его оттянул старшина, за то, что Повелитель Фауны, вечно ходил в нечищенных сапогах, так что вся эта коррида, происходила в начищенных, в коем-то веке, до блеска, сапогах. Получив заказ от комбата на убийство Свиньи, Джеферсон не смог найти себе пособника из числа солдат. Все готовились к неожиданному приезду генерала, а животное надо было кому-то придержать «ровно». А время шло, скоро должен был приехать генерал..., и Джеферсон принимает решение об отказе от убийства группой лиц. Он решает убивать в одиночку. Пристроил свинью как мог: где привязал, где подпёр, где поджал. Но свинья всё равно нервничала и шевелилась как хотела. Вот и получилось, что когда Джеферсон прицелился и попытался нанести удар ножом в сердце, свинья сильно дёрнулась, и ковбой промахнулся, но всё же больно ранил кабаниху. Та, от боли и возмущения, завизжала несвинячьим голосом, взбрыкнула так, что разорвав все оковы, и разломав все сдерживающие её приспособления Джеферсона, помчалась куда глаза глядели. Свинье, на фоне той боли и психологической травмы, которые ей причинил своей выходкой Джеферсон, было глубоко похрену, куда глядеть и мчать, но мчала она очень быстро. Сначала, она навернула несколько кругов по территории свинарника, тем самым озадачив своим поведением оставшихся в живых остальных свиней, братиков и сестричек, которые так и не поняли, «что это было?». Потом, пребывая в состоянии эйфории, и поняв, что мир велик, красочен, и

не ограничивается территорией, где весь пол услан сеном и гавном подруг, «вышла в свет», предварительно замарав Джеферсона в собственную кровь. Ну а дальше - вы знаете.

С генералом, у комбата, всё обошлось, через Алёну Марковну. Его накормили, дали выпить водки. За стол в офицерской столовой, его посадили рядом с Алёной Марковной. Она, пару раз, после водки, сдунула с его генеральских погон прилетевшую пылючку, флиртливо поковыряв маникюром, находящиеся на них звёзды, а перед этим, самолично, помогла отмыться ему от свинячьей крови. Генерал подпьянился и снова охрабрел. Ему дали с собой свинячьего мяса, на что он сострил, что скажет жене, что был на охоте. Все провожающие демонстративно просмеялись по три раза с генеральской шутки, обнялись, поцеловались, захлопнули за ним дверь его «Волги» и закрыли ворота части после её выезда. Проверка, окончилась.

Кстати о еде, в продолжение этой темы.

В городскую столовую «Пельменная» вваливаются десять милиционеров. Это пять нарядов, по два человека. Гражданское население, которое уже находится в этой столовке, и духом не понимает, что это не простые милиционеры, а обыкновенные солдаты, т.е. - мальчишки, которых призвали служить в Армию, и которые ещё вчера, с игрушками игрались, и которые ими, ещё не наигрались, и у них, ещё детство в жопе играет пузырьками. Их, так и прёт, на всякие «подвиги» и шалости. Вот и сейчас... Шумноватой ватагой, они подходят к стеллажам с выставленными салатами и всякими другими яствами, и один из них, берёт поднос с двадцатью стаканами сметаны. Ну чё, вполне нормально, каждому по два стакана сметаны. Так подумалось и одобрилось, уже присутствующими в пельменной, гражданскими лицами. Прокомментировалось: «Шо хлопцы, проголодались?», «Давайте ребятки, ешьте на здоровье!», и т.п. И вдруг, нате... Этот поднос, от кассы ставят на стол, и один из этих ментов, начинает в одиночку, стоя, выпивать один за другим, стаканы со сметаной. После пяти выпитых им стаканов, гражданское население начинает удивляться и понимает, что происходит что-то ненормальное. А милиционер усердно продолжает глотать сметану из очередного стакана. Окружившие со всех сторон его однополчане, уже искренне начинают подначивать едака и веселиться от происходящего. Выпито уже с десятков стаканов. Темп употребления, до селе любимого продукта, милиционером-обжорой, снизился до медленного поглоточного вливания в себя через силу, и уже с потёками сметаны по губам и бороде, но ещё пока не по фасаду мундира. Лицо кушающего сметану, уже не такое радостное, каким оно было в начале «проекта». Это было летом. Фуражку он снял, а по его лицу уже струился пот. Он сделал паузу. Достал носовой платок и вытер пот и сметану с лица. Капля ляпнула на китель и брючину. Сметаноеду уже не было дела, ни до кителя, ни до брючины. Ему реально было плохо, а на разносе ещё оставалось семь полных стаканов со сметаной. Этого парня именовали Николаем, но он всегда представлялся Мыколою. Русский он знал и отлично его понимал, но разговаривал на украинском суржике. Он был из какой-то

сельской местности, высокий и с большой круглой головой, весь в веснушках. Он был на полгода младше нас, и теперь прослужил три месяца. Сегодня за обеденным столом в части, перед выездом на службу в город, он во всеуслышание обозвался съест с охотки, «...хоть весь поднос сметаны...!!!». Борщ, который подавался на обед, был без сметаны, а Мыколе, уж очень хотелось, чтобы он был со сметаной, вот и забили пацаны «на спор». Съест или не съест? Сможет или не сможет? Мыколе, с голодухи, показалось, что «легко». Вот теперь он и познавал реальные возможности своего желудка.

Стоя перед семью стаканами полными сметаны, Мыкола, с присущим ему диалектом деревенского украинского суржика, громко, через отрыжку, произнёс: «Всэ..., пыздець, бильш бя не можу..., програв спор..., пыздець!». Он отошёл от стола со сметаной к подоконнику, опёрся о него жопой и стал обтираться носовым платком, как банным полотенцем, от пота, заливающего его от активного питания, тоже. Другие его товарищи, уже с удовольствием, в отличие от него, допили оставшуюся сметану, и все вместе, пошли из пельменной, наверняка оставив после себя, и о себе, массу неожиданных впечатлений, на присутствующих там, и наблюдавших за всем этим, мирных граждан.

После сметаны, Мыкола поковылял на службу. У него была примечательная походка. Как я и говорил, он был достаточно высокого роста. Имел длинные ноги и большой размер обуви. Сорок седьмой! Шаги у него были не длинные, спокойно-размеренные, но стопу сорок седьмого размера, при этом, он выбрасывал наружу, и потому его походочка, была похожа на рахитозное дефилирование мальчика-переростка, чем и привлекала к себе ироничный интерес наблюдателя. Ну, а в этот раз, было всё гораздо интересней. В эту свою палубную походочку, Мыкола влил с дюжину стаканов кисломолочного продукта, который от своего большого количества и присутствия, калорийности и жирности, почти сразу, начал занимать своё достойное место в пищеварительном тракте солдата-милиционера. Походочка изменилась в сторону тяжёловатости, а сметанка начала давать знать о своём присутствии, и усваиваться в организме военного. Сначала Мыколу затошнило, а чуть позже и стошнило. Ему и его старшему уже было не до службы. Они как подорванные метались по своему маршруту патрулирования в поисках закоулка для порыгать и для просрать. У мента крутило живота не по-детски, а ходить патрулировать, всё же было надо. Он, то и дело скрючивался от животной рези, приседал и пригибался держась за живот, матерился, и по его щекам, иногда, протекали слёзы сметанной сытости. В тот день, который Мыкола наверняка отметил в своей биографии как «Особенный», его попустило только к концу службы, и то не до конца. На ужин он пошёл, потому что не пойти не мог, но кушать ничего не стал. Стебались над ним все кому не лень, но это его уже не смущало. Среди ночи он сбегал окончательно, и уже с облегчением заснул. На завтраке Мыкола выпил только чай.

Подобных историй было много. Мы выдумывали себе развлечения и веселились, как хотели, и на что, у нас, только, хватало фантазии, и возможностей. Так веселиться, как я смеялся в Армии, у меня больше никогда, и нигде, не получалось. Правду говорят, что тот, кто служил в советской армии – в цирке не смеётся.

### Гренадёры

- Сколько булочек «по 9 копеек», можно вместить под одеждой солдата-патрульного нашего батальона?

- Девяносто! Ну разумеется в холодное время года, когда солдат одет в китель, в пальто-шинель или в тулуп. Когда есть куда или под что их прятать.

- Как?

- Заходите на точку, где выпекают эти булочки. Подаёте заявку, фразой: «Как тут у вас дела с общественным порядком? А булочки есть?». И вам выносят пару деревянных лотков, на которых уложено приблизительно 90 горячих, только что из печи, «булочек по 9 копеек». Они очень легко сплющиваются в таком тёплом и свежем состоянии, до формы блинчика. Теперь ваша задача – сплющить эти блинчики спереди и сзади под верхнюю одежду вашего подчинённого патрульного. Булки засовывают в подпоясанную шинель или тулуп, пластами 5 на 4 булочки. Таких пластов, всего четыре, и десять булочек отдельно. Два пласта спереди – на животе, два сзади – на спине, ближе к пояснице, ну и по пять булочек по бокам – под руками. Всё это застёгивается и заправляется. Видок конечно ещё тот, но если носителя булочек поставить вовнутрь строя, то такой солдат, не очень-то и отличается от других, «безбулочных». А так и делалось. Зато весь батальон на ужине, смаковал «булочки по 9 копеек», с чаем, халвой и вареньем, сливочным маслом и сгущёнкой. Когда булки доставались из солдата-переносчика, они выпрямлялись и приобретали свои первоначальные формы и размеры, и даже были ещё тёплыми. Эти булочки иногда были с изюмом, или посыпаны маком.

Служить нам уже нравилось. Нравилось ходить по городу и приносить пользу обществу. Мы чувствовали себя ответственными, и эта служба была нашим первым познанием власти. Эту власть нам давало государство. Некоторые из нас, этой властью злоупотребляли. Некоторые её не понимали и не принимали в меру своей пацифичности, но это были единицы. Я властью не злоупотреблял, а применял её во благо служебных интересов. Но это, то, что касается конкретно ППС (патрульно-постовой службы). А во всём остальном - мы были ещё простой пацанвой. Озорной, голодной и шухерной. Комбат так и говорил, когда на построении перед выездом батальона в город на службу, отдавал приказ:

«Приказываю: Заступить на службу по охране общественного порядка в городе Днепропетровске. Во время несения службы быть бдительными. При общении с гражданами проявлять вежливость...», и так далее. А потом, уже в свободном стиле изложения своих мыслей и пожеланий, говорил нечто

подобное: «От вас, бл..., город надо спасать и защищать, а мы вас посылаем его охранять! Вы – зэцюра в милицейской форме, ...гренадёры с мелко уголовными наклонностями. Шагом марш на службу...!...!...!».

И отчасти он был прав. Мы выходили в город, как аборигены Республики Шкид, ну разве что не улюлюкали и не бросались на прохожих. Мы чувствовали себя хозяевами этих улиц, площадей и переулков, подъездов и подворотен, перекрёстков и чердаков, потому что знали их досконально. Я потом, после Армии, часто упоминал в разговоре про мою службу то, что тот город, географически, я знал лучше, чем свой Родной Донецк. Наша переодетость в милицейскую одежду, стимулировала адекватность нашего поведения, и придавала нам статуса приличности и солидности в глазах граждан, жителей этого города. Но а мы, всякий раз, подмечали предметы, которые «неправильно лежали», в этом городе. Мы знали все улицы, дворы и проспекты, входы и выходы в этом Большом Городе. Когда день становился тёмным вечером, и время службы приближалось к своему завершению, мы, начинали, ...«шастать». Солдаты-милиционеры шастали везде, начиная от небрежно не замкнутых парадных, и заканчивая усердно запертых сараев и погребов-кладовок. Для плодотворного и безопасного шастанья, у нас были электрические карманные фонарики, имеющиеся у нас на вооружении по долгу службы, и, одетая на нас, настоящая форма Советского Милиционера. Первый атрибут помогал нам всматриваться в городскую ночь вооружённым глазом, а второй – создавал алиби и видимость официоза нашим шастаньям, и в случае шухера, был почти надёжным прикрытием и оправданием нашей «второй жизни».

По долгу службы, мы осматривали тёмные дворы, предупреждая тем самым, проявление всякой преступности. Своим видом и присутствием, мы демонстрировали готовность и способность государства, защитить общественный порядок и гражданский покой своего населения. И вера граждан, жителей этого города, в эту доктрину, позволяла нам, немножко обкрадывать этот электорат. Мы добирали то, чего нам не добавало то самое государство, которое отправляло нас, защищать его интересы в этом городе. Если мы были голодны, то мы шли и брали еду в его ресторанах и кафе, за его счёт. Если нам не доставало предметов личной гигиены, то мы шли в универмаг и брали с полок самообслуживания те самые предметы, которые скрытно засовывали в карманы форменных брюк или под полу шинелей, оплатив на кассе какую-нибудь мелочь. Если нам нужны были полотенца, носки, наволочки на подушки или белые простыни для подшивки воротничков на хэбэшки, всё это мы снимали с бельевых верёвок ночью во дворах жилых кварталов староЭтажек того города. Если нам надо было позвонить по межгороду домой, то мы заходили на проходную фабрики или какого-нибудь института, и убедив дедушку или бабушку в служебной надобности телефонной связи, разговаривали с Донецком, Ворошиловградом, Киевом или Луцком, за счёт, всё того же, «экономного государства».

В Днепропетровске, в те годы моей Армии, было достаточно много дворов, в которых подвалы, для хранения домашней консервации и всякой другой домашней утвари, были выстроены и находились отдельно от основного строения дома, где проживали сами хозяева этих подвалов. Это были старые довоенные или послевоенные постройки, как правило, двух-, или трёхэтажные дома с деревянными полами и такими же межэтажными лестницами. Во дворе, напротив такого дома-барака, выстроено длинное сооружение с множеством дверей по количеству квартир в основном доме. Каждая такая дверь, если её открыть, по ступенькам, вела в погребок. Иногда, конструкция такого погребного сооружения, имела в себе одну, общую входную дверь, за которой была лестница ведущую вниз, под землю. Это сооружение представляет собой холм, высотой два-три метра, с радиусом метра четыре, и та самая входная дверь. Там внизу, коридор, вдоль которого, по левую и по правую стороны, располагаются двери в погреба, закреплённые за каждой квартирой. Двери в погребки закрыты навесными замками. Для нас, лучше, когда конструкция подвального сооружения, именно такого вида. Общая входная дверь, как правило, не закрыта на замок, и войдя в подвальный коридор, остаёшься незамеченным в своих шалостях, а вход один-единственный и контролируется твоим сослуживцем-подельником. Пока он бдит «на шухере» у входа в подвальный склад, главное правильно определить хлебосольный подвальчик. В этом вопросе, интуиция – это неглавное качество. В этом вопросе, главное – это жизненный опыт. Если владелец подвала «домовитый» и «хозяйственный», то и дверь с замком должна быть «статусной». Если дверь ухожена и с надёжным замком, ломай смело, не прогадаешь. Там найдёшь не просто солёные огурчики, как в закромах одинокой бабушки-пенсионерки, подвальчик которой, кстати, находился под «табу на обнесение», а и салцэ с прорезью, и мясные консервы со сгущёнкой, и арбузик в декабре, и яблочки с грушками, и рыбку-тараночку. Да и на много чего повкусней, можно нарваться в таком зажиточном подвальчике.

Сначала разведка: «Где? Как зайти, как выйти? Освещение? Замок?». Потом подыскиваешь ломяку или монтировку, и ждёшь темноты, отбоя жильцов такого дома. И когда стемнело по-ночному, а хозяева улеглись пить телевизорный чай с конфетным печеньем, надеваешь перчатки и заходишь в подвал. Срываешь ломякой навесной замок, заходишь в закрома и определяешь, чем будешь живиться. Пару бутыльков с огурчиками-помидорчиками, листок сала, варенье, фрукты. Раскладываешь по авоськам и выходишь на поверхность убедиться, что путь открыт и жильцы спокойно смотрят домашний телевизор. Убедившись, хватаешь «заготовку» и на вынос. Недалеко в кусты под забор всё это кладёшь и вызываешь патрульную машину. Ждёшь пять-десять минут, и твой взвод сегодня за ужином, с домашней консервацией.

Бывали случаи, когда хозяин погреба, тёмным вечером, вдруг, шёл за своими картофельными припасами, ...а НАШИ там, в ЕГО подвале, ...«озорничают», ну т.е. - шастают. Тогда инсценируется ситуация, когда:

«...Мы тут ходили, патрулировали, проверяли, смотрим дверь открыта, заглянули, зашли, и вдруг видим, а сарай открыт, и... Наверное это...», ну и так далее. Сочувственно сопереживаем, ругаем воришек, предлагаем и даже настаиваем на вызове опергруппы милиции, ну потому, что это преступление, а с преступностью надо бороться, а это - покушение на кражу. И он уже свято верит в то, что НАШИ здесь ни причём и желают расследования. А он понимает, что это лишняя геморрой. И если вдруг, гражданин всё же соглашается под натиском уговоров, то ему сразу же в ненавязчивой форме обрисовывается перспектива развития событий на ближайшие пять-шесть часов, а именно: нескорый приезд милиции; составление протокола осмотра; процедура снятия дактилоскопического материала; допросы и опросы потерпевших и свидетелей; поездка в райотдел милиции. И всё это, в ночь перед очередным трудовым днём. И «потерпевший» уже ничего не хочет, он уже просит патруль не сообщать в службу «02» о случившемся, а в знак благодарности за не сообщение, он готов благодарить своих «спасителей» баночкой-другой варенья, или рыбкой-тараночкой. Посоветовавшись на месте, НАШИ, исключительно из человеческих соображений, идут на встречу гражданину и «должностное преступление», и соглашаются: ...и на варенье, ...и на рыбку. А когда ОН узнавал, что НАШИ – это солдаты срочной службы, то «отступной паёк» увеличивался и в размере и в своём качестве. Получалось что – пока мы служили в Армии – мы: «...и рыбку ели, и ...». Цирк, да и только!

Однажды летом мы ехали на службу в город, как всегда в кузове нашего военного ЗИЛка. У одного из нас был водяной пистолет – детская игрушка. Он был предусмотрительно заправлен водой, и к нему в запас была взята бутылка с запасной водой. Теперь ему надо было найти достойное применение. Помните: «Если на стене висит ружьё...»? Решение было найдено быстро, и совместно-всеобщими миркуваниями. Из него, надо было кого-нибудь облить из кузова грузовика, который быстро уедет с «места преступления», и его не догонишь, а претензий – не предъявишь. В подобных случаях, мы всегда забывали или просто игнорировали то, что на нас была одета милицейская форма, потому что мы, фактически, были ещё детьми, и нам хотелось шалить. Стрелком выбрали самого «привлекательного», из нас, солдата. «Привлекательность» его заключалась в том, что он был очень худенький, но был переодет в настоящего милиционера. Ножки у него были худенькие. Ручки у него были худенькие. Шейка у него была длинненькая и тоже – худенькая. И главной его «привлекательностью», было то, что он был молодым солдатом, и только недавно переведен из учебки в патрульный взвод, а значит – выполнит всё, что ему будет поручено «старшими». Звали его Алёша Чекулаев. Его извлекли из глубины кузова, оттуда, где и положено было сидеть салагам в жарко-тёплое время года. Усадили на лавку, которая стояла вдоль кузова посередине, под самый задний борт. С него сняли галстук, расстегнули пуговицы рубашки до самого пупка, и по локоть закатали её рукава, как у фашистов на кадрах из военной кинохроники. Его фуражку, которая была ему по размеру его головы, заменили на самую

большую, которую «взяли напрокат» у Мыколы – у того, который ел сметану. Размер фуражки Мыколы, был 59-й, а у Алёши Чекулаева 53-й. Когда Алёше надели фуражку Мыколы, то ушей, под ней, не было видно вообще, а сама фуражка, болталась на темечке, как на тоненьком столбике. От такого переодевания, даже Алёша повеселел и заулыбался, хотя до этого, ему не понравилось то, что его выбрали играть роль «стрелка». Чтобы фуражка не болталась на голове Алёши и не спадала ему на глаза, её зафиксировали с помощью тренчика на его подбородке. Дальше – Алёше было приказано закатать штанины брюк выше колен, и сидя жопой на лавке, перебросить обе ноги за борт кузова грузовика, что он, уже с шаловливой радостью и лыбей на все тридцать два, и сделал. Ножки у Алёши были худенькие, но размер его стопы, был просто огромен, сорок пятым, и как-то не очень, пропорционально, соответствовал им. Лёше вручили заправленный водяной пистолет, жёлтого цвета, и утвердили несколько сценариев его применения. Все сценарии, Алексею понравились, и он с воодушевлением, стал ожидать возможности их воплощения в жизнь.

Грузовик ехал по улицам Большого Города, а в его закромах, сидели с три десятка «хулиганов», облачённых в настоящую милицейскую форму. Мы ехали на службу. Мы ехали охранять покой его граждан и обеспечивать порядок на его улицах и площадях. Мы его любили и боялись, охраняли и грабили, защищали и баловались. Водители и пассажиры едущих сзади нашего грузовика автомобилей, наблюдали необычную, но смешную и весёлую картинку. В кузове полным-полно ментов, а один из них, самый «привлекательный», в милицейской фуражке, явно не своего размера, подпоясанный тренчиком на подбородке, свесив через борт худые белоснежно-синие волосатые ноги в огромных ботинках, с расстёгнутой до пупа рубахой, с дымящимся окурком в зубах, и с жёлтым детским пистолетом, что-то им жестикулирует, и отправляет струйки воды, в их лобовые стёкла, но при этом, добродушно улыбается. Водители, сначала удивившись, потом с пониманием принимали эту солдатскую комедию, и одобрительно демонстрировали своё восхищение нашей озорной беззаботностью и безбашенностью.

На очередном светофоре наш грузовик остановился на красный свет. Чекулаев, который уже вошёл в раж, и подзадориваемый «старшими», под наш солдатский ржачь, как охотник выискивал новые сюжеты применения водяного оружия. Сюжет всплыл неожиданно для всех. Три студентки, которые не успевали перейти на другую сторону улицы по зебре пешеходного перехода, надумали переходить её проезжую часть, сзади нашего грузовика, под бортом, где свесив ноги, сидел Алёша Чекулаев. Целеустремлённые взгляды девушек-студенток, приготовившихся перебежать дорогу не по правилам, были обращены в левую сторону от нашего грузовика, и естественно, не могли видеть Алёшу, так как он, находился выше уровня их взглядов и справа от них, потому девушки, оказались чудесным и неожиданным подарком для него и его шуточки. Ступив своими каблучковыми туфельками через бордюр на проезжий асфальт, и



остановившись под задним бортом нашего грузовика, они оказались прямо под Чекулаевым. Шум городской дороги, не позволил ушкам девушек-студенток, распознать гомон солдатского веселья в кузове нашей машины, и потому – они совсем не были готовы к тому, что сверху, на них, обрушится резкий и гаркающий возглас милиционера: «КУ-ДА-НЕ-ПО-ПЕРЕХОДУ!!!».

Заверещав и присев к земле от испуга резкого возгласа, взорвавшегося вдруг у них над головами, девушки инстинктивно повернулись в сторону, откуда прозвучал громкий голос, и тут же получили по струе воды из пистолета себе в лица.

В след за этой выходкой, Алёша, зачем-то, громко крикнул им, в мокрые от воды, и перепуганные лица: «Я – Чекулаев!!! Руки вверх!!!». Одна из девушек резко отпустила свою сумку на асфальт, и, промаргивая перепуганными глазами растекающуюся от воды тушь, быстро подняла обе руки вверх, выполняя команду милиционера. Две другие девушки, увидев полный кузов людей в милицейской форме, и реакцию своей подруги, тоже бросили свои сумки и подняли руки вверх. Растерявшись от такого неожиданного поведения девушек, и возможно от того, что такой сценарий не был согласован со «старшими», а при таком-то обороте ситуации, его выходку они могли не одобрить и применить к нему телесные воздействия, Чекулаев стушевался и приветливо-официально проскороговорил: «Добрыйвечердевушки опуститеруки ябольшенебуду...». Наш кузовик заскрежетал коробкой передач, медленно, но динамично, стал набирать ход, и удаляться от замерших на месте, и оху\*вших от только что увиденного и прочувствованного, девушек. Пока Чекулаев дебютировал на светофоре перед девушками-студентками с водяным пистолетом, весь кузов, от неожиданности и стремительно развивающегося «Алёшиного сценария», заткнулся, и молча, наблюдал за происходящим, а когда машина отъехала метров пятьдесят с «места преступления», то мы разразились таким диким хохотом, что идущие по тротуарам граждане-пешеходы, оборачивались, и ещё долгими взглядами провожали наш милицейский грузовичок-балаган. Нам было видно, как от нас удаляются три силуэта девчонок, возможно, наших ровесниц, которые уже, начинали приходить в себя, и у каждого из нас, наверное, были скомканные чувства, из-за произошедшего на светофоре солдатского озорства. Но я, потом, чувствовал себя виноватым, за то, что заржал вместе со всеми, но в тот момент, это – действительно было очень смешно.

### Бутлегеры

Если кто помнит, то в середине 80-х годов, тогдашним начальником Советского Союза, Мишей Горбачёвым, в простонародье именуемом, как «Горбатый», или – «Меченный», было определено бороться с повсеместным пьянством, от которого, по его мнению: «...распадалось и разлагалось общество трудящихся строителей Коммунизма...», и вся страна – в целом. Причиной повсеместного пьянства и «полураспада», был алкоголь. В те

годы, количество производимого алкоголя в стране, было просто огромно-катастрофическим и бюджето-формирующим, после нефтегазовых отраслей. В Советском Союзе бюджет формировался с продажи нефти, газа и водки. Из земли высасывали нефть и газ, а в свободное от высасывания халявных природных ресурсов, советский народ пил алкоголь. Пили все, всё и везде, где только можно было поставить бутылку, стаканы и разложить закуску. А иногда, – и БЕЗ закуски. А иногда, – и БЕЗ стаканов. А иногда, – и без «поставить бутылку». Бутылки с водками, винами и коньяками, были реальной и желательной валютой, почитаемой большинством населения нашей страны – «трудящимися массами». Кроме того, что само по себе, это жидкостное упойло, представляло материальную ценность – какую-никакую денежную стоимость, к этому, ещё, приплюсовывалась трудность и ограниченность его доставания. Пойло было в частично-стабильном дефиците. Ещё в техникуме я узнал, понял, и самолично проверил, действенность «водочно-бутылочной валюты». За бутылку или две, из архива можно было получить готовую курсовую или расчётную работу от преподавателя-мужчины-пьющего, ...да и от непьющего тоже, ...да и от преподавателя-женщины, ...тоже. Вот и теперь, в Армии, я столкнулся с важностью, нужностью и востребованностью спиртных напитков в обществе, стремящемся к Коммунизму.

Алкогольные магазины или отделы, в тот период борьбы с пьянством, начинали работать с одиннадцати часов. Не так, как это было раньше. Раньше, они начинали торговать спиртным с восьми - с момента открытия магазина. Когда начиналась продажа алкоголя, то возле винно-водочных отделов уже была выстроена километровая очередь. Люди записывались в очередь с утра, потом шли на работу работать, а после одиннадцати - бежали контролировать свою занятую очередь за пойлом. Мы иногда принимали участие в приобретении бутылок водки, вина или коньяка, без очереди. Если на маршруте патрулирования был ликёроводочный магазин, то из него, очередь за пьяным товаром, выходила даже на улицу и длилась вдоль пешеходного тротуара, прижавшись плечом к стене того дома, в котором располагался и сам магазин. Мы просто останавливались неподалёку, на углу дома или возле перекрёстка, так, чтобы наше присутствие было хорошо видно толпе жаждущей алкогольного опьянения, и ждали. Ждали, когда к нам подойдёт какой-нибудь предприимчивый, сообразительный и состоятельный покупатель, желающий приобрести вина или водки, без очереди. Такой ухарь обязательно находился. Он просил нас купить для него несколько бутылок алкоголя, за что он, давал нам денег в два раза больше, чем стоил заказанный им алкоголь. Мы брали деньги и шли в магазин с обратной стороны, или пропихивались через толпу людей в торговом зале и проходили в подсобные помещения магазина. Очередь, нас, почему-то, пропускала беспрепятственно. Там мы подходили к тому, кто мог решить наш вопрос с приобретением дефицитного товара «без очереди». Нам всегда с уважением оказывали содействие в этом вопросе. Мы рассчитывались, оставляя себе половину тех денег, которые нам давал хитрожопый, и

неприметно для толпы, выносили несколько бутылок, которые и передавали ему за углом от очереди. Мы зарабатывали себе на карманные расходы, а человек получал без очереди алкоголь, и он и мы – были довольны.

Были в нашем батальоне, два дружка – пареньки из одного призыва, старше нашего на год. Их называли Чук и Гек. Чук – Бойчук, Гек – Гейко. Они были из одного города, держались с самого начала их службы в Армии вместе, вот и получили дополнительные имена, производные от своих фамилий. Они оказались хитрожопее хитрожопых граждан, желающих купить алкоголь без очереди. На алкогольно-бутылочный маршрут они выходили подготовленными. Заблаговременно, они собирали пустую тару из-под водки или коньяка. Пустая бутылка должна была быть с водочной или коньячной этикеткой и иметь товарный вид. Будучи на службе, в дни, предшествующие выходу на маршрут с винно-водочным магазином, эти ребята шастали по закоулкам школьных и детсадовских павильонов. Там они, подметив мужичков-пьяниц, собирающихся распивать спиртные напитки «в общественных местах», после того, как последние, только усаживались ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ, и ещё не успевали ОТКУПОРИТЬ, внезапно появлялись и проводили профилактическую беседу «с населением», результатом которой, становилось то, что они, получали пустую, целую и аккуратную тару из-под двух-трёх бутылок водки, или одну из-под коньяка, и осторожно снятые с них, «бескозырочки».

**Справка:** «Бескозырочки» - это такие алюминиевые крышечки, которыми закупоривались бутылочки с водочкой или с коньячком, для рядового потребителя. Для НЕрядового потребителя, бутылочки закупоривались крышечкам откручивающимися. Так как стоимость одного и того же объёма алкогольного напитка, реализуемого внутри страны, была строго зафиксирована Государством, а производство всего алкоголя было его монополией, то наверное, экономически, было нецелесообразно упаковывать «водяру для народа» в удобную для открывания тару. Производство бутылки с резьбой, и крышки к ней, стоило дороже, чем бутылки «под бескозырочку». Бутылочку с закручивающейся крышечкой, можно было не допить, культурно закрутить и оставить в холодильнике «на потом», чего нельзя было сделать, культурно, с бутылочкой-бескозырочкой «для народа». У «Правящей Элиты» той страны, наверное, была такая логика: «Если ты – рядовой гражданин, то тебе нехер выёбываться и оставлять напиток «на потом». Человек пьющий и советский, должен был допивать водяру «до дна». Конечно же, рядовой гражданин не всегда полностью опустошал бутылку, но тогда, он должен был её чем-то затыкать, а для этого, у населения, имелись припасённые пробочки, которые оно собирало, и хранило, от опустошённых бутылок из-под вина, которые купорились пластиковыми или пробковыми пробками, а это – было неэстетично. Удобство существовало для отдельных слоёв населения – для тех, кто являл собой «Культурные прослойки». Партийцы,

руководители крупных предприятий, министерская номенклатура, ну и примыкающая к ним прочая торгово-барыжная публика. Иногда, в гастрономы для народа, тоже завозили водку с закрутками. Было престижно риснуться в накрытом застолье бутылкой водки с закруткой, да ещё и с длинным горлышком и из прозрачного стекла. Вы спросите: «А из какого стекла ещё могла быть сделана бутылка для водки?». Отвечаю: «Из зелёного или коричневого!!!». Такая бутылка водки называлась «Буратино», потому что в какой-то период развитого социализма, водку стали разливать в бутылки, в которые обычно разливали сладкие газированные напитки: «Ситро», «Лимонад», «Дюшес», ...«Буратино». С чем была связана такая перемена я не знаю, но людская смекалка быстренько обозвала «водяру для народа», колким названием «Буратино», как бы акцентируя таким названием, и демонстрируя правительству страны, своё ироничное понимание того, что, до какой же степени надо было не любить свой народ, со стороны того самого правительства, и считать его скотом, чтобы позволить так «дёшево», его спаивать.

И так – возвращаемся к «бескозырочке». На самом деле, «козырёк» там был. Это был лепесток, за который надо было потянуть вверх и в сторону, и тоненькая алюминиевая крышечка, должна была разорваться, а бутылка открыться и организовать пьющим, доступ к желанному алкоголю. Но зачастую лепесток отрывался, не выполнив свою функцию, и тогда, жаждущий поила народ, находившийся вокруг бутылки, нервничал, а пробку надо было открывать уже при помощи ножа или какой-нибудь другой остроты. А это – уже совсем другой процесс, чем на который, рассчитывали собравшиеся для употребления люди, когда вертели-крутили бутылку при покупке её в магазине. Крышечку, конечно же, в итоге срывали, но при этом, как говорится: «...неприятный осадочек оставался...». Пауза, которая теперь требовалась для открытия бутылки уже с помощью какого-то другого режущего инструмента, почти всегда сопровождалась изысканным «восхвалением» Партии и Правительства, Их Лидеров, и Всего Советского Союза. Вот потому-то, в народе, и назвали такую крышечку «бескозыркой», на манер названия головного убора, который носят моряки.

«Уговорив» нарушителей общественного порядка аккуратно разогнуть «бескозырочки», так, чтобы лепесточки оставались на месте, а крышечкой снова можно было бы закупорить бутылку, Чук и Гек, уходили продолжать патрулировать свой маршрут, пообещав не привлекать употребляющих к ответственности, в обмен на оставление последними, уже пустой тары, где-нибудь рядом, в укромном месте, откуда потом, её, забрали бы блюстители порядка, самовывозом. На удивлённый вопрос временно-задержанных употребляющих: «А зачем вам это надо, ребята?...», - ребята на полном серьёзе объясняли жаждущим выпить, как из крышечек-бескозырочек, они станут делать уменьшенную копию-макет «Марсохода», а не оторванные лепесточки, нужны для скрепления между собой крышечек в одну цельную

плоскость, имитирующую космическую солнечную батарею, питающую «Марсоход». После такого пояснения, мужчины-пьяницы понимающе одобряли благие намерения солдат-милиционеров. Касательно самих бутылок, вопрос не задавался. Наверное потому, что бутылку можно было сдать в пункт приёма стеклотары, а на эти деньги, купить пару порций мороженого. Вряд ли мужчины-пьяницы думали про то, что милиционеры станут носиться с пустыми бутылками из-под водки, для того, чтобы их сдать и получить сорок копеек на покупку мороженого, но вопрос не задавался, а на это, и был расчёт Чука и Гека.

Бутылки и крышки бережно прятались на чердаках или в подвалах многоквартирных домов. Там полно мест, где можно было спрятать этот неприметный, да и не стоящий почти ничего, скарб. В следующий раз, наши парни покупали бутылку водки, с точно такой же этикеткой, как и на тех, которые были спрятаны, и разливали её пополам в те две пустые, разбавляли водой из крана и закупоривали. Нарвавшись на предложение от хитрожопого покупателя, помочь ему приобрести без очереди пару бутылок водки, наши парни, у него на глазах, имитировали посещение водочного магазина, откуда выходили с товаром, и впаривали ему 20-ти-процентковый напиток. Экономическая выгода – на лицо. Они зарабатывали не только на двойной цене за услугу «без очереди», но и «сбережении здоровья» выпивающего. Возможно, и наверняка, жертва обнаруживала что-то не то в крепком напитке, но жаловаться, было некому, не на что, и некуда. Потерпевший свято верил в то, что это на заводе, чего-то недолили, но кассового чека у него не было. Ну, а если бы даже и был, то вряд ли бы он, стал выяснять истину и загадку водки, которая его не совсем «брала».

Крышечки и бутылочки, они, конечно же, могли взять и на самих заводах, где разливали водку, мы туда могли заходить и попросить, но это было бы паливом. Их могли бы взять за жопу и раскусить. А так - к кому претензии? Поставщики тары и бескозырочек всегда разные, покупатели тоже. Пожаловаться или написать заявление в милицию «на милицию», в то время, да при тех-то обстоятельствах, да «без очереди» – способен был только истинный долбоёб. А люди желающие приобретать товар «без очереди», таковыми явно не являлись. Склад ума у них, был не тот, который способен был сам себе организовать проблемы из-за десятки рублей.

Этой «схемой» - отоваривать хитрожопых «внеочередной водкой», Чук и Гек промышляли почти целый год, до самого своего дембеля, с того момента, как стали «черепами» и получили определённые вольности, которыми уже могли располагать солдаты второго года службы. Почти в самом конце срока их службы, они охренели окончательно, и в бутылки стали наливать простой воды. Правда однажды, ребята нарвались на офицера КГБ, который в тот день, когда ему понадобился алкоголь, не имел при себе своего КаГЭБэшного удостоверения, по которому он, беспрепятственно, мог бы и сам взять «без очереди» водки. Чука и Гека спасло лишь то, что этот офицер, тоже служил срочную службу в этом же батальоне милиции в качестве солдата, но многими годами раньше. Когда он приехал к нашему

комбату «с разборкой», то сделал это исключительно, и с целью, – ещё раз, посмотреть на предприимчивых солдат-патрулей, но уже со своей стороны, потролить их. В итоге, он разыграл вместе с нашим комбатом целый спектакль, смыслом которого, было – напугать пацанов «до всирачки», а заодно, и провести с ними воспитательно-профилактическую работу. Чука и Гека вызвали в кабинет к Фюреру. Там они увидели и вспомнили своего «клиента», которого на днях отоварили «без очереди».

Да, забыл пояснить, что нашего комбата, мы называли «Фюрером», потому что его жестикуляции руками и ногами, походка, и манера орать в минуты гнева, передвигаясь перед построенным на плацу личным составом нашего батальона, очень уж походили на повадки Адольфа Гитлера, из чёрно-белых документальных кинолент тех лет, когда Гитлер, для всего Мира, уже стал «Гитлером».

Под угрозой применения к военным бутлегерам-милиционерам наказания в виде отправки в дисбат, и это-то за две недели до их дембеля, они оба исповедались во всех своих «грехах», а когда схема «торговли водкой без очереди», была полностью разоблачена, солдат-предпринимателей, с юмором и иронией, но по-отцовски, пожурили и отпустили с Богом. Когда ребятки вышли из кабинет комбата, то напрямую направились к туалету, расположенному во дворе нашей части рядом с плацем. Усевшись над чёрной дырой, ведущей в бездонный портал космоса военных фекалий, и молча закулив по нервной сигарете, они качественно и самозабвенно, как по команде, солидарно, и дружно, просрались, высрав из себя, и из своих мозгов, всю молодецкую дурь и удаль, накопившуюся за время их активной предпринимательской деятельности, чем оправдали старания и надежды ГэБэшного офицера. Находящиеся в тот момент возле туалета их сослуживцы, знающие о том, что Чука и Гека вызывал к себе комбат, стали расспрашивать о причине их вызова в штабной корпус. Некоторое время, приходя в себя, они ещё молчали, но одну за другой шмалили сигареты. Когда они вернулись в жизненную реальность, а к ним снова вернулся дар речи и они явно насытились сигаретным дымом, обманув реакцию своих организмов и мозгов на кислородное голодание, ребята рассказали о случившемся. Слушатели восторжённо комментировали их историю и поздравляли с успешным её исходом.

Ни Чука, ни Гека, комбат наказывать не стал, наверное, по просьбе ГэБэшника, но при всяком возможном случае, на общем построении батальона, с радостью и оживлением подъёбывал их и троллил на эту тему. Те, только, смущённо, но с благодарностью, по-идиотски, улыбались, имитируя искреннее раскаяние в содеянном гешефте.

### Зрячие

Почти всегда, когда люди что-то празднуют, они выпивают алкоголь, а потом начинают веселиться. Когда происходит свадьба, то на ней, люди обязательно танцуют. Когда у подростков начинается буйство гормонов, они

тоже танцуют. Танцы – это давняя традиция человеческого общества. Из исторического телевизора мы знаем, что наши доисторические предки, чуть шо – сразу начинали танцевать. Убили мамонта – танцуют. Победили врага – танцуют. Наступило лето – танцуют. Возшла Новая Луна – танцуют. Пошли в гости к соседнему племени – танцуют. Кстати говоря, в Армии, тоже танцуют, даже – пляшут. Были, да и сейчас есть, такие специальные военные ансамбли «Песни и плясок имени ...». Особенно, таких пляшуще-поющих вояк, много развилось на России. Но сейчас не об этом.

Однажды, я попал на маршрут патрулирования, на котором находился «Дворец Культуры». Обычный «ДК». Их так называли, и называют, по сей день. Его особенность заключалась в том, что он принадлежал какой-то фабрике или заводу, на котором, в основном, работали глухонемые люди.

Когда в первый раз я зашёл в «ДК глухонемых», там была обыкновенная дискотека. Танцевальная музыка, цветные мигающие прожектора, парни и девушки – вытапывающиеся по центру зала, в котором проходит танцевальный шабаш. Я тогда был ещё молодым солдатом и не знал, что это ДК, где собираются глухонемые. Мы с моим начальником патруля зашли на эту дискотеку и остановились неподалёку от входа внутри танцевального зала. Играла какая-то музыка из БониЭма, цветные мигающие сумерки, посередине танцующие люди. Песенная музыка заканчивается, звучат последние аккорды хита,, и вдруг я понимаю, что в этом сообществе любителей потанцевать, происходит что-то очень странное. Музыка кончилась совсем, ну, вот совсем – она затихла, а танцующие люди, ещё несколько секунд, продолжают совершать танцевальные движения. И так явно это бросилось мне в глаза, а особенно, когда зазвучали звуки уже новой танцевальной мелодии, и эти же люди, но с такой же, несколько секундной, задержкой, снова принялись танцевать, что я неожиданно для себя, засмеялся, и обратил на это, внимание моего начальника.

- Не смейся, они глухонемые, – бросив на меня быстрый взгляд, коротко ответил старший, перекрикивая громко звучащую музыку.

- Как это? – меня удивило.

- Это ДК глухонемых. Они здесь все собираются.

- А как же они танцуют, если музыки не слышат?

- Вот так и танцуют, как ты видишь. Они чувствуют вибрацию пола, ну и на фонари обращают внимание, и друг на друга. Среди них есть и такие, которые чуть-чуть слышат. Если лампочки цветомузыки мигают, значит – музыка играет и можно танцевать. Потому они не сразу начинают и заканчивают танцевать. Они же тоже хотят полноценно жить, знакомиться и размножаться, – знающе объяснил мне опытный солдат.

Я стал присматриваться, и действительно, было понятно, что танцующие люди не слышат музыки. Это выражалось в их, иногда, неадекватных танцевальных движениях и жестах, не согласующихся с мелодией.

- Самое прикольное в том, что чуваки диск-жокеи, они, не глухонемые. И..., грех говорить конечно, но приколисты ещё те. Набухаются перед дискотекой и чудят без баяна.

- Как это? – спросил я.

- Ну, как...!?! Приведут с собой человек десять знакомых, включают медленный танец, а сами начинают под него танцевать, как будто бы он быстрый. Толпа глухонемых, естественно, подражая им, тоже подхватывает быстрый танец, и в пляс, а эти потом сваливают в сторону по-тихому. Пока глухонемые раздуплятся, что танец небыстрый – стоят и ржут с этого зрелища. А один раз, наши рассказывали, вообще – взяли и включили похоронный марш и быстро мигающие фонари. Говорили, что чуть животы от смеха не порвали. А глухонемые видят, что вокруг все смеются и радуются, и давай ещё пуще отжигать. Правда, тогда, говорят, что большой скандал был, из-за этого случая. Кто-то из сочувствующих доложил руководству ДК. Диск-жokeев выгнали, а дискотек не было полгода. Потом их простили, в виду того, что им не нашлось достойной замены, и танцевальные вечера, снова возобновились.

**Справка:** «диск-жокей» – так, в те времена, называли ведущего танцевального мероприятия (дискотеки). Сейчас их называют ДиДжеи (DJ).

**Справка:** «чувак» – это крутой парень, «чувиха» – это крутая девушка. Так, в те годы, мы называла друг друга. Это было типа прикольно и модно, с намёком на заграничный пацифизм. Джинсы или другая модная или стильная одежда, выделяла их из основной серой массы советского народа. Потом я узнал, что эти слова родились и появились во времена, и в сообществе, «Стиляг», и употреблялись ими, в их повседневном лексиконе, отличном от лексикона других, «нормальных», людей-комсомольцев и людей-трудящихся.

Кроме танцевальных вечеров, глухонемые, в ДК, устраивали свадьбы и поминки. В следующий раз я попал в ДК глухонемых, уже тогда, когда прослужил год и был начальником патруля. Нас позвала вахтёрша, когда мы проходили мимо дома культуры. Она сказала, что в ДК проходит «Трезвая свадьба», и сейчас, там, на этой свадьбе, начинается какой-то конфликт, и чтобы мы вмешались. Как я и говорил раньше, в те годы проводилась широкая кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, и «Трезвые свадьбы» – это было веление ТОГО ВРЕМЕНИ. Глухонемые, так как они люди из нашего общества, естественно, тоже употребляют алкогольные напитки. У них тоже, на почве водки, бывают драки и конфликты, хотя с виду, они люди очень тихие. Хотя свадьбы и назывались «трезвыми», на них всё равно были люди, которые не желали отказываться от употребления алкоголя на свадьбах, и пили этот алкоголь. Водку, вино или коньяк, наливали в чайники для заваривания чая, для конспирации, а из них,



разливали по чайным и кофейным чашкам, и пили. Через час такой свадьбы, от «чая» и «кофе», все гости становились хорошо ужратыми. Как известно, запретный плод, он, всегда вкуснее. Потому этот запретный плод, с бОльшим желанием, и уже в бОльшем количестве, чем раньше, употребляли на этих «Трезвых свадьбах».

По приглашению вахтёрши, мы зашли в ДК и следовали за ней по лестничным ступенькам и коридорам к месту конфликта. Мы шли молча, чеканя шаг своими солдатскими сапогами по паркетному полу Дворца, и настраивались на предстоящую нам «работу» по утихомириванию глухонемых граждан. Удаляясь от входа в ДК, и приближаясь к месту конфликта, я подсознательно-инстинктивно предполагал, что там, где происходит какая-то заварушка, должно быть шумно, и какова же была моя растерянность, когда в очередной раз, завернув за угол, мы оказались в зале с накрытыми свадебными столами. Там было полным полно людей-гостей. Все они стояли, сбившись в толпу вокруг «скандалящих». Скандалящими оказались двое мужчин и двое женщин. Они стояли попарно, напротив, и тихо, кричали друг на друга жестами рук «языка глухонемых», иногда хватая за одежду и толкаясь между собой. В зале стояла атмосфера конфликтной тишины. Я ещё никогда в своей жизни не видел такой тихой потасовки. Мы уверенно вторглись в гущу столпившихся людей и руками разборонили конфликтующих. Со всех сторон, на нас насунулись гости, и молча стали кричать нам в лицо своими говорящими руками. Произносить какие-либо звуки усмирения с нашей стороны, было бесполезно, и мы, уподобившись окружившим нас людям, стали жестами показывать им, чтобы они успокоились и разошлись в стороны, держа «зачинщиков» за руки. Вдруг, из толпы выскочил маленького росточка мужичок-горбун, лет пятидесяти, и со всего маху вье\*ал моего патрульного кулаком в ухо. От удара, шапка с головы моего напарника, слетела, и её ловко поймала на лету девушка в красном платье. Мы ещё даже не успели отреагировать на удар мальчика, как другой, выскочивший таким же способом, как и первый, отвесил ему смачную оплеуху такого же характера, и схватив его одной рукой за шкурку, стал мычать и жестикулировать другой рукой ему в лицо. Понимая, что не всё так просто в ситуации, в которой мы вдруг очутились сказочным образом, я жестом дал понять своему патрульному, не отвечать на агрессию мальчика-горбуна, которого уже стали оттягивать в сторону от нас, его соплеменники. В толпе крепко разило запахом алкогольного перегара. Глухонемые были пьяными. Воспользовавшись «замешательством» горбуна и его «товарища», я вызвал по рации подкрепление. Десять минут, пока к нам шло наше подкрепление, мы перемещались в толпе гостей, и то и дело, растаскивали беззвучно начинающиеся драки. Когда в зал, где происходила свадьба, зашли наши ребята, их было шесть человек, это – три патрульных наряда с соседних маршрутов патрулирования, то в помещении уже начал устанавливаться порядок. Гости стали рассаживаться по своим местам за столами, а жених и невеста подошли к нам и жестами пригласили нас присоединиться к их празднику. Было понятно, что они извинялись за

выходку пьяного горбуна, который, уже, в окружении своих соплеменников, мирно спал лёжа на двух стульях. Мы, жестами, пытались им объяснить, что мы не можем присоединиться к ним, а претензий не имеем.

Как потом выяснилось, когда к нам подошла женщина, которая могла разговаривать и знала «язык жестов», и объяснила поведение горбуна, и причину первоначального конфликта, горбуном оказался папа невесты. Он изначально был против того, чтобы на свадьбе его дочери, «прятали» спиртное в чайники. Из-за этого, с представителем ДК, тоже глухонемым, у него возник конфликт, к которому присоединились и гости, между которыми возникли противоречия в этом вопросе. А потом, когда появился наряд милиции, то есть – мы, он подумал, что мы пришли запрещать «Его НеТрезвую свадьбу» по вызову его оппонентов, в вопросе отношения к алкоголю, и стал её защищать, всеми, доступными ему способами. Убедившись, что на свадьбе достигнут мир и благополучие, мы удалились, но ещё долго вспоминали этот инцидент, а особенно его тихость и бесшумность.

Поясняю: «Я ни в коем случае, не хочу иронизировать, над таким человеческим недугом, как глухота, но это – было в реальности.

### ...УЕмотина

Нашим политическим воспитанием и зрелостью, занимались все кому не лень. Это воспитание началось в школе. Младшие классы трогать не стану, начну класса с четвёртого-пятого. Помню, что каждый понедельник, то есть каждая неделя в школе, начиналась с политинформации. Я это помню и знаю потому, что в сентябре, в начале учебного года, каждому, или почти каждому ученику класса, раздавали должности и «общественные нагрузки». Санитарки и пожарники, автоинспектора и метеорологи, любители животных и природы, друзья эскимосов и негров (афроамериканцев), агитаторы и стенгазетчики, макулатураисты и металлоломщики, юные натуралисты и книголюбы, помощники филателистов и шахматистов, фотографы, радиолюбители, друзья пенсионеров и ветеранов, юные колхозники. Чего только не было придумано для того, чтобы рассказать всему Остальному Миру о том, как хорошо, весело и радостно живётся детям в Стране Советской. И нам, внАтуре, было весело, ну в смысле – нескучно. Нескучно от того, что мы не хотели этого делать, а нас планировали, назначали и строили, воспитывали.

Меня назначили политинформатором. Как я потом узнал, из-за того, что у меня был вид серьёзного мальчика. Ну, а если серьёзный – значит политически сформированный. Наверное...?!, - думали они...!

В мои обязанности входило то, что я должен был назначить очередного докладчика на очередной понедельник, а он, в свою очередь, должен был подготовить вырезку из газеты и зачитать её для всего класса, утром в понедельник перед первым уроком, за пятнадцать минут до его начала. Это должна была быть информация о внутренней и внешней политике нашего государства, события в Море, и что-нибудь из Мира Интересного. Мальчики и девочки, в свои одиннадцать-двенадцать лет, по-очереди, становились у доски перед всем классом, и несли всякую хрень про полчища империалистов, унижающих и ущемляющих права африканцев и других развивающихся особей, из газетных шпальт. Приветствовались вырезки из газет «Правда», «Труд», «Комсомольская правда», «Красная Звезда» и тому подобное. Израильские агрессоры и американские наёмники, кровожадно уничтожающие рабочий пролетариат по всему Мору, были нашими главными идеологическими врагами, а обездоленные вьетнамцы и африканские туземцы, планирующие строительство Коммунистического Рая на всей Планете Земле – нашими идеологическими друзьями и братьями. Очередной политинформатор, вещал всему классу о том, сколько центнеров ячменя было собрано в Удмурдском военном округе после того, как туда завезли четыре комбайна «Нива» из Рязани, а солдат-десантник из Ханты-Мансийска, спас от голодной смерти китайца, который прибежал босым из Тибета в Забайкалье, помогать строить нам, всё тот же Коммунистический Рай. Про какого-то Хонеккера, Вальдхайма, Каунду... На закуску юный глашатай читал про родившегося на чердаке многоэтажного дома в городе Сочи, оранжевого тюленя, занесенного в Красную Книгу, как вымирающий вид. Его туда поселил заботливый полярник-пенсионер, который, припрятав, увёз животное с собой на заслуженный отдых, из его природной среды обитания, Крайнего Севера, для спасения вида.

И эта традиция политически созреть нам наши мозги, сохранилась и сбереглась в моей военной Армии, в том государстве. Такого, как в школе, конечно же, не было, но политинформация была дольше. Материал для неё подбирался где угодно. Была библиотека с периодикой, но если ты – салага, то тебе нехрен шастать по библиотекам. Бери, где хочешь! Вот и получилась, оказия...

Был январь 1987 года. Моему товарищу выпало готовить очередной доклад по событиям в Море и стране. Он в библиотеку, а там череп: «Идинахуйотсюда, салабон. Я ещё газеты тебе давать буду... Не положено!, ...газеты читать...!». Ну тот потыкался, помыкался – ничего. А время подходит. Скоро уже сбор в учебном классе, на политинформацию. Зам.ком.взвода приказал подготовить доклад. Пошёл он в туалет покурить, заодно присел над чёрной бездной подумать. Подумал немного, да и за бумагой потянулся. А бумага какая? Газета! Он её давай рвать и вытирать, и вдруг, видит важную информацию про неожиданную, застигшую врасплох всё советское общество, смерть товарища Суслова, Михаила Андреевича, ...на восьмидесятом году жизни. Посмотрел на дату, сходиться – вчерашний номер. Такой деятель умер, а в части никто и не шевелится...

Газеты для гигиенических нужд солдат нашей части, попадали в туалет следующим образом. На нашу часть выписывалось много экземпляров различной газетной периодики: «Правда», «Красная Звезда», «Комсомольская правда», и ещё хуева гора всякой макулатуры, как будто бы правительство Союза знало и понимало, что туалетной бумаги на всех, в стране развитого социализма, не хватит, а на солдат, так и подавно, потому - такой статьи расхода в госбюжете СССРа, на Армию, не было. Тогда, ни мне, ни кому другому, в голову не приходил вопрос: «А чем солдаты Великой Страны должны были вытирать свои жопы, если их забрали в армию, в чём мать родила, и они с собой туалетную бумагу не брали?». А жоп, этих, было, по отдельным данным, на середину 80-х годов, 5 350 000 человекосолдат. Наш почтальон, это – солдат нашей части, ходил на почту и забирал там письма и газеты, некоторые из них выходили несколько раз в неделю. По одному экземпляру каждого номера он сшивал в одну большую газетную книгу, которую хранили, какого-то хрена, в библиотеке, а остальные, их всё равно никто не читал, отправлял в солдатский туалет, но считалось, что газеты розданы личному составу для политического просветления и воспитания. Ну, а там, в солдатском туалете, с этой информацией, мы поступали справедливо, по назначению, и с молчаливого согласия нашей партии и правительства, членом которого, кстати, в свою очередь, являлся и Суслов, Михал Андреевич.

Так вот, увидев некрологическую повесть на первой странице газеты «ПРАВДА», удостоверившись в её свежести, мой товарищ обрадовался, разумеется не смерти одного из лидеров нашего государства, а тому, что в таком непредсказуемом месте, неожиданно для себя, нашёл решение вопроса. Он аккуратно сложил газету с похоронами и засунул её в карман. Взял другую газету, посмотрел в неё, не обнаружив ничего подозрительного, с точки зрения интересной информации для политинформации, (простите за тавтологию), оторвал шматок и вытерся. Встав на полные ноги над чёрной бездной, солдат точно знал, что поставленную перед ним задачу командования, он практически выполнил, осталось эту нерадостную новость довести до сведения личного состава.

Политинформация. Взвод зашёл в учебный класс и расселся по своим местам. Командир взвода скомандовал начало и сел за свой стол, стоящий перед всеми. Мой товарищ, политинформатор, вышел вперёд с газетой, которую только что обнаружил в туалете, и стал читать про похороны Суслова, Михал Андреевича. Личный состав взвода погрузился в скорбные строки повести про похороны, ещё одного, скоропостижно и несвоевременно ушедшего из жизни, на восьмидесятом-то году жизни, государственного деятеля современности, которые читал выступающий, из газеты, найденной в солдатском туалете. Глубину утраты, чтец извлекал из пауз в конце абзацев. Он переводил дыхание и показательно вздыхал от прочитанного, ведь он, готовился из комсомольца, стать кандидатом в члены КПСС, и потому, должен был демонстрировать свою печаль по умершему, который при жизни, был членом ЦК КПСС. Кто не знает, КПСС – это Коммунистическая Партия

Советского Союза, а ЦК – это Центральный Комитет. Это единственный комитет, единственной партии, на всей территории Союза, члены которого, рулили всем и всяк в то время. Эта организация была сборищем старых пердунов и их молодых пособников-последователей, которые были и жили в полном шоколаде. Их дети и родственники были оторваны от основных масс народа и пользовались теми благами жизни, которые были недоступны простому большинству граждан Союзии. Они жили в специальном жилье, ездили на специальные гос.дачи с обслугой, отдыхали в закрытых санаториях и ездили в чёрных автомобилях с водителем и охранниками, учились в специальных «кремлёвских школах» и на специальных факультетах в университетах, отоваривались в специальных магазинах и для них были созданы «Столы заказов», в которых эти специальные люди получали или покупали за копейки, особо дефицитные товары народного потребления и продукты питания. Их самые молодые отпрыски, внучата – мальчики и девочки, были самыми успешными, умными, образованными и красивыми. Они были не просто МАЖОРАМИ, а СУПЕР-МАЖОРАМИ. Они одевались в самую модную одежду, изготовленную в странах ненавистного, для их дедов-партийцев, капитализма. Обувь из Италии и Австрии, джинсы из Америки и Англии, дублёнки из Франции и Канады. Это была каста инопланетян.

И вот, умер один из них! ОН – УМЕР...

Политинформатор продолжал читать. Биография, трудовые и политические заслуги Суслова, Михал Андрееча, становились для нас – военных солдат, реальными новостями. Оказывается, родился он ещё до Великой Социалистической революции 1917 года, пережил Ленина, Сталина, Хрущёва, и всегда вёл с кем-то, какую-то, борьбу, целью которой, должно было быть, наступление Коммунизма. Какого наступления? Куда наступления? Где наступления? Вопросов было много. Я слушал и размышлял о глобальных вещах – об устройстве общества и государства. Из курсов истории, которые мне преподавали в школе и техникуме, я знал, что Хрущёв обещал «Наступление Коммунизм в СССР», в 1980 году. Уже, на календаре, был 1987-й год, 26 января. Если следовать по плану Хрущёва, то Коммунизм опаздывал уже на семь лет, но тогда, я ещё верил, что ОН, всё-таки, – НАСТУПИТ. Потому я, будучи сознательным гражданином Союза Советских..., приближая его НАСТУПЛЕНИЕ всеми доступными мне способами,,,,,, - сэкономил электроэнергию!!! Я считал, что если я, буду выключать зря горящие лампочки в помещениях, в которых никого нет на текущий момент того времени, то такими своими действиями, я сэконоблю энергоресурсы моей страны, и тем самым, приближу то самое, «Наступление Коммунизма» в ней. Хотя, ещё в школьные годы, я понял, что идея Коммунизма – это бред недоразвитого интеллекта человека, как особи живущей на Земле, мне всё-таки, где-то в глубине души, хотелось верить и надеяться в то, что ОН – НАСТУПИТ. Ну кому из нас, не хотелось зайти в магазин, и взять там, бесплатно, и в любом количестве, Шоколадной Еды, или Автомобиль??? А ведь именно эта идея, до сих пор, и нравится

Русскому Пиплу - ХАЛЯВА. Вот он - этот Пипл, единственный на Земном шаре, и повёлся на этот разводняк под названием «Революция 1917-го». А революция, в свою очередь, породила «сталиных» и «сусловых», «милоновых», «зюгановых» и «ватниковых».

Я сидел и представлял себе этапы жизни этого Суслова, которого толком даже и не видел-то раньше, несмотря на то, что его фэйс наверняка мелькал каждый день по новостному телевизору моего детства и юности. Рядом со мной сидели такие же парни, из того же общества, с теми же телевизорами, и с теми же мыслями, наверняка. Мы сидели и слушали эту бредятину про какого-то УШЕДШЕГО восьмидесятилетнего пердуна, который в итоге, как это выяснилось теперь, вместе со своими «соратниками по партии», и «их борьбой», загнали, когда-то действительно Великую Державу, не в Коммунизм – мечту всех порабощённых трудящихся, а в Полную Жопу, где темно, сыро, и воняет, а выхода не видно, потому что выходное отверстие закрылось.

В классе была полная тишина и армейский порядок. Чтец продолжал читать траурную газету, и казалось, что это будет продолжаться долго, потому что статья была почти на весь номер. В ней рассказывалось о присутствующих на похоронах гостях из дружественных стран, о почётной похоронной процессии, о скорбящих родственниках и друзьях НЕСВОЕВРЕМЕННО УШЕДШЕГО (от авт. – восьмидесятилетнего деда-пердуна). Эта политинформация и продолжалась бы до полного прочтения всей статьи, но в дверь постучаЛОСЬ. На входе стоял Пищерский Вова. Он был батальонным художником. Нескладный, закомплексованный, переодетый в военную форму, на первый взгляд, обыкновенный молодой солдат срочной службы. НАХУЯ!!! его привезли в Армию??? – никто не понимал. Он был полным пацифистом и неадекватом, из числа тех, которые когда маршируют, выносят вперёд с левой ногой и левую руку, а с правой ногой, правую руку, и по-другому, он ходить не может – так устроен его вестибулярный аппарат. Когда его били или обижали словесно старшие братья по разуму, он не сопротивлялся, и было не понятно, то ли он обижен и недоволен, то ли ему похуй, что происходит с ним и его телом. Он всегда выглядел как жертва, и уже этим своим видом, возбуждал к себе аппетит, даже не склонных к насилию, соплеменников. Научить его маршировать, бегать и стрелять, за несколько месяцев, так и не получилось. В какой-то критический момент времени, командованием нашей части, было принято решение передать Пищерского Вову в дурдом. Его, от греха подальше, чтоб его не убили нервные сослуживцы за его неадекватные выходки, отстранили от армейской жизни и поместили в батальонную медсанчасть. И в это время, случайно обнаружилось, что Вова художник, и нехило рисует портреты и пейзажи. О его талантах было доложено комбату. Вову извлекли из медкабинета и провели тестирование. Он за короткий промежуток времени нарисовал масляными красками на холсте портреты комбата, замполита и прапорщика медслужбы Марципана. Впрочем, портрет Марципана, Вова нарисовал, ещё, будучи изолирован от нашего военного сообщества, в

медсанчасти, и это послужило поводом для его социальной реабилитации. Решение о передаче этого военного солдата в психиатрическую лечебницу, было отменено под формулировкой: «Такая корова и самим нужна». После того, как Вова стал батальонным художником и занялся тем, что у него получалось лучше, чем воинская служба, он ожил, и даже начал уметь разговаривать с окружающими. Его перестали цеплять и обижать, потому что теперь, он общался напрямую с руководством нашей части, с полковым руководством, и с их близкими родственниками, которых безостановочно стал рисовать на фамильные холсты. Вова, мог им пожаловаться, и тогда, за Вову, вступился бы сам «генералитет».

Так вот, Вова пришёл на своё рабочее место, которое находилось в конце помещения, для того, чтобы продолжить написание очередного холста. Он спросил разрешения у офицера, прошёл к мольберту и стал тихонько рисовать. Чтец продолжал читать про похороны. Прошло минут пять. Вова проникся происходящим мероприятием и понял, о чём идёт речь в статье. Он несколько засуетился и начал безостановочно улыбаться своей идиотской улыбкой художника, а в какой-то момент, обратил на себя и внимание офицера, а тот, увидев улыбающегося Вову, прервал чтеца и обратился к встревоженному таланту с вопросом: «Пищерский, что случилось?».

- Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?

- Обращайтесь, ...Вова! – иронично-скептически изрёк командир.

Мы все повернулись к Вове. Вова, запинаясь и смущаясь под нашими взглядами, слегка покраснев, пробормотал:

- Товарищ лейтенант, Суслов умер ещё пять лет назад.

- Что...? – раздражённо смутился лейтенант.

- Михаил Андреевич Суслов умер и был похоронен пять лет назад.

В аудитории всё замерло. Лейтенант встал со стула и направился, к уже перепуганному, Вове.

- Шо ты мелишь военный?

Вова съёжился и закомплексовал. Мы начали тихонько с Вовы бурчать. Чтец зашуршал газетой. Все повернулись на него. Чтец некрологической повести терзал газету и всматривался в неё сдвинутыми серьёзными бровями и прищуренными глазами, потом поднял их кверху и удивлённо-испугано посмотрел на всех нас. Лейтенант уже приблизился к Вове, тот снова пробормотал себе под нос, для лейтенанта:

- Товарищ лейтенант, Суслов умер пять лет назад.

Офицер застрял на несколько секунд в происходящей вокруг него хуйне, и выдавил:

- Та ладно...? Точно?

- Да. Я это точно знаю. Уже давно.

Офицер засунул обе руки в карманы галифе, не отрывая взгляда от лица Вовы, провёл языком под верхней губой, не открывая рта, размял мышцы шеи движением подбородка головы влево-вправо, повернулся на каблуке через левое плечо на 180 градусов, и медленно-блатной походкой двинулся к политинформатору. Вова облегчённо раскомплексовался. Офицер

подошёл к газете, взял её от услужливого жеста выступающего, стал рассматривать титульную её часть...

Политинформатора звали Виталиком.

Лейтенант отнял у Виталика газету, и заглянул в неё. Уставившись в упор на политинформатора, рассматривая блуждающим взглядом его уставную причёску и неуставную недобритость, военный командир медленно скомкал газету в округлую форму, потом расправил её, и резким движением одел через голову на шею Виталику. Виталик дёрнулся и испуганно выпрямившись отшатнулся на шаг назад.

- Товарищ лейтенант, извините, виноват, я не заметил. Это случайно. Я перепутал...

- Ты шо бя... военный, идиот? Шо ты не заметил, что это – старая газета? Что ты перепутал? Не можешь отличить 82-й год от 87-го?

- Ну я думал...

- Шо ты бя... думал, дебил! Три наряда вне очереди, ...«на пасеку»!

- Есть три наряда вне очереди «на пасеку».

- Где ты её взял урод?

- В туалете.

- Шшштоо? Ты шо бя..., дурак? В каком туалете?

Взвод, заар-жал...! Сержанты спохватились усмирять наше радостное буйство, и дисциплина была восстановлена.

- В каком туалете, я тебя спрашиваю, идиот!?

- В нашем, ...на улице. Там газеты лежали. Библиотека была закрыта, а я в наряде был, и в город не выходил, потому не смог там купить свежих газет. Я увидел, что дата вчерашняя, 25 января, ну и подумал, что надо её взять на политинформацию, а на год не обратил внимания.

Лейтенант выматюкался, как можно тише и скромнее, потом скомандовал построение на плацу, и вышел прочь из аудитории. Мы выходили из класса, и почти каждый, комментировал произошедшее в сторону Виталика. Сержант Рома, отвесил ему оплеуху, и весёлый, пошёл строить взвод на плацу. Нас не надо было предупреждать о том, чтобы мы молчали о случившемся на политинформации. Мы – солдаты, и он – офицер, прекрасно понимали, что ни эти политпрополоскивания мозгов, ни этот Суслов, ни весь этот цирк политпросвещения, в масштабах всей страны, уже никого не интересовал и нахер никому не был нужен. Но за подобные «промахи», ещё, могли сурово наказать, как нас – солдат, так и его – офицера. А потому, проржав с этого, мы тут же, всё это, и забыли.

Задумываясь уже сейчас о стране, в которой печаталось множество пропагандистских газетных изданий, и о содержимом в них, с фотографиями и портретами «наших вождей» и политических деятелей, понимаешь, какое количество жоп и гавна на своих лицах, перевидали эти деятели и вожди, даже ещё при жизни.

Помните, в прошлой книге, я рассказывал вам про обоссанную страну? Про то, как граждане Союза Советских, обссыкали его, кто как может и где придётся, в прямом смысле этого слова. Я бы дополнил эту тематику ещё



одной резолюцией: «Обосранные Правители». Весь народ, в эпоху глобального отсутствия туалетной бумаги в свободной продаже, по причине бездарного руководства со стороны «партийных деятелей», подтирался мордами и харями этих «деятелей». Такое поведение людей, населяющих бескрайние просторы СэСэСэРа, которые на митингах и на всяких партсобраниях, почти искренне прославляли Дело Партии, Ленина и Правительства, а вечером, их «ветхими и новыми заветами», портретами и фотографиями, пользовали свои жопы, и жопах своих детей, является, и называется, «коллективное бессознательное», и ярко демонстрирует истинное положение вещей в том общественно-политическом строе. Вот в таком обществе, и была моя Армия, а я – в ней. И – «Кто кого...?» – ещё большой вопрос.

### Лето

Дембеля из Армии разъехались по домам, а мы стали дедами, и пришло последнее военное лето 1987 года. В конце июня, к нам в батальон на службу, приехали два молодых лейтенанта, которые только что окончили военное училище Внутренних Войск МВД СССР, кажется саратовское. Приехали они в зелёной общевойсковой форме, и их, переодели в «нашу» – в «ментовскую». Она им понравилась больше, потому что была симпатичнее и доброкачественней. Единственным «недостатком» этой формы, было то, что она, собой, олицетворяла не совсем хорошую прослойку населения, одетую в неё – «мусоров», которые за многие годы своего существования, не раз и не два доказывали, что обладают целым рядом отрицательных, и антинародных, качеств. Население, нехорошие качества советской милиции, знало, потому, её, и не любило. А носители этой формы, и её статусности, понимали, что их, мягко говоря, люди, - недолюбливают. Вот потому, у молодых летёх, и было ощущение некоего дискомфорта, из-за сине-серой формы, в которую они переоделись. Но при всяком удобном случае, они оправдывались и объясняли окружающим, что они не «менты», а военные, и тогда, это - приобретало формы благородности профессии.

Получив в своё командование взвода, они, с самого первого дня, попытались продемонстрировать свою безмерную власть, и превосходство над нами - над солдатами-срочниками. Лейтенант, который достался нам, поначалу был достаточно амбициозен, и взялся за наше «перевоспитание», с большим оптимизмом и рвением. Но уже через неделю, когда наш взвод, будучи отличным по всем боевым показателям до прихода молодого командира, на первых же полевых занятиях оказался самым отстающим по боевой подготовке, а его, за это, перед всем батальоном, вз\*ебал комбат, то юный офицер «пришёл» договариваться к нам – дедам и старослужащим сержантам. Консенсус был достигнут быстро. Мы получили целый ряд нормальных и полезных преференций, которых не имели даже при старом командире взвода. Я, Кирюха и Мастер, были основными «перцами» нашего взвода. Сержант – зам.ком.взвода из нашего призыва - Рома, был не очень

авторитетным военным, и потому, вся реальная власть и дисциплина в нашем взводе, в основном, держалась именно на плечах нашего «дедовскОго авторитета». Но стоит заметить, что во взводе, у нас были конкуренты. Это - несколько парней из младшего, на полгода, призыва. Их было трое: «Чилик», «Бондик» и «Белый». «Чилик» - это укороченное прозвище, производная от другого прозвища «Челентано». Его обладатель был очень сильно похож на итальянца, и чем-то смахивал на известного итальянского киноактёра Адриано Челентано. «Бондик» - это прозвище от его фамилии Бондарев. «Белый» - сержант их призыва, и это прозвище тоже, - было производной от его фамилии Белоусов. Иногда его называли «Усом». Конфликты, которые иногда возникали между нами – лидерами нашего призыва, и этими парнями - лидерами младшего призыва, основывались на том, что наши конкуренты считали нас, не совсем достойными «быть держателями дедовскОго порядка во взводе». Это было по причине того, что Кирюха, в своё время, прохилил молодые солдатские годы и не хлебнул лиха, а теперь, претендовал на полноценную «дедовскУю власть», ну а я - был недостаточно жёсток к молодому поколению солдат, и не гнобил их так, как того требовали не писанные солдатские традиции. Конфликты случались, но они носили латентный, неоткрытый характер со стороны конкурентов. Они, нас, всё же уважали и побаивались, наверное потому, что мы умели силой своих, хотя и миролюбивых, авторитета и аргументаций, убедить младших солдат подчиняться армейской дисциплине и порядку, нашей власти и воле. В нашу пользу было и то, что Рома-сержант, после ухода на дембель его предшественника, занял место заместителя командира взвода, а это - в значительной степени давало нашему призыву больше шансов быть у власти во взводе, по-сравнению с возможностями наших конкурентов. Молодой офицер, в первую очередь, обращался к нам, и мы - шли ему на встречу. Наш «замОк» всегда был на нашей стороне, и если понимал и чувствовал, что «младшие конкуренты» начинали борзеть, то устраивал так, что в те дни, когда наступала очередь нашего взвода заступать в наряд по батальону, распределял и комплектовал составы нарядов таким образом, что «представитель конкурентов» оказывался в одиночестве и в некоторой изоляции от поддержки своего призыва. А за сутки в наряде, нам хватало времени, чтобы его чуточку «перевоспитать».

**Справка:** «замОк» – это сокращённо-сленговый вариант названия воинской должности «заместитель командира взвода», крепко укоренившийся в солдатской среде СА (Советской Армии). Ну, и фактически – этот человек, «замыкал» на себе всё реальное управление взводом. Потому – «замОк».

Так как «замОк», в отсутствие офицера, командира взвода, полностью выполнял его функции и обладал такой же властью, как и он, то имел законную возможность «давить» на своих подчинённых. Он назначал в наряды по батальону: «На кухню», «На КПП», «На казарму». Он распределял

по парам наряды патрулей в город на службу, и мог сделать это так, что «конкурент» получал такого «нежеланного» патрульного, и(или) его направляли на такой ху\*вый маршрут патрулирования, что через пару дней такой жизни, он становился «управляемым». Или, например, так... Его ставили в наряд по кухне, «старшим», с двумя дедами, и если на кухне был бардак, или наряд что-то не успевал сделать и срывался приём пищи личного состава по распорядку, то, конечно же, вз\*\*бывали «старшего». Ну, а деды умели создать видимость движухи, но при этом, ничего по кухне не выполнялось, и потому, он, или должен был сам всё делать, или «нагребать» себе новые дополнительные наряды за ненадлежащую службу. Стучать, то есть жаловаться командирам, объясняя истинные причины несвоевременного выполнения работ по кухне в наряде, было дурным тоном, и «чёрной меткой» до самого дембеля. Вот и получалось, что МЫ, реально рулили во взводе.

Наше последнее лето в Армии принесло нам много приятных моментов. Проводились общевойсковые военные учения, в которых нашему батальону отводилась роль оцепления зоны проведения военных операций. Мы стояли на дорогах, имитируя блокпосты, а рядом находились сёла и деревни, а в них были фрукты и ягоды, девушки и парное молоко с белым хлебом. Одна смена стояла на посту и проверяла проезжающий автотранспорт, а мы - деды, всегда были «отдыхающей сменой», валялись в зелёной ароматной траве, в тени летних деревьев, и мечтали о, скором, бесповоротном и обязательном, дембеле. В это же лето, военное руководство нашего гарнизона, решило провести какую-то «Войсковую Олимпиаду». Из нашей части отобрали троих: меня, Мастера и Кирюху. Нас отвезли дней на десять в село Подгородное на стрелковый полигон, для того, чтобы мы там тренировались быстро бегать. Мы были предоставлены сами себе, жили в комнате с кроватями, три раза в день ходили в местную солдатскую столовую есть еду. Меня назначили старшим тренером нашей группы, потому что только у меня был спортивный разряд по лёгкой атлетике. Кроме нас, в этот «спортивный лагерь», из других воинских частей, ещё привезли человек десять. Из них было только двое дедов. Мы сразу подружились и объединились в своих взглядах на жизнь, и на происходящее с нами, и вокруг нас. Я маю на увази «Войсковую Олимпиаду».

За десять дней, которые нам предоставили для подготовки к легкоатлетическим соревнованиям, только в первый день мы пробежали лёгкий кроссик, и определили, что мы уже готовы к спортивным состязаниям, а теперь, должны перед ними хорошо отдохнуть. Утром мы поднимались тогда, когда полностью высыпались, но позже девяти у нас не получалось. Видать привычка вставать в «девять ноль-ноль», за последние полтора года и два месяца, внесла свою лепту в формировании у нас военно-дисциплинарной рефлексии. На завтрак в столовую мы опаздывали, но тамошние солдаты-повара знали, что мы – деды, и нас нельзя оставлять без еды, потому что готовили нам отдельно. В соседнем колхозном курятнике, ночью, мы напиздили куриных яиц, ведра два, и взяли в плен трёх куриц и

двух петухов, а на ближайшем огуречно-помидорном поле, мы набрали витаминов. В местном сельпо мы купили всякой полезной и нужной гастрономической вкуснятины. Завтраки нам готовили из этих продуктов. Он был вкусным и разнообразным. С местной молочной фермы, девушки-дойрки поставляли нам сливочного масла, творога и молока. К чаю, а мы его пили раз десять за день, местное население нам выделило мёд, варенье, и всякого чайного разнотравья, конфет. На обед нам готовили настоящий украинский борщ с мясом, а однажды, нам была сварена шурпа и приготовлен плов. Тогда я впервые попробовал шурпу и понял, каким должен быть настоящий плов. Об этом позаботился паренёк азиатской национальности. Он самолично приготовил два этих блюда, а мы ему помогали, и нам это нравилось, а мне – запомнилось. Запомнилось - как мужчина, с любовью, готовит еду для своих друзей, для других мужчин. Я помню - его звали Саид. Он тоже был дедом. Этой своей инициативой и поступком, он сразу же заслужил наше уважение к себе, хотя поначалу, мы - славяне, европейцы, отнеслись к нему, с некоторым пренебрежением и высокомерием.

Когда Саид впервые обмолвился о том, что он для нас приготовит очень вкусную еду, а это было тогда, когда мы увидели пасущуюся неподалёку от нашего лагеря отару овец, его слова не были восприняты нами вообще. А он, с того момента, стал просто одержим. Он стал об этом всё время говорить. Он пошёл к пастухам, договорился про мясо, два дня доставал нужную посуду, раздобывал необходимые ингредиенты, обустроивал костровую яму, и когда у него всё было готово, он попросил чтобы мы, не ходили на обед, а помогли ему приготовить плов и шурпу, и это – и будет нашей едой в тот вечер. Мы нехотя, но приняли его предложение. Уж очень душевно он нас просил об этом. В его глазах и лице виделась страсть, значение которой, мы поняли только потом - когда накрыли стол, и он самолично стал накладывать нам в тарелки «свою еду», а мы начали её пробовать. Первые ложки – и первые восторги. А он, весь, просто сиял от радости, которую смог подарить своим новым друзьям. Саид «обхаживал» нас, как будто мы были самыми его близкими людьми. Он был испачкан костром, а на его глазах были слёзы наслаждения. Они были настоящими. Он их смахивал рукавом хэбэшки и всё время приговаривал с азиатским акцентом в речи: «Кушайте, кушайте пажялуста, друзья! Я так рад, что всё палучилось! Мине так приятна вспомнить, как эта кушать гатовить...!!!».

Поздний обед, переходящий в длинный ужин, закончился чаепитием и гитарными песнями под звёздным августовским небом реки Днепр. Два чана с едой, приготовленных нашим новым азиатским другом, были вылизаны до дна нашими младшими коллегами по Армии. Подобное мероприятие было устроено ещё один раз. Мы искренне благодарили Саида за вкусную еду, приготовленную им для нас, и за его душевную щедрость, которая была присуща этому простому Азиату, который вместе с нами служил в Украине, но по чьей-то «умности», почему-то, не у себя Дома.

Дни нашего лагерного курорта пролетали быстро. Мы не успевали насладиться свободой одного дня, как он заканчивался и наступал

следующий, который приносил новые впечатления о загородной прогулке. Скоро, в округе, мы надыбали поле, на котором произрастали спелые полосатые арбузы. Их было много, и сторож-охранник, разрешил нам их брать и кушать, что мы и делали дня три, пока на это поле, не приехали оголтелые комсомольцы из какого-то Дальневосточного ССО (Студенческого Строительного Отряда) и не убрали урожай под корень. Местные потом рассказывали, что эти голодные комсомольцы, которые, по-видимому никогда в глаза не видели обычных кавунов, обожравшись их бесконтрольно, обдрыстали всю центральную усадьбу их села, а некоторые, особо одарённые, слегли, и попали с диареей в местную больницу

Однажды вечером, к нам с проверкой приехал прапорщик из нашего батальона, тот, который был ответственен за наши спортивные успехи. Он был главным комсомольским руководителем в нашей части. Кино, спорт, библиотека и другие культурно-массовые мероприятия, были его сферой ответственности. Он был очень спокойным и толерантным человеком, какой-то прибалтийской национальности. На военного он не был похож, если бы - не его переодетость в форму с погонами. Он никогда и никого не наказывал, в армейские традиции не играл. На службе в городе, был самым добрым проверяющим, и всегда способствовал нашим солдатам-патрулям, привозить в часть, добытые вкуснятости с «точек». Он контролировал батальонного почтальона, кинооператора и библиотекаря. Приехал он в тот вечер, когда Саид в очередной раз приготовил свой вкуснейший плов. К нам в гости, «на плов», пришли местные девушки, которые принесли с собой качественный самогон. В самом начале застолья, когда пьющие из нас, только налили себе по чарочке, на территорию лагеря, в котором мы пребывали, заехал ПАЗик из нашей части, а из него, вышел он – прапорщик Ганнус. Пьющие резко спрятали свои стаканы-бокалы под стол. Он сдержанно и вежливо подошёл к нашему застолью и сразу же влюбился в местную девушку-колхозницу Олю. Распознав и подхватив романтическое настроение приехавшего проверяющего прапорщика, пьющие достали из-под стола свои наполненные, но ещё, ни разу не выпитые стаканы-бокалы, и предложили Ганнусу присоединиться. Тот не стал выпендриваться, и принял предложение. Ему насыпали плова и налили шурпы. Саид положил ему в наваристый бульон большой кусман бараньего мяса на кости. Пьющие выпили, и компания весело зашумела чавканьем и сёрбаньем приготовленной Саидом еды. Оля получила от прапорщика несколько комплиментарных сигналов, и тоже влюбилась в военного комсомольца-массовика-затейника. Чуть позже, они уже сидели вместе на бревне спиленного тополя и о чём-то весело кокетничали, лишь иногда присоединяясь к столу выпить очередной тост. Вечерело и темнело. Костёр горел и притягивал наши длинные взгляды. Прапорщик подошёл ко мне и спросил, есть ли здесь где-нибудь отдельная комната с кроватью. Я сказал, что сейчас организуем. В нашем помещении была такая комната. Пока прапорщик удивлял Олю и присутствующих у костра сослуживцев своим гитарным песнопением, мы с Кирюхой перетаскивали две железные кровати в ту комнату, сдвинули их вместе, и

застелили чистым постельным бельём. На стоявшую в комнате тумбочку, мы принесли тарелку с яблоками, грушами и сливами, поставили чекушку с самогоном и два стакана. Когда всё было готово, я отозвал в сторонку военного прапорщика и показал ему его спальные апартаменты. Прапорщик остался доволен. По радиостанции он связался с батальоном и сказал, что автобус, на котором он приехал, временно поломался, и он, заночует здесь, а утром, когда автобус починится, вернётся в часть. Отмазавшись от службы, прапорщик искренне «отвязался». Он снял галстук и расстегнул рубашку до половины живота, закатал рукава по локоть и взял гитару. С ожесточением, присущим темпераменту человека прибалтийско-скандинавского происхождения, но советско-комсомольского замеса, спел песню «Сбитого во Вьетнаме американского лётчика». Помните?: «...Мой «Фантом», как ястреб быстрый, в небе голубом и чистом, с рёвом набирает высоту...». После такого музыкального номера, Оля окончательно полюбила подвыпившего и поющего прапорщика. Он обнял её за плечи, и они двинулись в темноту речного пляжа, который находился неподалёку от нашего места расположения. Там, они купались голыми и целовались в темноте. Об этом, нам сообщил один из молодых солдат-спортсменов, который пошёл туда чуть раньше, посрать в кусты перед «отбоем», и потом долго не мог выйти из своей засады, по причине того, что не осмеливался спугнуть влюблённых, потому и отсутствовал во время «отбоя».

Когда все уgomонились и улеглись, прапорщик и Оля прокрались в свою спальню. Внутренние стены были сделаны из фанеры, а так как наши комнаты были соседними, то все мы были свидетелями любовного таинства пьяного прибалта-прапорщика и девушки Оли, у которой в тот день, был один из «неудачных дней». Строение, в котором мы проживали, не было оборудовано водопроводом и канализацией, потому что предназначалось для использования только в летний период года, и только для проживания в нём военных, а ни как ни для романтических актов влюблённых. Мы-то спали тихо, и нас не было слышно, что мы есть за стеной и нас там много, а их половые вошканья, в которые они оба испачкались, были у нас как на ладошке. Поняв, что наш командир попал в беду, не ориентируется на местности, и не имеет представления, где здесь ночью можно найти воды, чтобы обмыться от девичьей «красной-красоты» бестолковой колхозницы Оли, которой - «хоть камни с неба...», а она, видите ли - ВЛЮ-БЛЕ-НА...!!!, и ей, видите ли - ЗА-ХО-ТЕ-ЛО-СЯ...!!!, мы с Кирюхой, быстро смотались на пищеблок и принесли под дверь влюблённых, ведро тёплой воды и кружку. Я осторожно постучал им в дверь и передал помощь в руки, совсем уж отчаявшемуся военному командиру, который беспомощно метался голым и грязным по комнате, наедине со своей утолённой похотью самца, и пьянящей сельской дамой. Прапорщик обрадовался безумно этому ведру с тёплой водой. В приоткрытую дверь я увидел голую Олю, которая лежала поперёк сдвинутых кроватей и курила в потолок. Свет в комнате не горел, но на окнах не было штор, и фонарный столб с улицы, достаточно осветил то, что я увидел. Оля и постельное бельё, впрочем, и прапорщик тоже, частично,

были испачканы в «красную-красоту». Я сказал прапорщику, чтобы они обмывались прямо в комнате, и ничего страшного в том, что будет налито на пол - дежурные приберут. Он согласился с моими рекомендациями, но спросил, откуда я догадался, что они испачкались и им нужна вода чтобы обмыться после бурного совокупления. Я ему сказал, что об этом догадались все, кто находился в комнате со мной. Прапорщику стало неловко, он сожалительно скривился и сказал: «Как-то нехорошо получилось. Неудобно перед солдатами». Я успокоил пьяного прапорщика и заверил, что уже завтра утром, весь личный состав, который сегодня прослушал порно-аудиоспектакль с его участием, даже не пикнет о том, свидетелем чего он был. Прапорщик утвердительно поблагодарил меня за помощь и понимание, и гарантировал мне своё посильное покровительство до самого моего дембеля, а также – отличную характеристику при увольнении.

Всё успокоилось и мы заснули. Почти на рассвете я проснулся от того, что в соседней комнате разгорались любовно-драматические страсти. Оля настаивала на том, что её ночной сожитель должен теперь на ней жениться, а прапорщик ей возражал и аргументировал это тем, что он уже женат, имеет семью и малолетнего ребёнка. Оля не хотела принимать такую правду и слёзно истерила, попрекая своего нового возлюбленного тем, что он не имел права так поступать с ней. Она угрожала написанием «куда положено» жалобы на аморальное поведение прапорщика. Прапорщик - парировал, мы - лежали и слушали. Нам было слышно каждое слово из их разговора. Постановка вопроса и поведение уже почти протрезвевшей девушки-селянки Оли, его явно шокировали. Зная, что мы живём в соседней комнате и всё слышим, прапорщик постоянно утихомиривал громкие жалобы своей собеседницы и предлагал выйти поговорить из помещения на улицу. Та не соглашалась, и объясняла свой отказ тем, что она боится того, что на улице, в темноте, военный может её убить, и от такого расклада, ситуация приобретала, ещё, более удручающие перспективы её разлуки. Понимание того, что деваха явно ёбнутая, или, как минимум невменяемая, толкала меня и Кирюху к действиям, направленным на прекращение истерики и спасение нашего командира. Но, что это за действия должны были быть, мы не знали.

Решение проблемы, неожиданно для нас всех, нашёл Мастер. Проснувшись вместе с нами от шумной беседы в соседней комнате, он ворочался и хотел снова заснуть, но периодические взвизги Оли, не давали ему никаких шансов. Его, это - раздражало и бесило. Минут через двадцать после того, как он был разбужен шумом, и всё это время пытался заснуть снова, терпение Мастера оборвалось. С трёхэтажным матом во всё горло, и первыми лучами восходящего августовского солнца, Мастер вскочил с кровати, и в семейных трусах, ломанулся в соседнюю комнату. Вслед за ним, остерегаясь того, что он может «наломать дров», ломанулись и мы с Кирюхой. Без остановки перед дверью, и стука в неё, Мастер с грохотом распахнул дверь, за которой Оля «плела верёвки» из нашего прапора, и, не озираясь на его присутствие, потеряв в порыве бессонной страсти всякую

субординацию, ворвался в комнату. Сделав пять-шесть больших босых шагов от распахнутой двери, Мастер оказался вплотную к скулящей от несчастья Оли. Оля, от неожиданности, резко ох\*ела и заткнулась. Схватив её за туловище, голую, он потащил её на выход – на улицу. Мастер нёс девушку подмышкой как мягкую игрушку, матерился и постоянно повторял одну и ту же фразу: «Всё, тебе пиздец! Я тебя сейчас убью!». Оля, молча и испуганно, неслась убиваться. Она скрестила руки на груди, прикрывая её от позора, и согнула ноги в коленях. Её голова была распатлана и пыталась смотреть вперёд, по ходу движения. Мы все, молча и быстро, шли за Мастером. Он двигался в направлении берега реки. До пляжа, от нашего домика, было метров семьдесят. Эти метры закончились быстро. Мастер с ходу бросил Олю в утреннюю реку, потом схватил её за руку и потащил за собой на глубину. Оля стала испуганно упираться и орать. Мы остановились у кромки воды, и ох\*евшие, молча, смотрели на происходящее. Видать нас всех так достала эта ночная история, что мы, наверное, готовы были согласиться со смертоубийством Оли, потому, теперь, молча, стояли и смотрели. В какой-то момент Мастер толкнул истеричку в воду от себя, а сам вышел на берег. Он развернулся в её сторону и надрывно проорал текст, смыслом которого, было то, что, если она, сейчас же, не угомонит свои брачно-семейные заявки, в отношении нашего командира, то будет передана в ближайший райотдел милиции, как девушка, которая предлагала себя, нам всем, «за деньги», и свидетелей, при этом, будет более чем достаточно. А потом, с такой биографической репутацией, не то, что в институт поступить – по селу пройти будет страшно. Доводы Мастера звучали так убедительно, что мы действительно готовы были отвезти её в райотдел милиции, и, воспользовавшись своим «родством» с блюстителями порядка, состряпать «материал» об аморальном поведении комсомолки Оли.

После выступления Мастера, Оля, по-видимому, окончательно протрезвев от свежей воды и лавины познавательной информации, о перспективах своего будущего, попросила выдать ей её одежду, и по возможности, отпустить домой к маме, исключив из «развлекательной программы» визит в милицию. Мы, уже с пониманием пошли ей на встречу – выпустили из речки, вытерли насухо, и выдали одежду. Она, молча, попила утреннего чая под наши вопрошающие взгляды, и водитель автобуса, отвёз её поближе к селу, так, чтобы односельчане не видели её раннего дефиле домой со стрельбищного полигона, наполненного солдатами.

Когда автобус увёз девушку к маме, прапорщик попросил стакан алкогольного зелья и сигарету, хотя раньше не курил. Он выпил из стакана всё, и, закулив, присел на пенёк.

- Них\*ясебепо\*бался...!!! – единственное, что, изрёк вновь охмелевший от водки, и от счастья такого благополучного завершения романтической истории тоже, прапорщик Ганнус.

На спортивных соревнованиях мы выступили хорошо. Нам надавали каких-то почётных грамот и значков, которые Ганнус прилепил в батальоне на доске почёта, рядом с другой военно-пропагандистской мишурой того



времени. Потом мы ещё долго вспоминали эти десять дней на стрельбищном полигоне. Без офицерского контроля, и жизни по расписанию, на природе, возле берега реки, с домашней едой без ограничения, в нескольких месяцах от долгожданного дембеля – это был наш единственный и незабываемый «военный курорт». Мы купались в реке, загорали, шлялись по живописным окрестностям. Советско-социалистическое общество предоставляло нам возможность взять бесплатно: арбуз – с колхозного поля; курицу – с птицефермы; молокопродукты – в коровнике; ягоды и фрукты, без ограничения их количества – в колхозном саду и на поле. Это было летом 1987-го, в Армии Большого Города.

### Квас

Замечательным Армейским событием жарко-летнего сезона 1987 года, стала история про бочку с квасом, которая случилась чуть раньше того, как мы отдохнули в Подгородном. Когда главное руководство нашей части уехало повышать свою военную квалификацию в Киев, а батальон остался на попечительстве майора-тыловика, который толком-то и не знал, как устроен «автомат имени Калашникова», и ему было глубоко похер, чем занимается личный состав в свободное от службы время – произошла эта нескучная история.

В выходной день, в знойный полдень, подходит ко мне мой товарищ и говорит:

- Пойдём кваску холодненького выпьем.
- В смысле?
- В боксы, к «мазуте».
- А шо там, квас есть? – сиронизировал я.
- Ну да, а ты шо не в курсе?
- Нет.

- Пацаны вчера бочку с квасом спиздили. Поставили её в дальнем боксе, и теперь все кому «положено», ходят туда и квас без ограничений пьют. Я уже пробовал. Класс!

- Та ладно!?
- Пойдём!?

Заходим в бокс, и шо я бачу... В углу бокса, подальше от лишних глаз, за брезентовой шторой, стоит пришвартованная бочка, на колёсном ходу, песочно-жёлтого цвета, с надписью: «КВАС»! Помните, в Советском союзе, летом, возле магазинов и на площадях торговали квасом из таких бочек? Днём возле этой боки, сидела пышная тётка в замусоленном белом фартуке, и по 3 копейки, разливала и продавала маленький стакан кваса, а по 6 копеек - большой. По окончанию торгового дня, разливной кран, через который наливался в стаканы квас, закрывался металлической крышкой и замыкался на навесной амбарный замок, и бочка спокойно ночевала возле магазина до утра. И её никто не трогал. Трогать её, даже в голову никому не приходило,

потому что это была государственная собственность. Вот именно такая бочка и открылась моему удивлённому взору.

- Нихера себе, а что это такое? А как она тут очутилась?

- Наши водилы, вчера ночью, возле «Луча» в АНД-районе, прицепили её к нашему ЗИЛку, и вместе с личным составом, после службы, привезли сюда. Бочка почти полная. Наливай и пей!

Я налил. Холодненького кваску, вкуса детства. Того - летнего, жаркого, каникульного беззаботного детства, когда мой дядя, шахтёр, впервые купил мне маленькую кружку этого ЧУДЕСНОГО напитка. Квас, конечно же, делался и у нас дома, но этот квас, «из бочки», был особенного вкуса. Он был уже правильно-сладким, красновато-коричневого цвета, и в стеклянной, с ручкой, кружке, точно такой же, только меньшего размера и объёма, как и та, в которую наливали и продавали, взрослым мужикам, пиво, из таких же жёлтых бочек на колёсах, только с надписью «ПИВО». И на нём, на квасе, была белая пенка, как в бокале с пивом у взрослых. Тогда пиво мне думалось горьким и я не понимал, почему его пьют взрослые. Я не помню того, как я отведал в первый раз вкуса пива, но когда мой дядька, выстояв длинную очередь, протянул мне этот бокал кваса, я егопил, и мне представлялось, что я тоже, как будто, как взрослый, пью пиво. И всякий раз, тогда – в детстве, когда это питьё кваса из стеклянного бокала, из желтой бочки, на улице возле гастронома, повторялось, я, воображал себя пивопьющим взрослым. Вот и тогда, с первыми глотками, я пропустил через своё сознание и жажду, целую эпоху приятных воспоминаний о детстве пивопьющего мальчика. Япил прохладный квас, а в моей памяти, фрагментарно, проскакивали сюжеты моих летних детств. Квас послужил мостиком между реалиями Армии и Моим Детством. Я до мелочей вспомнил, как приятно было наслаждаться вкусом этого кваса, и неловко от того, что его нужно было выпивать быстро, как это делали взрослые, расжаренные летним зноем, мужики. А квас был ледяным, и сводило зубы, а ещё, от его быстрого глотания, можно было застудить ангиной горло. Его хотелось пить медленно, маленькими глоточками, смаковать, а надо было пить быстро, потому что очередь у бочки с квасом всегда была большая, и она смотрела на меня, и ждала, когда я допью и освобожу бокал, и это смущало. Это всё, вдруг вспоминалось до мелочей. Я опустил от губ почти допитый бокал, посмотрел на моего товарища. Он допивал большими глотками квас из большого бокала, как «взрослый мужик» из Моего Детства. Я тогда подумал, что сейчас впервые могу пить ЭТОТ квас неспеша, и в любом количестве, из «Жёлтой Бочки». Я налил себе ещё кваса и спокойно напивался его вкусом. К бочке подошли ещё ребята, с шутками и хорошим настроением наливали квас и пили, обсуждали прелести ситуации и нахваливали ту светлую голову, в которую пришла мысль привезти бочку с квасом «на гастроли» в батальон. Одни утверждали, что эта идея ефрейтора Корниенко, а другие, что это инициатива молодого командира авто-взвода, старшего лейтенанта, фамилии которого я уже не помню. Одни солдаты, напившись квасу, отходили от бочки, а вместо

них подтягивались другие. Вокруг «Жёлтой Бочки», была нехилая движуха, и её, никто не пресекал.

Притащили батальонного фотографа, и он был вынужден запечатлеть на фоне этой бочки, всех желающих, в разных позах и со всех сторон. Первые две плёнки, которые оказались единственными в наличии на территории нашей части, на момент появления идеи сфоткаться «на фоне трофея», были чёрно-белыми и закончились через пять минут. Фотографа, за этот «косяк», немного полинчевали, потому что он был салагой, но потом снабдили деньгами и перебросили через забор в самоволку, за фотоплёнкой, в местный промтоварный магазин. Теперь, желающие сняться на фоне бочки с квасом, были запечатлены и увековечены в дембельских альбомах, уже в цвете. Инициатором, сохранить такой яркий момент воинской жизни в цвете, выступил сам фотограф, но сказал, что для этого, понадобятся фотореактивы для цветной проявки, которые стоят дороже обычных. Его инициативу одобрили с большим энтузиазмом, быстро скинулись деньгами, а некоторые военные солдаты, даже перефотографировались заново на цветное фото.

Когда к водопою навевывался офицер или прапорщик, из оставшихся в части, то их, уважительно пропускали без очереди. С разделяемыми с ними восторгом и солидарностью, касательно вопроса нахождения бочки с квасом в нашем полном подчинении, выслушивали и их комментарии, о происходящем «квасовом коммунизме», на отдельно взятой территории Советского Союза. По окончании их квасонасыщения, каждый из них, считал своею обязанностью, произнести напутственную фразу присутствующим при этом солдатам: «Вы же смотрите – никому, ни слова...». Они уходили, а солдаты фантазировали о том, что было бы, если бы комбат узнал про эту бочку с квасом.

Поразительно, но после возвращения нашего командования из Киева, никто из них, так и не узнал о том, что у нас в части находилась «неуставная» бочка с квасом. Когда из крана перестал течь халявный квас, бочку аккуратно положили на место, а в местной малотиражке, принадлежащей ремонтному заводу, к которому относился гастронорм ОРСа (Отдел Рабочего Снабжения), который и торговал квасом из этой бочки, появилась заметка о таинственном исчезновении, и внезапном её последующем появлении. Журналист-самоучка, по-видимому, человек из числа активных рабочих завода, в этой истории, даже узрел след инопланетных цивилизаций. Наши солдаты, которые готовились на дембель и делали себе дембельские альбомы, старались найти номер газеты с этой заметкой, чтобы вклеить её в альбом и взять в торжественную рамку с острым солдатским комментарием, типа: «Я – солдат-инопланетянин!», «Инопланетяне тоже любят квас!» или «Как я был инопланетянином». У меня тоже была эта газета с заметкой о таинственном перемещении бочки в межзвёздном пространстве, но где она делась, после 2014 года, я не знаю. Была у меня и цветная фотография, на которой были запечатлены мои армейские друзья и товарищи. Был на том снимке и сержант Белоусов – баловень армейской службы, которому пророчили великолепную карьеру в советской милиции и счастливую семейную жизнь,

и которому трамваем, в первую после армейскую зиму, отрезало обе ноги сразу. Я писал об этом в прошлой своей книге. Были на этом снимке и Мастер, и Саня Муштенко. Первый – дослужился до полковника, а второй – шахтёрил до тех пор, пока не наступила «русская весна 2014», и теперь они оба, повенчанные воспоминаниями о своей армейской службе, находятся на территории, которая каждый день, своим лицом, навязчиво напоминает им, про их военную молодость. Один – в Донецке, а другой – в Моспино. А «Жёлтая Бочка» с квасом – как обязательный символ-атрибут ТОЙ жизни, из которой мы, за 25 лет, уехали, но 85% «моих соседей», вдруг, пожелали опять в неё вернуться. Их – 85%, а меня – всего 15. Их больше, но разве я неправ?

Когда я впервые попал в наряд на кухню, то выяснилось, что одним из поваров, а их в нашем батальоне было трое, был сын украинского актёра театра и кино Михаила Голубовича. Его звали Володя. Мне он сразу показался человеком нормальным, добрым, достаточно благородным и интеллигентным. Иногда он выражался так, как будто бы читал какую-то роль в спектакле. Он частенько декламировал отрывки стихов, проз, или просто строил слова в предложениях так, как будто бы эти слова, взяты им, из какой-то классической романной писанины, и употреблены сейчас, под стать возникшей ситуации. «Писанины» - в хорошем смысле этого слова. Я смотрел на него и задавался вопросом: «А каково быть сыном известного артиста?». Ведь все мы, его сослуживцы, и фактически его ровесники, были воспитаны и обожали «военно-революционные» фильмы из нашего детства, в которых играл его отец: «Кортик», «Бронзовая птица», «Дума о Ковпаке», ««Мерседес» уходит от погони». Мы не могли себе предположить, наслаждаясь просмотром этих фильмов, что когда-то, судьба сведёт нас с сыном одного из знаковых актёров, игравшего персонажей в этих кино-ориентирах той Красной Эпохи. И вот он оказался со мной в одной Армии. До того, как он в неё попал, по его словам, он был настоящим «мажором» и жил беззаботной жизнью гуляки-повесы. Он был достаточно симпатичным и привлекательным парнем, и выглядел чуть старше и солидней всех нас остальных. То ли его знания жизни, сына известного человека, делали его авторитетнее нас, то ли мы сами, на подсознательном уровне верили в это, но с ним всегда можно было легко заговорить и спросить о чём-то из его «звёздной жизни». Он с удовольствием рассказывал о своих романтических похождениях с девушками и женщинами, не вдаваясь в подробности и аристократично замалчивая пикантные деликатности этих отношений. Завершая очередное увлекательное повествование, он, с какой-то долей сожаления утерянного, в связи с наступлением двухлетней Армии в его жизни, вслух мечтал о возвращении к прежнему «мажорству», из-за которого он, в общем-то, и попал в эту самую Армию, по велению его влиятельного отца, как он выражался – «На Перевоспитание».

Будучи старше меня по призыву, в отличие от «равных ему», он не был замечен в гноблении салаг, и даже если употреблял свою «власть старослужащего», то делал это не зло, по-товарищески, по-доброму и с

юморком, употребляя обращения «пожалуйста...», «спасибо...», «если тебе не трудно...», и в таком же духе. Он был большим похуистом, и частенько нарывался на упреки наших командиров, но из уважения к его знаменитому отцу, эти наезды носили более гуманные формы, нежели ко всем остальным, при одинаковой, по своей значимости, «шалости» или провинности. А однажды, всё-таки, он залетел как-то по-крупному, и его, комбат, самолично, отправил «На Пасеку», причём одного – без напарника. Володя, в тот день, на службу в город не пошёл – комбат его освободили от этой почётной прогулки по свежему воздуху, заменив прогулкой в царство фекальных ароматов с привкусом «мёда». С самого утра, после завтрака, Володя Голубович, сначала – загружал машину пороссячим гавном, совковой лопатой, а потом – разгружал его, на свалке за городом, совковой лопатой. Вернулся он после выезда «На Пасеку», уставшим и вонючим, но весёлым и удовлетворённым своим «перевоспитанием», гордившись тем, что сделал это полностью, и сам – с начала и до конца. Сказал, что теперь, его отец может гордиться своим «никчемным» сыном, и его «перевоспитанностью». Сказал он это, как всегда со здоровой долей иронии и артистического юмора «отвергнутого», и «лишённого наследства», отпрыска, но по-прежнему любящего своего строгого родителя. Потом, я общался с Володиёй на эту тему, и он искренне был благодарен своему отцу за то, что тот, «загнал» его в Армию, хотя мог этого и не делать, воспользовавшись своими связями – оградить «сыночка» от прелестей армейского быта. Тогда, в его глазах, блеснули мальчишечьи слёзы, и я их увидел. Я вежливо отвернул взгляд в сторону, чтобы дать ему возможность утереть их предательство его истинной натуры и души, но не военного человека, а гражданского – мирного, свободолюбивого, и, наверное, созданного созидать что-то другое, чем разрушения военщиной. Я уверен – это были слёзы грусти и тоски по отцу, которого, в тот момент, не было рядом. Служил он хорошо, выполнял всё, что требовала армейская жизнь. Через год службы, ему присвоили звание «старшего солдата» – ефрейтора, с этим званием, он и ушёл на дембель.

Когда я писал эту книгу, я с нетерпением стал искать информацию о нём. Мне стало интересно узнать о судьбе моего сослуживца. Как сложилась его жизнь после нашей Армии? Где он? Чем занимается? Заглянул в интернет, и «Гугл» меня огорчил. В 1994 году, 18 сентября, Владимир Михайлович Голубович – Володя – «Вовчик», при съёмках фильма, ...погиб. Тогда я узнал, что он был младше меня, почти на восемь месяцев, а я уверенно считал его старше себя. Вспоминая, ...он вместе со всеми нами, носил солдатские сапоги, мыл полы, маршировал, стрелял из автомата и бегал изнурительные кроссы. Он был частью нас – простых парней, родители которых, не были известными актёрами. Вместе с нами, он радовался солдатским радостям, и печалился солдатскими печальями, но он, как и многие из нас, не был «Военным Человеком», а просто жил в жизни «Советской Страны», по её правилам и законам, стараясь брать от неё всё хорошее, и то, что ему давала Природа и Судьба.

Я благодарен тому, что в моей жизни был такой человек, такая личность. Сейчас я вспоминаю свои наряды на кухне и наши с ним беседы на пороге пищеблока, в минуты, когда все основные обязанности по кухне были нами выполнены, и мы, имели возможность, под сигаретку, поделиться своими мечтами о дембеле и гражданке. В смысле не о гражданке, как о человеке женского пола, а о «гражданской жизни» после Армии. Хотя о гражданках, мы, тоже, с удовольствием болтали. Кто знает, может быть именно тогда, в процессе общения с Володиёй, во мне и были разбужены им, светлые тяготения к чему-то хорошему, творческому, созидательному, на фоне армейской суровости и жестокости военно-мужичьего бытия. Я не очерствел, а возмужал, слушая его гуманистические мировоззрения о светском социуме, в котором мы с ним, временно оказались, и, были Военными.

Светлая ему память.

### **Хохлы-солдаты –граждане-кацапы**

Народ в моей Армии был разнообразный. Передать и расписать все образы людей, солдат и офицеров, окружавших меня два года Армии, полно, правильно и точно, в этой книге, как задачу, я себе не ставлю, но остановиться на отдельных «персоналиях», и рассказать Вам о них, я себе, всё же – позволю.

Один паренёк, одного со мной призыва, и из Моего Города, фамилия которого оканчивалась на «...чук», то ли Николайчук, то ли Иванчук, получил от нас прозвище «Чук». Только не путайте этого Чука, с тем Чуком, который вместе с Геком, хитрили с «водкой без очереди». Бутлегеры «Чук и Гек», были старше от нашего призыва на год, и когда мы с «первым» Чуком только приехали в Армию, «второй» – уже был «черепом». Прозвище нашего «Чука», появилось тогда, когда мы были в учебном взводе, и о существовании другого Чука, который уже существовал в действующих взводах патрулей, мы не знали, а за месяц учебки, мы привыкли к существованию «нашего». Вот так и образовалось в одном батальоне два «Чука». У «них» – был свой Чук, а у «нас» – был свой Чук. Наш Чук был личностью застенчивой. Я не особо интересовался, чем он занимался до Армии, но в Армии, как мне показалось, его главными задачами, стало: «Первое» – незаметно передвигаться по военной жизни, чтобы лишний раз не попадаться на глаза командованию и не выгребать пиздюлей от старших призывов, и «Второе» – внепланово, скрытно от всех, чего-нибудь сожрать, по возможности не поделившись с окружающими. Решение обеих задач, давалось ему хуёво, и, как правило, вылезало ему боком, но их присутствие в жизни Чука, по-видимому, было природно-физиологической потребностью его личностной сущности. Он умудрялся переносить элементы пищи, купленные украдкой в военторговском буфете, или взятые незаметно со стола на обеде в солдатской столовой, к месту их поедания, а это могли быть самые неожиданные места, например – туалет, канализационный люк или

междверное пространство на входе в штаб, в анатомической полости подмышки, если это – мятный пряник, или между пальцами ног, окутанных в портянки, если это – сосательные «Барбариски». Вы спросите: «Откуда я знаю все эти секретные схованки моего сослуживца, если он так серьёзно подходил к сокрытию неуставной еды?». Отвечаю: «Я это знаю потому, что Чук постоянно палился, и все его эти хитрости, становились анекдотическим достоянием всего батальона». Он не был толстым, он даже не был упитанным, но он всегда хотел жрать, даже тогда, когда стал дедом, и уже не имел никаких ограничений в вопросах пользования продуктами питания. У Чука был несколько удлинённый овал подбородка лица, и потому, казалось, что у него во рту всегда лежит еда. Когда же Чук тайно ел еду, то хранил её во рту так, что не было понятно, что он её ест, на данный момент времени. Возможно, он её рассасывал. Есть он старался, везде. На общем построении, на занятиях в классах, во время кросса, в наряде «на тумбочке», в оцеплении первомайской демонстрации трудящихся.

**Справка:** Выражение «...в наряде «на тумбочке»...», обозначает, что солдат является часовым, дежурившим на посту, который расположен во входной зоне в казарму, и обустроен деревянным помостом, на котором установлена тумбочка, с телефоном и селекторным громкоговорителем, через который этот часовой передаёт команды всему личному составу находящемуся в казарме. Это может быть команда «построения на обед» или «тревога», и тому подобное. Солдат должен стоять на этом помосте. Когда рядом никого нет, он может стоять «вольно», но когда кто-то присутствует рядом или проходит, он должен стоять «смирно». Его время дежурства, т.е. – «стояние на тумбочке», по Уставу, составляет два часа, потом его сменяет другой, так они меняются в течении суток пока находятся в наряде, сменяя один другого. Они следят за порядком в своей зоне ответственности, встречают офицеров, приветствуют их и докладывают о состоянии дел в казарме, рапортуют о том, чем нынче занимается личный состав – или он находится на занятиях, или у солдат «личное время».

Когда Чук был молодым солдатом, то частенько подвергался проверке его полости рта на предмет наполненности, или порожности, едой. Со стороны командиров – для порядку, а со стороны старослужащих – для очередного стёба. Деда, поначалу, после того, как застигали Чука «жующим не по уставу», подвергали его гастрономическим наказаниям – «пыткой едой» – ему предоставлялась добровольно-принудительная «возможность» – поедания целого баранчика варёного свиного сала, без хлеба, за обедом, перед выходом на службу в город. Потом же, подметив его странности отношения к еде, уже, просто, по-товарищески, как сейчас говорят – троллили. Он был главным героем всевозможных утренних и промежуточных осмотров. В его карманах находили кусочки хлеба, сахара, сала завёрнутого в полиэтилен, конфеты, соль в спичечном коробке, и,

огурцы и редиску с огородов гражданского населения, принесённые им, со службы в Городе. С каждым разом, с нарастанием интереса Батальона к «этому вопросу», его схованки усовершенствовались и изощрялись. Сначала – он прятал еду на себе: в карманах, в сапогах, в шапке. Потом – рядом с собой: в рюкзаке, за батареей в казарме, в дырке матраца, в зарослях дикого винограда, оплетающего нашу беседку для курения. А потом – и в городе, на службе. Когда дошло дело до заначек вне пределов части, Чук уже основательно подходил к «вопросу». Это уже не были кусочки сахара и хлеба. Это были консервы – зарытые на безлюдных газонах; пачки печенья и килограммы халвы «с точек» – засунутые в вентиляционные шахты подъездов многоэтажек; подобранная отмычка – от придомового подвальчика, одного из тех, которые мы озорно «бомбили». Он шифровался! Делал это так, что это – почти не было заметно – что он прячет хавчик. Прежде чем пачка печенья попадала в конечный пункт своего стратегического хранения, она могла проделать достаточно долгий путь с перевалочными пунктами, с перезакладками. Чук, находясь на службе старшим наряда, останавливался возле гастронома, на своём маршруте патрулирования, приказывал своему патрульному оставаться на улице и продолжать наблюдать за общественным порядком, а сам заходил вовнутрь. Там он приобретал еду и маскировал её под свою одежду – рассовывал по карманам, за пазуху, в сапоги. Когда выходил на улицу, то объяснял своему патрульному, что в гастрономе ничего интересного нет, и о своих покупках не объявлял. Потом он приглядывал подходящий дворик, или подъезд, с потенциально-имеющимися в нём, местами для стратегического хранения «Его Еды», и заходил в него один, снова без своего патрульного. Прятал, присматривал новые заначки, перепрятывал ранее заложенные запасы: сгущёнку, ванильные сухари, брикеты сухого киселя, заварного крема. Следил за сроком годности «Своей Еды», и если этот срок подходил к завершению, то выносил из двора, и они вместе с патрульным, съедали эту заначку. Такое поведение старшего патруля, конечно же, очень удивляло его патрульных, но обижаться на него, за то, что «...не как у людей – зашёл в пельменную, поел, запил и забыл...», по большому счёту, никто не обижался.

Как я со временем узнал, этот «КВЭСТ», имел вполне объяснимую природу своего происхождения. Чук мне рассказал. До Армии, когда он ещё учился в школе, он увидел по телевизору, и ему уж очень запал в душу, фильм, который назывался «ТАСС уполномочен заявить!». Это фильм, конца 70-х или начала 80-х. Советский. Про американского шпиона, которого в конце фильма, с поличным, задержали сотрудники КГБ. Так вот – этот шпион, гражданин СССР, работник какого-то министерства, по всей Москве, весь фильм, закладывал тайники с секретной информацией для своих «заокеанских хозяев». Фильм был снят по мотивам реальной истории, которая имела место быть в Той Нашей Стране. Окончив школу, техникум, и повзрослев, Чук определился, что уж очень хочет пойти работать в КГБ. Организация эта – государственная, загадочно-секретная, с «традициями». Её работников, остальные люди, боялись, уважали и прославляли. Будучи



КаГЭБистом, можно было без всяких проблем, дефицитные товары народного потребления, в магазинах и на базах, по блату доставать, ну и всякими другими благами, пользоваться, которые не были доступны основным массам трудящихся. И поехал Чук в Армию «с царём в голове». А чтоб зря время не прошло, в Армии, придумал себе программу, «подготовки и самообразования», которая, по разумению «юного чекиста», должна была помочь ему, постичь все «тайны шифрования» и «оперативной работы», чтобы потом, с этими «тайнами», успешно бороться, так сказать: «...видеть проблему изнутри – прочувствовать собственной жопой...». Что у него, собственно, и получилось. Пиииздили его попервОй..., аж планки трещали об жопу. Я уже рассказывал про планки и способы их применения в военно-казарменном быту Советской Армии.

Я не знаю, стал ли Чук КаГЭБэшником? Помогла ли ему, его способность застенчивости, и, приобретенные в Армии, навыки прятать хавчик в собственных трусах, в его карьере? Но я точно знаю одно – что у этого парня, с головой, было не всё в порядке. Хотя, интерес к себе и своим наклонностям, этот военный, безусловно, привлекал, и являлся для меня, примером «разнообразия неадекватности людей», их желаний и стремлений.

Я уже говорил, что в нашем Батальоне, в основном, служили парни из Киева, Донецка и Ворошиловграда, и из городов этих областей. Но был и один, единственный представитель, из Западной Украины. Почему его привезли к нам в часть, я не знаю. Он был старше меня на один призыв, на полгода. Приехал он после школы сержантов, которую проходил полгода в городе Золочев, Львовской области. Разговаривал он на украинском языке, с «западэнским» акцентом, и не всегда понятным нам смыслом его фраз, быстро и отрывисто. Его любимой фразой, когда он, командуя своим отделением, или отчитывая нерадивого подчинённого, хотел придать грозности, было выражение: «Постриляюповишаю!». Произносил он это резко, быстро и слитно, демонстрируя грозность и решительность своего командирского лица, и обозначал этот выкрик, два отдельных по смыслу понятия, если выражаться русским языком: «расстреляю» и «повешу». Такая «национальная» особенность нашего сослуживца, вызывала у нас и его подчинённых, только улыбку и стебливое отношение к нему, потому что основная масса личного состава нашей воинской части, изъяснялась исключительно на русском «членораздельном» языке. Мы, конечно же, отлично знали и понимали украинский язык, тот, которому мы учились в наших школах, и который, звучал с экранов республиканских телеканалов «УТ-1» и «УТ-2». И «наш украинский», несколько отличался от того, который привёз с собой младший сержант по фамилии Кулай.

**Справка:** В годы Советского союза, на территории УССР (Украинская советская социалистическая республика) – Украины, по телевизору, транслировали своё вещание всего три канала: «Центральное» (Московское, оно же – общесоюзное); «УТ-1» (Украинское

телевидение, оно же – общереспубликанское); «УТ-2» (Украинское телевидение, оно же – региональное).

Парнишкой он был нормальным, но отличался от нас тем, что говорил на «другом украинском», как я уже сказал, и по-другому называл, и относился, к некоторым общеизвестным праздникам. Например, «Новогодние праздники» – он называл «Рождеством», а «День победы – 9 Мая» – он не считал днём победы. Он говорил, что это – не победа, а – поражение Советского союза, и что если бы не «Запад», то СССР, проиграл бы войну, которую он, называл не «Великой отечественной», как мы, а – «Второй мировой». Конечно же, мы слышали термин «Вторая мировая», но тогда, мы не понимали истинного значения его осведомлённости и взгляда на эту разницу в названиях. Из нашей «Той Истории», которую нам преподавали в школе, мы знали и крепко верили, что в «Той Войне», СССР, был единственным «победителем». Мы не знали того, что праздник «День победы – 9 Мая», впервые начали отмечать в ЭсЭсЭсЭре, только с 1965 года. На уроках истории, нам об этом не рассказывали, почему-то. А теперь, – всё знаем, и – понимаем...

Он был немножко из другой Украины. Несмотря на то, что на службе в русскоязычном городе, он сталкивался с агрессией его коренных жителей, которые услышав его «западэнский акцент», называли «бандэровцем», Кулай, был человечным и достаточно толерантен к задержанным. Мы тоже, иногда, но по-дружески, называли его «бандеровцем», хотя тогда, мы не знали и не понимали истинной сути этого термина. Он не обижался, даже наоборот – ему это как-то льстило. Теперь я понимаю почему.

Однажды мне довелось пойти с ним в паре на службу. Он был старшим патруля. Мы бродили по своему маршруту, и мне было интересно с ним общаться, тогда я и понял, что он нормальный человек. Мне забавно было слышать его украинскую речь с акцентом. Он великолепно понимал мой русский, а я «его украинский», в котором были отдельные слова мне не понятные. Я переспрашивал, и он мне пояснял, что «ровэр» – это «велосипед». Мы подошли на очередную точку нашего маршрута и выстаивали свои 15 минут, чтобы потом двинуться дальше по графику. Рядом находился гастроном, мы стояли неподалёку от входа в него. Сержант обратился ко мне: «БублЭк змлЭкам будЭшь?». Я расплылся в усмешливой улыбке и переспросил, что он говорит. Сержант, тоже улыбнулся, и смеханулся, повторил, но уже более медленнее, и, как он посчитал, членораздельно: «БублЭк..., з..., млЭкам..., будЭшь...?». Я снова улыбочиво нахмурился и переспросил: «Нииихера не понял – что ты спрашиваешь?». Мы оба стояли и зубоскалили друг другу в лицо – «две цивилизации» одной Украины. Только в следующий раз, я сообразил, что именно, Пэтро пытае мэнэ: «Бублик с молоком будешь?». Мы заржали! Он зашёл в гастроном, купил там два треугольных пакета молока и пару больших бубликов, присыпанных маком. Осмотревшись по сторонам – не угрожает ли нам «проверка», мы быстро шмыгнули в ближайший тихий закоулочек, подальше

от взглядов прохожих, и с удовольствием втоптали свежие бублики, запивая отличным советско-украинским молочком. Когда вышли снова на маршрут, я протянул ему 50 копеек, как бы возмещая его расходы на перекус. Он, почти оскорблено, отодвинул мою руку с монетой, и посмотрев мне в лицо сказал: «Шо за дурныця? Я вгощаю свого побратыма! И взагали, що це за маячня з вашими рубликами...?». Он имел ввиду тот обычай, когда патрульный, должен иметь с собой на службу в город, один рубль – для перекуса – для себя и для старшего. Я промолчал, потому что мне нечего было ему ответить. Он продемонстрировал мне, пример своей «бандэровской натуры», и объяснил свой поступок тем, что моя «солдатская зарплата» составляет всего 7 рублей в месяц, а его «сержантская» – 15, и что он – «старший патруля», и должен заботиться о своём подчинённом. Тогда мне стало стыдно за «моих русских»... А Петя Кулай, к окончанию своей службы в Армии, уже разговаривал на «русском», а мы – переняли от него, множество слов и фраз «другого украинского». «Две цивилизации» одной Украины – мирно срастались.

Однако, как водилось тогда, и водится по сей день в параллелиях извечного противостояния между «братскими народами» – «русскими» и «украинцами», симптоматика этой «дружбы», со всеми вытекающими..., присутствовавшая в гражданской обыденности между «братьями», присутствовала и в военной среде Армии. У нас тоже – был свой «Хохол», и свой «Кацап». Очень яркая аналогия представлена в фильме Фёдора Бондарчука «9-я рота». Имея украинские корни своего национального происхождения, Федя тонко подметил характер персонажа в этом фильме. Его «Хохол», уж очень смахивал на нашего «Хохла», того, который служил вместе со мной. Он был на год старше меня, по призыву, и отличался своим суржилом, который был не «западэнским», но – «полтавским». Он постоянно что-то выпаривал у офицеров, но – по делу, когда понимал, что то, или иное распоряжение командира, нерационально, или – унижительно-самодурно, и подлежит другому способу его разрешения, а не так, как того хотел военный начальник. В этом его способе борьбы за справедливость, я тоже был похож на него. Его повышенное чувство справедливости, не давало ему покоя, потому – он постоянно «выгребал», но всегда с должным достоинством принимал и проходил наказания офицеров, оставаясь неизменно верным своей точке зрения, за которую и получал это наказание. Он был весёлого нрава человеком, симпатичный и складненький, лояльно относился к салагам. В нашем взводе, он был ответственен за сало, которое должно было иметься у него, на полевые выезды. И хотя эта ответственность, во все времена, по солдатской традиции Нашего Батальона, возлагалась на младшие призыва, став «черепом», он с удовольствием, и в незазор, продолжал выполнять эту миссию, потому что считал, что в этом, он разбирался лучше всех остальных, и передоверять другому, не хотел. С этой задачей, он справлялся отлично, и потому в нашем взводе, сала всегда было самое вкусное и гораздо в больших количествах, чем в других взводах. Кроме того сала, которое нам выдавалось на «Поля» в батальонном пищеблоке, он,

дополнительно, договорившись со свинарем Джеферсоном, брал у него «свежак» и засаливал его сам. С перчиком, с чесночком, с травками. А однажды, он приготовил варёное сало, с мясной прослоечкой, когда был в наряде на кухне. И когда кусочек этого сала достался нашему комбату, на очередном выезде на полевые занятия, на «Поле», то тот, распробовав его вкус, активно приложился к нашему взводному «стратегическому запасу», ...Сука...! Но мы на него, всё-таки, остались не в обиде, потому что в тот день, за съеденное им сало, он закрыл глаза на то, что наш взвод, затихорился в болдёжной расслабухе, в прибрежной посадочке, и не мозолил ему глаза, своими «военными учениями».

Из какого города был Хохол, я не знаю, но его, как личность, я отчётливо помню до сих пор, и только в позитивных красках. «Хохлом», его окрестили, именно за эту его «любовь» к салу, ну и за его суржик.

Его противоположностью, был «Кацап». В нашу Армию, он попал после окончания техникума, который находился на территории УССР, куда он приехал учиться из РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика). Так как в годы учёбы он проживал в общежитии, то был прописан в нём, то есть – в УССР (в Украине), а потому и повестку в военкомат, он получил там же, ну и забрался в «украинскую армию», тут же.

У Кацапа было ещё два других прозвища – «Куркуль» и «Кугут». Эти два нарицательных, как ни что другое, ярко характеризовали его жизнь и личность в нашей Армии. Он был, внешне, слегка дефективным. Вроде бы – такие же руки, такие же ноги, такая же голова. Но, если это – руки, то они – «...из жопы». А если это – голова, то и ногам – «...нет покоя». Он был какой-то нескладный – дурковатый взгляд лица, обосранная походка галифе, покатые плечи, и чёкающий российский говорок. Как сейчас говорят про таких персонажей: «он – фрик». Ребята из его призыва, а он был, так же как и Хохол, «черепом», рассказывали, что когда на его присягу приехала его родня, то их можно было распознать из всей толпы родителей, наблюдавших за принятием «клятвы верности», по тем же биометрическим признакам, которые присутствовали и у нашего сослуживца Кацапа. Лица, силуэты фигур, говор, походки, и какая-то непохожесть на всех остальных зрителей спектакля – «Принятие Присяги». Они отличились тем, что по завершению ритуала присягания, постояли вокруг своего новобранца, на окраине плаца, минут пятнадцать, а потом – распрощались, и объяснили спешность своего срочного уезжания тем, что должны ещё до отправления электрички в Ростов-на-Дону – место их постоянного обитания, успеть прошмыгнуть по Днепропетровским Гастрономам, и затариться колбасой-варёнкой, и ещё какими-нибудь «хохлятскими хлебосольными съестностями», которых у них дома, в Ростове, на Дону, днём с огнём, отродясь, ...не было.

А я вспомнил сюжеты из своей техникумовской студенческой жизни, когда по субботам, толпы приезжих граждан из Ростовской области, бомбили близлежащие вокруг нашего технаря, гастрономы и универмаги, устраивая в магазинах очереди за варёнкой и постельным бельём. Они оголтело носились

через проезжую часть улицы, разделяющую техникум и ЦУМ, не замечая едущий автотранспорт и цвета светофоров, с авоськами и сумками-чемоданами, из которых выпирали десятки палок-батонов варёной колбасы. Спотыкались, матерились, дрались и получали ПИ...з...ДЫ от местных шахтёров, об которых спотыкались. Собирали на карачках свою колбасу, только что купленную, и теперь разлетевшуюся из порванных авосек, от перегруза и от шахтёрской ПИ...з...ДЮЛИНЫ. Иногда их привозили автобусами с ростовскими номерами и установленными табличками на лобовом стекле водителя: «Экскурсия». Они чёкали и возмущались хохлятско-шахтёрской зажатостью, держались отрядно-групповыми стадами путешественников-экскурсантов. Они сметали с прилавков всё.

Наш Кацап был слеплен именно из такого же теста, как и его «соотечественники», и по-видимому, очень хорошо проинформирован о турпоездках за колбасой своих земляков в Донецк, потому открыто ненавидел нас – ребят из Донбасса. Он всячески нас задирали, пользуясь своим старшинством призыва. Став «черепом», он почувствовал власть, и с нашим приходом в Армию, активно стал воплощать её в жизнь. Как у нас говорили: «ожил». Его оживление продолжалось не долго. Его сверстники по призыву, зная его гамнистость и бывшие «заслуги», когда он был салабоном, и шестерил как веник по парашным закоулкам, стали делать ему замечания, чтобы он не перегибал палку и «скромнее» себя вёл, а то, не равён час, может и выхватить по своему «авторитету». Так и получилось. Когда он в очередной раз властвовал над Кирюхой, то тот, долго сдерживаясь от сопротивления кацапскому беспределу, всё же сорвался, и дал ему таких пиздюлей, оставшись с ним один на один возле военного туалета, и пообещав, что вообще – убьёт его нахер, если Кацап, ещё раз, посмотрит косо в его сторону, и что ему похер то, что его потом – и самого могут забить деды. Кацап рванул к «своим» за защитой и поддержкой, но встретился с полным одобрением того, что выхвалил на рыло, и комментарием вроде: «Мы ж тебя предупреждали, что парни из нового призыва – это ещё те «революционеры», и – «Сам наварался...», и в защите – было отказано. Единственно, с кем он типа дружил, это был сержант Косов, ну а про него, я вам уже рассказывал. Вот такая «дружба» была в нашей Армии, между Хохлами и Кацапами.

Жабский Сергей приехал в Армию из Ворошиловграда. С самого школьного детства, он привык, и был готов к тому, что и в Этой Армии, его тоже станут называть «Жаба». Ничего другого от своей фамилии, он и не ожидал, но не обижался, наверное потому, что на жабу, он совсем не был похож, а был весьма симпатичным пареньком. Высокий, стройный, с правильными чертами лица, и нормальным интеллектом в голове. В Армию он попал совершенно случайно. Его родители заблаговременно позаботились, чтобы их единственный сын, не шлялся по жизни переодетым в военного солдата, и договорились с военкомом, что Сергея не станут пленить в Армию. Но что-то там у них не заладилось, на уровне военкомовского врача, и Серёга, поехал в настоящую Армию. Хотя он и был

выходцем из интеллигентной семьи, но уважал общение с яркими представителями «рабочего класса». Ему нравилось общаться с настоящими шахтёрами, таксистами и ночными сторожами. Как он мне однажды рассказывал: «...У них есть что послушать, и чему научиться...». Среди его ранних знакомцев, были и уголовные элементы, и чиновники управленцы – друзья и знакомые его родителей. Перед Армией, он успел закончить, первый курс, какого-то киевского факультета иностранных языков, и, как он выразился: «...От усталости, втихаря от родоков, взял академку...». Устроился каким-то ночным сторожем в кочегарку. На самом деле на работу он не ходил, а занимался в Киеве фарцой. В общем-то из-за этого занятия, которое приносило ему не малые доходы, он и попросился в академку. Английский язык он выучил ещё с раннего детства, когда жил с родителями, в какой-то англоязычной «развивающейся республике», где его отец, как инженер-консультант из Советского Союза, работал по межгосударственному контракту, на какой-то шахте. Его знаний английского языка, хватало, чтобы его нормально понимали иностранцы, в отличие от доморощенных учителей «английского» из советских школ, которых, настоящие носители этого языка, вообще не понимали. В университете, где он учился, на его способности обратил внимание молодой преподаватель-аспирант, киевлянин, с похожим детством, он-то, и подсадил «Жабу» на «фарцу».

**Справка:** «фарца» - это одна из разновидностей спекуляции, которая заключалась в том, что предприимчивые парни и девушки, покупали у иностранцев или у знакомых завмагов, импортные товары, а затем перепродавали их своим «клиентам» - знакомым студентам, их родителям и знакомым, знакомым знакомых. В список этих товаров входили: фирменные джинсы, обувь, и всякая другая импортная одежда, которой в свободной торговле, на прилавках отечественных магазинов, не было. К этому списку добавлялись некоторые модели отечественных цветных телевизоров, магнитофонов и холодильников, стиральных машинок-автоматов. Людей, которые занимались фарцой, называли «фарцовщиками». Против фарцовщиков, были ополчены все пропагандистские ресурсы Той Страны, во главе – с Компартией, Комсомолом, и Рабочим классом. Они «клеили позором» тех людей, которые умели «доставать импорт» и «спекулировать им», но сами, и их дети, и знакомые, с удовольствием приобретали, носили и потребляли, те вещи, которые покупали у фарцовщиков, «с переплатой».

О прошлом образе жизни Жабы, и о нём самом, я узнал тогда, когда однажды, пошёл с ним в паре на службу. Наш маршрут был на ЖД вокзале. Мы ходили и служили, когда увидели, что из центрального выхода в город, из здания ЖД вокзала, выбежал молодой человек с большой спортивной сумкой, а за ним, вдогонку, бежали два милиционера из транспортной

милиции. Они были неуклюжие, и явно теряли «клиента». Расстояние между парнем и ими, увеличивалось с каждым метром и каждой секундой. Он от них удачно удирал. Мы сорвались с места, и, наперерез, побежали за парнем. Он оказался очень прытким, и отлично подготовленным к бегу, на пересечённой местности, по городским подворотням и заборам. Гнали мы его, с километр, а транспортные милиционеры, потерялись и вовсе. Загнав его в тупик непроходного двора, изрядно запыхавшиеся, мы повалили его на асфальт. Он мужественно молчал и стойко перенёс наши приветственные тумачи, но вынужден был сдаться. Пока мы его вязали – отдышались. Мы поматюкались и начали «допрос».

Выяснилось, что паренёк из Киева, студент. В его сумке, было полным полно всякой импортной одежды, которая была упакована в фирменные пакеты и коробки. После того, как мы раскрыли сумку и увидели всё это, Жаба, вдруг, проникся к «беглецу», какой-то незамаскированной симпатией. Он остановил мой гнев, и стал по-дружески разговаривать с ним. Я не сразу понял что произошло. Оказалось, парень приехал в Город Армии, с «товаром». В те годы, Город Армии, был «закрытым городом». Это означало, что в городе не было иностранцев, а те из них, которые в него приезжали, должны были получать специальные разрешения, потому что в городе, было полным полно всяких секретных заводов, работающих на «оборонку». В «беглеце», Жаба распознал своего «единомышленника». Они ещё некоторое время, общались на не совсем понятном для меня языке-жаргоне-сленге. Это был не уголовный язык общения, но значения некоторых слов из их диалога, я не понимал, а только мог догадываться, что они означают. Они оба были рады встрече друг друга, как будто были давно и долго знакомы. Парень презентовал Жабке две пачки сигарет «Мальборо», одну из которых, Жаба дал мне, и сказал: «Кирюха, это свой..., наш... – из студентов, ...киевский! Фарца!».

Мы отпустили парня, а потом, Жаба, мне рассказал и объяснил, что такое «фарца» – чем, и каким образом жизни, была сопровождена красочная жизнь «фарцовщика». Он рассказал о красивых, и стильно одетых, девушках, о продвинутых парнях. О гламурных вечеринках, на «хатах» дочерей и сыновей дипломатов, отцы которых представляли СССР в капстранах, а их чада, тем временем, здесь, пользовавшихся плодами их труда. О том, как «загнивает Запад», и как все они, и он – в том числе, тоже мечтают уехать в то «загнивание». И что «Союзу», скоро придёт пиздец, и что «развитой социализм» – не у нас в стране, а в Швейцарии. Я ему поверил. Я его понял, но моё сознание держала «Родина». Мы с Жабой, после этого вечера, сдружились.

Я с упоением представлял краски очередной рассказанной им истории из жизни «фарцы». Я стал примерять такой стиль жизни к своему воображению, когда вернусь из моей Армии. Я даже выдумал для себя свою девушку-подружку. Её лица мне видно не было. Она была и тёмненькой и светленькой, но самое главное – она была красива, образована, и её родители были «знатными». У меня даже появилась смелая мысль о том, что когда я

приеду из Армии, то стану поступать в МГИМО или в какой-нибудь похожий ВУЗ, чтобы учиться «на дипломата». Я жалел о том, что не учил должным образом английский язык в школе и техникуме. Я думал, что он мне никогда не пригодится в той стране, которая жила за «Железным занавесом». Но я верил, что всё у меня ещё впереди, и я смогу это сделать. Я был окрылён «Фарцой» и перспективами своей новой жизни, которая была вся впереди, и я её только начинал. Вот тогда начало происходить моё растление. Я стал потихонечку разпионериваться. Но самое замечательное было то, что мне уже перестало быть стыдно за это, и я уже не считал себя предателем своей Страны. Я стал переобучаться в космополита. Это слово, точнее говоря – его смысловая идеология, всю мою сознательную жизнь в школе, техникуме и Армии, до момента моего сближения с Жабой, и его философией жизни, была мне чужда, и воспринималось, как «неправильная», «чуждая» – порочащая светлые идеалы и цели «советского гражданина». А в моменты обругивания нас – своих учеников, в целях нашего воспитания, употреблялось нашими педагогами, как обвинение, или даже – как приговор за «несоветское поведение», когда мы выдавали что-то похожее на свободомыслие – своими поступками или высказываниями. Короче говоря, я начинал становиться пацифистом и демократом, и виной тому, была «Фарца», и это – произошло в Советской Армии.

Правду говорят, что Армия – формирует человека и личность.

### Таня

Как-то сентябрьской осенью, когда сухо и тепло, и школьницы-десятиклассницы пробуждают Муз художников-пейзажистов, я, вместе со своим патрульным, нёс службу на маршруте по проспекту Гагарина. Ещё тепло, ещё листья на деревьях висят, и они – зелёные. Всю службу мы спокойно ходили по маршруту и своим присутствием наводили общественный порядок. Уже потемнело, а через часик, мы должны были заканчивать патрулирование и возвращаться в райотдел – строиться, проверяться, грузиться в кузовики и ехать в Батальон. «Общий контроль» уже произошёл, а «взводный» был маловероятен. Мы медленно дрейфовали по пешеходному асфальту. Радиостанция молча шипела, молчали и мы – уже уставшие от уходящего, ещё одного, армейского дня, приближая наш дембель. Проходя мимо очередной пятихрущёвой этажки, мой патрульный, неуверенной фразой, сказал: «Там в телефонной будке голая девушка стоит...».

- Чего? – я обернулся на телефон-автомат, установленный на углу дома, который мы почти прошли.

- Там девушка голая – повторил патрульный, и мы оба, направились к будке.

Приблизившись к застеклённому пеналу телефона-автомата, мы действительно, внутри него, увидели голую девушку с длинными волосами. Она стояла, опершись о стеклянность телефонного батискафа плечом, и



закрыв лицо ладонями, по-видимому, плакала. Я учтиво постучался и осторожно приоткрыл кабинку. Девушка подняла и взглянула лицо от ладошек. Она была пьяна и заплакана, но выглядела красиво. Она старалась прикрыть свою наготу всем, чем только могла. Для этого, у неё росли руки, и она ими воспользовалась. Потом, она оттолкнула меня ими в сторону, и побежала за угол во двор дома. Это - произошло неожиданно для меня. Мы сразу же скорой походкой пошли за ней. Обогнув дом, мы увидели, что девушка шмыгнула в ближайший, первый, подъезд. Мы ускорились, и тоже вбежали в этот же подъезд. Дверь квартиры, расположенной прямо напротив входа в подъезд, на первом этаже, была настежь распахнута. Подойдя к ней и заглянув вовнутрь, мы не увидели там этой девушки, и я её окликнул. Никто не ответил, но через пять секунд, перед нами предстала эта девушка, но теперь, уже, она была в халате. На свету люстровой лампы в прихожей, я увидел перед собой красивую и стройно-слаженную сформированную девушку. Она поправляла и собирала волосы в гульчатый хвостик, утирала мокрые слёзы и размазанную чёрную тушь, одёргивала поприличнее предательски шёлковый коротенький халатик, и от неё приятно пахло французскими мамиными духами. Теперь она уже была обута в домашние пушистые тапочки.

- Извините меня пожалуйста.
- А что случилось? Вам нужна помощь?
- Нет спасибо, всё нормально.
- Вас кто-то обидел?
- Нет, спасибо, я сама виновата.
- Что случилось?
- Нет, нет, всё нормально. Просто я немного лишнего выпила.

Девушка уже окончательно адекватировалась, протянула руку сзади меня, и захлопнула входную дверь в квартиру.

- Проходите пожалуйста, не стесняйтесь.
- Та нет, спасибо, мы на службе, нам нельзя.
- Я вас прошу... Ребята, мне сейчас нужно с кем-то поговорить. Вы курите?
- Ну, так... Иногда.
- Проходите, не разувайтесь. На кухню..., всё равно завтра буду уборку делать.

- Нет, спасибо, нам надо на службу.
- Ну, вы мне хотели помочь? Вот и помогайте... Проходите.

Её фраза о том, что она нуждается в нашей помощи, успокоила меня и дала понимание того, как я буду оправдываться перед своим военным начальством, если спалюсь тем, что буду отсутствовать некоторое время на своём маршруте патрулирования. Это придало мне уверенности, тем более, что она мне сразу очень понравилась, а раз такой расклад выпадает, то почему бы не познакомиться с хорошенькой девчушкой.

Мы аккуратно прошли в маленькую хрущёвскую кухоньку. Она рассадил нас на табуретки, предложила чай с пирожными и закурила. Мы

отказывались из приличия, но она настояла. Звали её Таня. Она рассказала нам о том, что только недавно начала учиться на первом курсе университета. Там познакомилась с симпатичным парнем старшекурсником, а так как её родители, наконец-то, устроив свою единственную дочь в ВУЗ, после тяжких абитуриентских недель, уехали в «бархатно-крымский-черноморский-сезон» на три недели, то она решила по-взрослому пригласить его к себе домой. Всё приготовила и приготовилась, окончательно решила взрослеть, а когда выпили и закусили, закурили и потанцевали, то его напористости, испугалась. Дошли уже почти до постели, и даже была раздета желанным, а испугалась – «включила заднюю» и побежала спьяну на улицу, потому что тот, активничать начал по-нешуточному. Бежала – говорит, а сама не понимала, что делает, спряталась в будке, а тут мы...!

Сидели мы на кухне недолго, с полчаса, но за это время, у меня с Таней, наладились понимание и симпатия друг к другу. Когда мы прощались и уходили, Таня записала мне свой домашний номер телефона и просила позвонить, когда мне будет удобно, чтобы встретиться. Я обрадовался и согласился. Вечер удался. Теперь в этом городе Армии, у меня была знакомая девушка. Говорить о том, что она была моей девушкой, я бы, конечно же, не стал, но понимать то, что я кого-то интересую в этой Армии, было приятно, и по-граждански нескучно.

Когда произошла эта история, мне оставалось служить три месяца. Я несколько раз созванивался с Таней, и она приходила ненадолго ко мне на встречу, когда я патрулировал неподалёку от её дома. Она была очень рада моим звонкам и всегда оставляла свои домашние дела, но находила возможность приехать в то место, в которое я ей говорил. Мы стояли несколько минут в укромном от посторонних взглядов месте, но не сходя с маршрута. Я говорил о том, что она мне нравится, и ей это было приятно, но я никогда не лез к ней с обнимашками и поцелуйками, хотя мне очень хотелось её ОБтрогать. Это, по-видимому, её волновало, а меня – несколько смущало. Ну, если она мне нравится, то почему я ничего с этим не делаю? Наверняка она так думала. А я просто считал, что как-то неэтично и неэстетично заниматься нежностями на боевой службе. Но однажды, она всё-таки сделала этот первый шаг сама. В очередной раз, прощаясь со мной после короткого свидания, она сама, обняла меня за шею, и поцеловала в губы. Недолго, несильно, приятно и мягко, а потом извинилась и опустила взгляд вниз. Мне, такое красивое откровение девушки Тани, понравилось, и я уже сам, повторил её действие, взяв инициативу в свои руки. Она же, ответила мне несдержанной открытостью и желанием быть со мной более близкой в отношениях. Мне, конечно же, хотелось очень многого от неё. Она была красива, хорошо воспитана, стройна, с пропорциональной и сексуально-привлекательной, длинноногой, фигурой. Она была чуточку худее нормы и выше среднего роста. Такой тип девушек мне всегда импонировал. Однако, всё же, я не мог переступить через нарисованные самим собой грани приличия. Я мог бы затащить её, с её же согласия, в темноту, и там, сделать то, что нам обоим так хотелось, но не делал. Не делал потому, что уважал, и

её, и себя. Тогда, наверное, я был более высоких моральных принципов, человеком, и очень ответственно относился к подобным отношениям. Когда я уезжал из Армии, она меня провожала из своего города, надеясь на продолжение. В тот день, когда меня отпустили из Армии Домой, я с моим боевым товарищем Кирюхой, забронировали гостиничный номер, в котором и отметили окончание службы. Была Таня и её подружка. Подружка с Кирюхой смогли легко договориться, и у них всё случилось, а мы с Таней, всю ночь проболтали, лёжа полуголыми в полуторке. Она была раздета до нижнего белья, но колготки снимать не стала. А мне, и так было приятно. Она позволяла себя потрогать, но белья не снимала.

Кирюха, на самом деле, был Игорем, просто его фамилия была Кирьян, вот и прозвище – производная от неё. Меня тоже иногда называли Кирюхой, по той же причине. Потому нас было двое. Он был из Ворошиловграда. Его отец был каким-то немаленьким прокурором в том городе. Игорь был любителем захлять, но если у меня это получалось, то у него, с «захлять», были вечные проблемы, и поначалу, он постоянно палился и конфликтовал из-за этого, и со своим призывом, и с дедорвой. Первый год, он был – то в госпитале, с воспалением лёгких, то просто освобождён батальонным врачом от лишних военных нагрузок, и из-за этого, его как-то невзлюбили. Но парнем он был в принципе неплохим, и второй год нашей службы, мы с ним сдружились, потому и на дембель уходили вместе и в один день. А ещё когда мы были салагами, я с ним подрался, и именно на почве того, что я «умело хиял», а он «паливно хиял», а из-за его неумелого сачкования, выгребали мы все – молодые солдаты.

Когда я Кирюхе рассказал про голую Таню в телефонной будке, то ему понравилась романтическая история нашего знакомства. Я – рассказывал, а он – слушал с открытым ртом, заглядывая мне в глаза и сглатывая слюну, теребя губой губу, а потом, раззадорившись моим рассказом, интеллигентно-несдержанно, попросил меня узнать про наличие у неё, «свободной подружки для него». В первый раз после нашего знакомства, когда я позвонил Тане, и мы с ней встретились, я озвучил вопрос моего друга, а она и обрадовалась, потому что у неё была такая подруга, которая не была связана никакими любовными или брачно-семейными обязательствами. Её звали Лена и в последующем, она легко сошлась с Игорем, а когда мы уезжали из Армии через гостиницу, то они вместе спали в одной кровати всю ночь, по-взрослому.

### Арестант

Наступила вторая половина ноября 1987 года. 15 ноября – это был день, когда ровно два года назад я приехал в Ту Армию. С этой даты я стал для себя считать, что свой «долг перед Родиной» я вернул полностью. Я перестал зачёркивать чернильными крохотными крестиками дни на маленьком календарике, который носил в кармашке обложки своего военного билета, с того момента, когда прослужил ровно год. С 15 ноября

1986 года, я день за днём стал зачёркивать уходящие дни моего второго года службы. Несколько человек из нашего призыва уже покинули часть и уехали домой – в гражданскую жизнь. Однако я, и ещё большое количество парней моего призыва, продолжали находиться «на иждивении у государства», и нам оставалось служить максимум дней 40-45.

Теперь, дембель, для меня, имел свой запах, вкус, форму, и цвет. Он был материален и реален в сроках своего непереносимого и обязательного прихода. Он пах прекрасными запахами первых ноябрьских заморозков, мокротой ненастного дождя или прохладой уже срывающегося иногда с неба белого снежка. Теперь, вкус еды в солдатской столовой, для меня был идеален. Я чувствовал вкус своей утренней порции сливочного масла, которую по старой солдатской традиции, за сто дней до дембеля, должен был отдавать младшим призывам, хотя не ел его за столом, а наслаждался тем, что салага, с большим удовольствием размазывает его по своему куску хлеба и запивает чаем. Я помню, как в последний наш выезд на полевые занятия в село Подгородное, на стрельбищный полигон, залезая в кузов нашего военного грузовика, не хотел уезжать с него. Я слышал запах нашей военной экипировки, и он мне казался совершенным. Я чувственно трогал пальцами свой подсумок, для автоматных магазинов, и он был идеально сшитым предметом этой экипировки, хотя раньше, я этого не замечал. Сидя у борта кузова, в грузовике, хотя раньше в холодное время года, старослужащие забирались подальше вовнутрь, чтобы было теплее, я нежно гладил свой АК-47, и он не казался мне теперь таким холодным, как раньше. Я старался руками запомнить все его изгибы и детали, потому что понимал, что это мой последний день вместе с моим автоматом, который был моим два года. Я предвкушал приближающийся момент чистки этого оружия, и даже наизусть чувствовал запах оружейного масла, которое нам выдавал старшина во время его чистки. Я, то отстёгивал, то пристёгивал его приклад, трогал пальцами дульный компенсатор, снимал, и возвращал назад флажок предохранителя, приподнимал на весу свой автомат, чтобы запомнить и насладиться его весом. Я ощупывал цвет кожаного чехла, в котором плотно сидел штык-нож. Тогда я заметил, что парни из моего призыва, делали то же самое. Мы ехали с нашего последнего «Большого Поля». Мы – ОТСЛУЖИЛИ! Мы понимали, что стали настоящими боеспособными солдатами-воинами, мужчинами, и ещё раз – людьми. Мы были научены воевать, и не только в прямом смысле этого слова, мы теперь способны были преодолевать многие превратности этой Жизни. В эту последнюю поездку-возвращение с полевых занятий, мы громко и дружно пели наши песни, которые по всё той же солдатской традиции, всегда пели в грузовиках, когда ехали на службу в город, в баню, на «Поле», хотя раньше, мне это не доставляло радости. Теперь, когда всё это, должно было скоро закончиться, и закончиться навсегда, мне нравилось орать во всё горло: «...И куда не взгляни, в эти зимние дни, всюду пьяные ходят они...». Это была старая традиционная песня про дембелей. Дембеля весеннего призыва, слова песни пели так: «...в эти майские дни...», а мы пели: «...в эти зимние дни...».

Мы приближались к «Нашему Батальону», и уже заехали в черту города. В городе Армии достаточно много мостов и дорог проходящих под ними. В нашем батальоне была такая традиция – когда наш грузовик приближался к мосту, под которым мы должны были проезжать, то «вперёд смотрящий» кричал: «Мост!», и тогда все дембеля находящиеся в кузове, громко ему вторили: «Дембель давай! Давай дембель!». Эти оры-вопли военных самцов должны были производиться именно под мостом, потому что в результате возникающего эха, это звучало громко, раскатисто и классно, как нам тогда думалось.

**Справка:** «вперёд смотрящий» – это молодой солдат, до года службы, но, как правило, дополугодник (салага), который сидит в глубине кузова, возле самой кабины водителя, и обязан бдительно наблюдать за дорогой через пластиковое окошко, а при появлении чего-то необычного на пути нашего движения, громко сообщать об этом. О подъезде к мостам, под которыми мы проезжали, он тоже должен был предупреждать, но всего только 100 дней.

Эта церемония начиналась за 100 дней до «Приказа о демобилизации очередного призыва» и прекращалась после его публикации в газетах. Дембеля покупали газеты, где был опубликован этот «Приказ» и вырезали его для своих «дембельских альбомов», или сохраняли полностью весь номер, или делали и то, и другое. Ценилась газета «Красная Звезда» или журнал «Советский воин».

«Приказ» уже был напечатан в газете, но мы продолжали свою армейскую жизнь по привычному для нас расписанию и режиму. Подъём, зарядка, завтрак, построения, наряды, ...служба в городе, отбой. Проснувшись однажды, в один из дней в конце ноября, я вдруг подумал, что за два года моей службы, я ни разу не захилял от утренней зарядки, хотя остальные деды и дембеля, и даже черепа, позволяли себе это часто. В то слякотное утро я впервые решил забить на зарядку и после подъёма пошёл досыпать в каптёрку. Я и ещё пара моих единомышленников, Кирюха и Коба, закрывшись изнутри, зарывшись в мягкой куче тулупов, продолжили досыпать время зарядки.

У нас в казарме, существовало неписаное правило, которое заключалось в том, что если дверь в какое-нибудь помещение заперта, и там кто-то есть, а ты – «свой», то для того, чтобы тебе открыли, нужно было стучать каким-нибудь хитрым стуком. Вот и теперь, когда мы сонно нежились в тулупах, последние минутки перед окончательным подъёмом, в дверь каптёрки, НЕзамысловато постучались. Так как мы понимали, что все «свои» на зарядке, то не реагировали на стук, создавая для стучащего, иллюзию отсутствия, кого бы то ни было, за запертой дверью. Да и стук в дверь был НЕзашифрованный. Через несколько секунд стук повторился. Потом ещё... И ещё... Мы уже встрепнулись, но затихарились и насторожились. Если это – «свой», то почему не стучит зашифровано? А если

это – «чужой», то почему так настойчиво, как будто бы знает, что внутри кто-то есть, но затаился? Мы уже окончательно проснулись, тихонько вскочили на ноги, и возбудились от страха, грозящего из-за двери, как вдруг, стук превратился в замысловатый – «зашифрованный»...!

- Бл\*\*\*\*\*ь!!! Кому здесь на\*й неймётся??? Сейчас по еб\*\*\*\*\*ику отхватишь!!! – дружно заорали мы в три сонные горла, открывая запёртую дверь.

...В шаге от нас, ...стоял командир нашего батальона – подполковник милиции Внутренних Войск МВД СССР – Щибрик Анатолий Иванович. Он был серьёзен, зол, но по-офицерски сдержан, и по-отцовски толерантен. Его мундир, как всегда имел идеально чистый и отутюженный вид. Лучше бы он покрыл нас трёхэтажным матом, со всеми вытекающими, но он, молча, осматривал с ног до головы, нас, – троих, уже вытянувшихся по стойке «смирно», обосравшихся от такой неожиданной встречи, залётчиков.

**Справка:** «залётчик» – это солдат или сержант срочной службы, который совершил что-то не то, что положено, и при этом попался начальству «на горячем», а то «неправомерное», противоречащее Уставу Вооружённых сил, деяние, которое он совершил, называлось «залётом».

Единственную фразу, которую сказал комбат, была такой: «Ну вот, солдат, ты и залетел. Я же тебе говорил, что рано или поздно, ты у меня попадёшься. Готовьтесь на гауптвахту. Семь суток ареста!». Эти слова были сказаны спокойным тоном и с ироничным лукавством, и хотя их последняя фраза касалась нас троих, она, в большей степени, была обращена именно, и только, ко мне, и в мой адрес. Кирюха и Коба, просто оказались не в том месте, и не в тот час. Кирюха понимал, о чём идёт речь, а «Коба» – его так называли от его фамилии Кобец, потом, когда комбат ушёл, ещё долго был удивлён и возмущался таким неадекватным проступку, суровым, наказанием.

- «Есть!» – семь суток ареста! – хором прозвучали мы.

Эта история имела своё начало после того, как я прослужил полгода и стал ходить на службу в город в должности «начальника патрульного наряда». Я никогда не залетал. Меня никогда ни на чём не палили. Я никогда не нарушал формы одежды. Я никогда не применял к младшим или к подчинённым неуставных отношений. Меня никогда не ловили на службе в городе на том, что я покидал свой маршрут патрулирования, и так далее. Наверное, это – было от того, что я действительно выполнял всё то, что от меня требовала Моя Армия, того государства, в котором я родился и жил, которое любил и считал, что оно тоже меня уважает и любит. И вот однажды, когда я, выполняя свои служебные обязанности во время патрулирования по городу, услышав во дворе шум драки, побежал вместе со своим патрульным туда, и нам пришлось догонять убегающего зачинщика, сработала «на вызов» радиостанция. Этот вызов совпал с тем моментом, когда мы задерживали правонарушителя, и я не мог сразу ответить на вызовы комбата, который в

тот день был «на общем контроле». Пока мы догоняли и усаживали хулигана, прошло минут пять, а всё это время, комбат, вола́л меня по радиостанции.

**Справка:** «вола́л» – настойчиво вызывал. Термин испокон веков существовавший в нашей части, по традиции солдатского сленга, передавался из поколения в поколение, от призыва к призыву. Являлся недобрым знаком для того, кого «вола́ли» – вызывали.

Считалось так, что если я, сразу, как только меня запрашивал проверяющий, не отвечал на запрос, то значит, что я нахожусь где-то не на своём маршруте, и не несу службу надлежащим образом. Кто-то из местных жителей вызвал милицию по «02», и когда мы только упаковали нашего «клиента», подъехала райотделовская машина ППС. Мы усадили хулигана в зекотсек, и машина увезла его в увлекательное путешествие по просторам социалистического правосудия. Только после этого, я вышел на связь с «Первым». Он проругался в эфире и не стал слушать моих объяснений, по причине которых, я, так долго не выходил в эфир. Шум воня пошёл по всему пространству нашей радиочастоты, на которой работал наш батальон. Деды и дембеля, маршруты которых проходили рядом с моим, услышав то, что комбат, чуть ли не полчаса вола́ет мой наряд, и не может дозваться, стали вбрасывать в радио-пространство ехидно-угрожающие фразы в мой адрес, типа: «Салабон! Это – залёт! Вешайся!». Ещё минут через десять, я уже был на своём маршруте. «Первый», конечно же, меня дожидаться не стал и уехал проверять другие маршруты, когда понял, что я жив, здоров, и со мной всё в порядке, я – есть, и я – не пропал без вести. Следом за комбатом, меня приехал проверять и пропесочить мой командир взвода, которому я всё объяснил и он почти поверил, но пообещал поверить окончательно только после того, когда в райотделе милиции проверит мою версию-рассказку. Впоследствии, моя история нашла своё подтверждение.

Когда мы вернулись после службы в часть, комбат уже знал от нашего командира взвода, о причине моего радиомолчания. Однако, невзирая на то, что я был полностью прав и реабилитирован, комбат, всё же, не упустил возможности продемонстрировать свою значимость в этом вопросе, и перед строем меня взъебнул. За что? – я так и не понял. Он назвал меня «хитровыебанным», и что Я!, ЕМУ!, ЕЩЁ!, ПОПАДУСЬ!, и вот тогда-то...!, «...меня, и настигнет его карающая рука справедливости...». Деды и дембеля, при таком раскладе, не стали меня тиранить. Всё обошлось, но вот именно с того самого момента, и началась игра в «кошки-мышки» между мной и «Первым». И только за несколько недель до моего дембеля, «кошка» поймала «мышку».

После завтрака мы обреза́ли со своей повседневной полевой формы все воинские знаки различия, и старшина «Рекс», отвёз нас на гауптвахту, которая располагалась на территории какого-то военно-ракетного училища, находящегося в центральной части Города Армии. Там у нас отобрали все ремни и документы. Ремни отобрали для того, чтобы мы на них не

повесились, вдруг, «с горя», а документы – чтобы мы не убежали, «с дури». Теперь, мы стали вообще – «НИКТО». Нас сопровождали в камеру, в которой, по мнению и сценарию «Первого», мы должны были провести семь суток, понести наказание, искупить свою вину, и исправиться. Камера была длиной метров шести, а шириной – метра четыре. Справа от входа, была туалетная дырка в полу, ничем не огорожена, и железный умывальник рядом. Посередине камеры, высотой с полметра, стоял дощатый деревянный помост, который упирался вплотную к дальней, от входной двери, стене с маленьким зарешётчатым окошком, почти под потолком. Этот помост был предназначен для спанья на нём. Он был шириной метра два, а длиной – метра четыре. Мы поняли, что лежать на нём надо было поперёк. За нами захлопнулась обжелезнённая дверь и бряцнул стальной засов. Вся комната, до потолка, была окрашена в тёмно-зелёную краску, на потолке, одиноко висела «Лампочка Ильича». Если до этого я был солдатом-гражданином, то теперь я стал заключённым-военнослужащим-уголовником.

«Дожился» - подумал я с юмором. Теперь я в тюрьме, и опять – по воле моего государства. За какой хер?!

Да, забыл сказать – когда нас привезли, то сказали, что нас надо постричь наголо, но когда узнали, за что мы сюда попали, и сколько нам осталось до дембеля, то начальник гауптвахты, майор, под свою ответственность, приказал нас не трогать в вопросах нашего подстригания. Мы остались со своими, но по-военному, аккуратными стрижками. Вообще-то, солдаты из нашего батальона, крайне редко отправлялись на гауптвахту, и её начальник, реально был удивлён, из-за какой гамняшной причины нас к нему привезли. Он сразу же с симпатией отнёсся к нам, и сказал, чтобы мы не волновались, и что всё будет нормально, что мы же не чучмеки-дезертиры, которые ему зачастую достаются и даже по-русски ни\*ера не понимают, или делают вид, что не понимают.

Мы увалились на помост и начали быть сидящими арестованными военными солдатами. Через некоторое время засовы открылись, дверь отворилась, и в камеру стали по-очереди заходить наши сокамерники. Их было человек десять. Мы быстро обзнакомились и определили, что мы здесь самые старшие по сроку службы. наших новых знакомых, очень удивила наша форма, вернее её цвет. Она была уже не новой, выцветшей и потёртой, но чистой и аккуратной, и самое главное – она была не зелёного цвета, как у них, и у всех остальных военных, а серого. А наши шапки-ушанки, уж очень сильно были похожи на офицерские. Мы пояснили, что это – ментовские шапки. А когда мы им объяснили, из каких мы войск, и в чём заключается наша служба, они окончательно оху\*ли и раззавидовались нашей армейской участи, а мы стали для них «гвоздями» их серых будней, и чем-то вроде инопланетян. Нами интересовались не только наши сокамерники, но и те курсанты, которые нас охраняли, конвоировали и стерегли на гауптвахте. Из-за нашего необычного «происхождения», мы сразу же получили ряд снисхождений в вопросах внутреннего распорядка и правил, которые



существовали здесь, а также – сигареты, которые не полагались арестантам, и – отстранение от ежедневных наведений порядка на территории «губы».

Вечером нам выдали полосатые матрацы, которые мы разложили на помосте и легли на них спать. Подушек, одеял и простыней, нам не выдавали. На новом месте спалось не очень. Я бы сказал, что вообще не спалось – заснул лишь под утро. Разбудили нас рано и сразу же отняли у нас выданные вечером матрацы. После наведения порядка и завтрака, нас повели за территорию воинской части – подметать тротуары вокруг неё. Был сухой солнечный день, но чувствовался лёгкий безветренный посленочный морозец. Носик и кончики ушек подмерзали, а мы их прятали босыми ладошками. Молодые бойцы начали приводить Город Армии в порядок, а мы стояли, облокотившись об угол каменного забора, и чесали языки про нашу Сказочную Милицейскую Армию с курсантами-конвоирами. Беседа дошла до того момента, когда мы рассказали полуголодным второкурсникам военки о том, что прямо сейчас можем быстро сбегать на «точку» и принести какой-нибудь кондитерской вкуснятины. Курсанты долго мялись, но уж очень им хотелось халявной сладкой жрачки, и в итоге – они согласились отпустить нас за ней. Через пятнадцать минут, все мы уже трескали заварные пирожные. Их было немного, но по две штучки досталось всем, а нас там было человек десять. После этого случая, о нас и наших возможностях, по военному училищу пошли разговоры, и на следующий день, те новые курсанты, которые заступили в охрану на гауптвахту, уже целенаправленно вывели нас за территорию на уборку Города, только теперь, к ним присоединился и дежурный по гауптвахте молодой офицер. Ему было не понятно, как? и почему?, нам бесплатно дают сладости.

Прошла третья ночь нашего пребывания на нарах. Как всегда у нас отобрали матрацы, и мы готовились выходить на подметание городских улиц, как нам сообщили, чтобы мы готовились к отправке назад в нашу часть. Нас забирали назад. За нами приехал наш замполит, майор Король. Он с иронией сказал, обратившись ко мне: «Не может без тебя, солдат, наш комбат, и наша Армия». Сказал он это, с прищуристой улыбкой и доброй иронией, зная весь истинный расклад моего ареста и его предысторию.

Нас забрали с гауптвахты преждевременно потому, что ещё одна партия из нашего призыва ушла на дембель, и в батальоне не хватало начальников патрулей на службу в Город. Мы отмылись от тюремно-камерной копоты, вернули наши погоны на плечи и стали в строй патрулей. Комбат, теперь уже по-отцовски, сказал, что теперь я испробовал все прелести воинской службы в Армии, и с чистой совестью могу уходить на дембель, а он, вместе с офицерским составом нашей части, под пристальным надзором со стороны государства, приложили к этому свою руку и сделали из меня «Настоящего Человека».

Я ходил по своей Армии и смотрел на парнишек из нового призыва, которых неделю назад привези к нам в батальон и переодели в военных солдат. Форма на них была неуклюжая, смотрелись они перепуганными и растерянными. Они ещё не понимали, куда попали и что их ждёт впереди, но

уже начинали осознавать, что такое положение вещей, в их жизнях и судьбах, будет длиться два года. Мы смотрели на них, и нам становилось во много раз радостнее, от того, что у нас уже всё это заканчивается, а у них – только начинается, и мы, когда-то, тоже были на их месте, и мы – это прошли. Некоторые ребята из моего призыва, точно так же, как два года назад по отношению к ним, тогдашние дембеля, выкрикивали всякие страшилки в адрес «молодняка». Но теперь я знаю, что в этих фразах и выкриках, реально, не было агрессии и зла, которые нам показались своим присутствием тогда. Это был юмор – солдатский, грубый, казарменный. Но к пониманию того армейского юмора, мы шли два года, а тогда, деды нам показались злыми и жестокими, мужланистыми и колхозноВАТО-быдлоВАТЫМИ. Эти вновь прибывшие мальчики, привезли вместе с собой запах свободы, той свободы, которую они – теряли, но которую, сейчас, передавали нам – дембелям: «Свободу Слова», «Свободу Передвижения», «Свободу Выбора». Ну, если конечно же, считать, или допустить, что перечисленные свободы, существовали в Той Стране.

### **Шахматист-разведчик**

Пока я дослуживал свои последние деньки в той Армии, она дослуживала свои последние годки в Том Государстве, которое с энтузиазмом склоняло всю её военную мощь к служению себе, и с благодарностью принимало плоды этой службы. Государство лелеяло Армию, а Армия лелеяла своих сыновей. Она о них заботилась, как и не всякая мамаша заботится о своём дИтятке.

- О чём это...?

- Об этом...!:

Армия подбирала дарования и призывала их в свои ряды. Всем известная сборная СССР по хоккею, ...или по футболу, ...или по чём угодно, сплошь состояла из лейтенантов, капитанов, майоров и подполковников Вооружённых сил. Помните девочку-гимнастку из Белорусской ССР – Ольгу Корбут? Она хоть и не была военной девочкой, но выступала за какой-то армейский клуб, и была чемпионкой, и очень любимой и уважаемой в СССР гражданкой. Но вот почему-то, с 1991 года, она проживает в США, и является её гражданкой, а не гражданкой «Великой Державы» под названием Российская Федерация. В СовСоюзе не было профессионального спорта. Так считалось и говорилось на официальном уровне везде – и внутри нашего государства, и далеко за её пределами. Наверное, это надо было для того, чтобы, если что, оправдать «наши промахи» на международной спортивно-соревновательной арене, или гордо взвыть на всю хлебoreзку в случае спортивной победы. Если просрали соревнования, тогда могли сказать всему Миру: «...Ну они же не профессионалы, как спортсмены других стран...». Ну, а если взяли медали, тогда орали в три горла: «...Хоть и непрофессионалы, а победили профессионалов из капстран...». На самом деле, все эти «любители», воины-спортсмены, только числились в рядах

Военной Армии. Им выплачивались воинские довольствия, их приписывали к каким-то воинским частям, они числились на каких-то воинских должностях, им присваивались очередные воинские звания и насчитывались специальные военные пенсии, по окончании военно-спортивной «любительской» карьеры. Так было удобно, потому что военнотружущего, давшего клятву Родине, в виде «Присяги», или подписавшего документ о неразглашении «Военной Тайны», в случае чего, легко можно было утилизировать в изменники или предатели, той самой Родины, и ОБНУЛИТЬ. А под страхом такого обнуления – оно и бегаётся быстрее, и прыгается выше, и мяч катается круглее, и шайба скользит скользее. Вот и раскатывали по всем спортивным аренам Земного Шара, наши воины – спортсмены-любители, «прославляющие» на международных спортивных мероприятиях, страну «Любительского Спорта», под страхом угрозы «только бы НЕ промахнуться».

Ну, с футболистами и хоккеистами, оно понятно – команда, группа, подразделение. А вот что делать с шахматистами, ведь они, тоже – спортсмены-любители?

Он был еврейским мальчиком, но от счастья, родился в Советском союзе. Когда-то, кто-то, в детстве, показал ему, как играют в шахматы. Ему это понравилось. Он рос и играл в шахматы, которые ему купили за свои деньги, его родители. Когда пришло время забираться в Армию, он уже достиг определённых успехов в этом мастерстве, и потому в Армию, его забрали воином-шахматистом и спортсменом-любителем. Шахматы – это не командный вид спорта, если вообще шахматы, можно отнести к спорту. А те «люди-деятели», которые вдобавок считают, что шахматистов можно объединять в команды – или не знают, как работают эти «ШАХМАТЫ», или эти «люди-деятели», просто – ебануто-деградирующие представители фауны той местности, где обитают сами, и где вынужденно обитают шахматисты-одиночки. Короче – парня определили служить в Военно-морской Флот, потому что становиться «военным по-жизни» он не собирался, а во Флоте, срочная служба длится три года, а не два как в сухопутных войсках, чтобы он подольше «послужил Родине», если не хочет добровольно быть воином-шахматистом, и прославлять Любительский Спорт СэСэСэРа.

Привезли его в Армию поближе к Северному полюсу и Белому морю, и определили вместе с остальными молодыми-призывниками в казарму. Научили маршировать и петь военные песни на морозе и свежем воздухе, дали автомат. Через месяц, настоятельно, но учтиво и вежливо, предложили принять «Присягу» на верность Родине, а ещё через недельку, когда уже «железная пята» дедовщины прошла по судьбе тихого еврейского мальчика-шахматиста, склонили к подписанию документов, запрещающих ему, разглашать третьим лицам, ВОЕННУЮ ТАЙНУ. В чём заключалась эта «ВОЕННАЯ ТАЙНА», и носителем какой секретной информации он являлся, ему, понятно не было, но отказаться «СВЯТО ХРАНИТЬ ВОЕННУЮ ТАЙНУ СВОЕЙ РОДИНЫ», он, естественно, не мог, потому что её, ему, уже «рассказали» и «доверили». Когда же через месяцок его наслаждения

армейской жизнью, в обществе матросов-НЕшахматистов, он был приглашён к начальнику Северной Подводной Лодки, и тот предложил ему переехать играть в военные шахматы куда-нибудь в Тёплые Края, и с персональной каютой и должностью, то с радостью согласился.

Переезд был быстрым и приятным. Его сопровождал столичный номенклатурно-штабной молодой лейтенант, с которым в дороге, после казарменных глупостей и зашварки, было приятно и интересно общаться, сыграть в шахматишки, и попить чайку с лимончиком, под убаюкивающий стук спального купе с накрахмаленными белоснежными шторками на вагонном иллюминаторе, вместо парусов солдатских ароматизированных портянок на быльцах кроватей.

**Справка:** «быльцо» – это спинка железной кровати. Их у неё две, между которыми крепится панцирная железная сетка, на которую кладут матрац и военного солдата, для того, чтобы он на этом приспособлении спал и отдыхал ночью. Как правильно называется модель такой кровати, я не знаю, и как правильно пишется слово «быльцО» или «быльцЕ», я тоже не знаю, но так, в Армии, всё это – называют. Знаю только одно, что вся сухопутная Армия, спала на таких кроватях. Конструкцию военной кровати, и названия её элементов в Морской Армии, я тоже не знаю.

Крымский город Севастополь, был тёплым, тихим, сытым и сытным. В нём было много военных кораблей, и совсем не было матросов-бурятов, узбеков-моряков и военных-оленоводо – эскимосов-подводников. Там была набережная, городской парк и «Клуб офицеров-моряков». По улицам ходили привычные, для взора Шахматиста, лица красивых и опрятных украиночек. Они приветливо смотрели, улыбались и радушно отвечали на вопросы молоденького морячка-шахматиста, который уже забыл про Русский Север и окончательно оклемался и согрелся на своём родном украинском полуострове. Его поселили в офицерское общежитие, и у него был свободный выход в город, хотя его новые сослуживцы-матросы, постоянно находились на корабле, к которому и был откомандирован наш герой. Корабль был военным крейсером. Морской военный крейсер – это сложнотехническое сооружение, которое требует обслуживания и ухода не только в море, но и на суше. Вот в такое наземное обеспечение, и был определён Наш Шахматист. Его надо было пристроить на какую-нибудь такую военную должность, на которой, он бы смог ничего не делая, выполнять предписанные должностной инструкцией, свои прямые воинские обязанности, а в реальности – играть в шахматы и принимать участие во всех шахматных турнирах Союза. Такой свободной вакансией, на проверку, по специальному запросу Адмирала Южного Военного Округа, для Шахматиста, оказалась должность «мотоциклиста-разведчика». Конечно же, никакого мотоцикла, ему, так никто и не показав, но форму моряка, он всё-таки должен был носить. Шахматист вообще не умел водить мотоцикл, и

соответствующих прав у него не было. Ни в какие разведки он не ходил. Этому, его, даже никто и не учил. Он должен был играть в шахматы и совершенствоваться в этом мастерстве. Тогда он ещё не знал, какую злую роль в его жизни, сыграет его армейская должность и способность хорошо пользоваться способностями своего мозга. После трёхлетней службы в Армии, уже гораздо позже, он станет достаточно известным гроссмейстером, а пока, он был военным, матросом, разведчиком, мотоциклистом, спортсменом, любителем и шахматистом. Видите, как легко, государство, делало из обычного человека, НЕобычного. Это многофункциональное существо, уже переставало принадлежать самому себе. Оно начинало принадлежать «обществу», т.е. – «государству», а значит государство, могло и имело право, распоряжаться этим «существом», по своему усмотрению. Оно – и распоряжалось. И если это «существо» повиновалось своему «хозяину», то было обласкано, а если НЕ повиновалось, то его, и членов его семьи, на жизненном пути, поджидали всякие удивительные неприятности и разочарования.

Служба в Армии закончилась, и наш герой унёс ноги подальше от неё, но в шахматы продолжал играть, и как я уже упоминал ранее, он стал гроссмейстером. У него родился сын, и он тоже стал играть в шахматы, подражая страстям своего отца и пользуясь своими мозговыми способностями.

Наступило то время, когда граждане СовСоюза еврейского происхождения, массово хотели его покинуть и переехать на постоянное проживание в государство Израиль. 70-е, 80-е годы прошлого столетия. Наш герой ни чем не отличался от своих еврейских соплеменников, и тоже наострил лыжи на дальний путь к своей Исторической Родине, где собирались евреи со всего мира. Он собрал и подготовил все необходимые документы, и поехал в Москву, чтобы выстояв громадную очередь, подать эти документы, на выезд из СССРа. Подал! Вот тут то, и произошло то событие в голове Шахматиста, которое раз и навсегда, заставило возненавидеть «Сваю Радную Советскую сРану», и возлюбить «Ненавиственную Американскую Мечту». В мозгу Шахматиста, очень даже осознанно, начали вызревать «Гроздь Гнева». Ему, было отказано в выезде из Страны Советав, по причине того, что он, когда-то, служил в Военной Армии. По мнению «товарищей», с военно-патриотическим травматизмом мозгов и воспитания, он являлся носителем и хранителем «ВОЕННОЙ ТАЙНЫ». Уехав из страны, он мог её предать, и рассказать «ВСЕ СЕКРЕТЫ» про мотоциклы, разведчиков, матросов, любителей и шахматистов. О\*уев от такого развития событий, наш герой впал в бешенство и отчаяние. Он тщетно пытался объяснить «товарищам», что никаких тайн и секретов, он не знает и не знал, потому что проходя срочную воинскую службу на крейсере, в должности мотоциклиста-разведчика, таковым, в реальности, не являлся, а только играл в шахматы «за вооружённые силы». Ему, с упрёком и намёком, «товарищи», настойчиво и членораздельно объясняли, что не стоит так уж сильно

переживать по данному поводу, а следует продолжать жить в «Нашей Великой Стране», и прославлять её Любительский Спорт.

Каждый год, история с подачей документов и отказом, повторялась, а у Шахматиста, с каждым разом, всё сильнее и сильнее, появлялось желание узнать и выведать эти самые, «Ё\*АНЫЕ ТАЙНЫ» и «Ё\*АНЫЕ СЕКРЕТЫ», и в отместку за «мы вас не можем выпустить», рассказать их Всему Свету. Но проблема состояла в том, что как он не «старался», но он не мог «найти» эти «Ё\*АНЫЕ ТАЙНЫ И СЕКРЕТЫ» – так они были «хорошо спрятаны и зашифрованы».

Ближе к концу Союза, ему всё-таки удалось выехать из него.

Такую историю, совсем недавно, мне поведал его сын – гражданин Израиля, потомственный шахматист, достойный и образованный человек, теперь уже взрослый и ведущий с Украиной бизнес. Вся история, её фрагменты и отголоски, происходили параллельно с той Армией, в которой служил и я, были её составляющим, отдельным, маленьким эпизодом, характеризующим всю «её мощь».

А меня не покидают мысли, о реально существующей в те годы, военной должности «мотоциклиста-разведчика», да ещё и «...на военном корабле-крейсере...». В принципе, с фантазией, у меня дела обстоят не очень плохо, но всякий раз помыслив на тему «мотоциклиста-разведчика», мне становится потешно, и заканчивается выводом: «Ё\*\*нутые на всю голову!!!». Я себе это мыслю так: «В своём «родном» порту, где базировался крейсер-корабль, понятное дело, что разведывать было нехер. Во вражеском же порту, для осуществления разведки, можно использовать и мотоциклы в том числе, но для этого – необязательно называть разведчика «мотоциклистом». По такой логике, получается, что ещё должны существовать: «пешеход-разведчик», «автомобилист-разведчик» и «лодочник-разведчик». Про таких разведчиков, я ничего не слышал, кроме, как про «разведчика-водолаза»».

В Армии было много смешного, глупого и непонятного для человека гражданского, а особенно в той Армии, которую создали – Чапаевы, Котовские и Будённые, а не – Деникины, Колчаки и Врангели. Хотя, впрочем, последние, уступили первым – «проиграли». ПОЧЕМУ?! Может быть потому, что те – первые, не были обременены «Правилами и законами ведения войны» и другими, всякими «ненужностями» гуманитарно-человеческого происхождения. Они про эти правила, законы и приличности, слухом не слыхивали, нюхом не нюхивали, и глазом не глазивали. Срать они хотели на них. НЕ понимали, и НЕ принимали. Наверное, ещё и потому, что словосочетанию «Честь имею!», в их революционно-«освободительно»-гопнической идеологии, места не было, а оно, было напрочь вычеркнуто из офицерского словарно-интеллектуального пространства Красной Армии, которую они народили. Они бесцеремонно резали, жгли, давили и топили, в удовольствие себе – насиловали, без оглядки в будущее. Жертвы, принесённые на алтарь «Красной Революции», они оправдывали тем, что созидают «светлое будущее», и вот тогда, когда они его окончательно созидут, то всё будет прилично, мирно, красиво и благородно. А пока...?

Как Вы полагаете, сейчас, в «ИХ АРМИИ», что-нибудь изменилось?  
- ...Ичкерия, ...Грузия, Азербайджан, ...Сирия?

### **Голые или P.S.**

Голых в Армии было много. Государство нас раздевало и одевало, когда купало или проверяло наше здоровье. Оно очень интересовалось нашим здоровьем, всегда. Вот только для чего? Лечить? Смайл! Оно заглядывало во все наши дырочки: ушные, носовые, ротовые, глазные, ж...е и п...е, иногда – в замочные. Нас водили голой или полуголой толпой в бане, в баню, из бани. Там где имела своё начало Армия, там начиналось большое количество голых людей. В гражданской жизни – голые не замечаются, потому что в гражданской жизни – голый человек «очень» одинок. Он сам с собой наедине голым купается, ходит в туалет, и делает ещё «чёрт его знает чего», а в Армии – он строем ссыт и срёт, демонстрируя свою наготу товарищам по оружию, и не делает «чёрт его знает чего». Сначала, индивид, попадая в такую социально-обнажённую среду, испытывает некоторый дискомфорт, но со временем привыкает и атрофирует своё сознание в вопросах смущения собственной наготы, выставленной на показ таких же голых. Это явление присуще тоталитарным социумам, таким как: военная

армия, шахтная или фабрично-заводская баня, тюрьма, концентрационный или пионерский лагерь, комсомольский стройотряд, детсад. Вокруг голости человека, всегда присутствует какая-то движуха. Голые девочки привлекают к себе мальчиков, которые тоже готовы оголиться для употребления первых в духовно-телесную пищу.

Мы все были голыми. У нас не было ничего. У нас были тумбочки. В них были зубные пасты и мыльницы, помазки и бритвы, одеколоны. В них мы нелегально хранили письма от наших родителей, близких, и друзей. Почему Устав ВС СССРа не позволял солдату-освободителю хранить письма в прикроватной тумбочке – я не знаю. Наверное, это было сделано для того, чтобы вырвать наши души из состояния человечности и гуманности, обрубив связывающую нас пуповину, с нормальным мирным обществом – обнажить – сделать голыми – раздеть..., и плодотворно управлять толпой неприкрытых одеждой совести, агрессивных самцов-подростков, служивших в Армии «по призыву», но не «по призванию». Такое отношение Государства, ломает индивидуальность человека, личности. Я это всё видел, прочувствовал, и понял: «В армии должны работать те люди, которые хотят быть военными – НАЁМНИКИ. Иначе, Армия, как среда обитания, становится коллективом «Пушечного Мяса», впрочем, чем и славился Союз Советских, во все годы своего существования. Конечно же – и обезьяну можно научить курить! Но продуктивного солдата, можно только купить. Зарплатой, льготами, почётом и уважением в обществе, компенсацией родственникам – на случай его гибели. Даже – любовью к Родине. Впрочем, как и представителя любой другой профессии. Умоизречение «великого полководца» Маршала Жукова: «...Бабы ещё нарожают...» – это «ИХ» философия, но не «НАША». А солдат – надо беречь! Конечно, когда страна в «Огне Войны», и агрессор угрожает захватом и оккупацией территорий твоего Дома, тогда на помощь Армии, приходит Доброволец, но заставить человека гражданского, умирать за «свои идеалы», не имеет права, ни одно Государство в Мире, и я считаю – это правильно. Человека нельзя делать голым, от этого, он превращается в дикое животное – в зверя, а зверь опасен. От озверения, происходят революции. Имушие, то ли это – отдельно взятый олигарх, то ли это – государство, должны по-настоящему заботиться о своих гражданах, и тогда, все войны прекратят своё существование, и Армии – не станут быть нужными. Говорят, что такое мировоззрение – это Утопия, а я – верю...!

Сегодня 2017 год. Украина. И опять идёт война, а в ней Армия – это главный инструмент. За два десятка лет до моего появления на Этом Свете, Джордж Оруэлл написал сказку-мультфильм «Скотный двор». В итоге, сказка Оруэлла, в очередной исторический раз, оказалась былью. На то время, мои родители уже два десятка лет, как проживали в этой «Сказке», с рождения. Оруэлл изобрёл и озвучил понятие «Холодная Война». Это он – просто, доступно и красочно, охарактеризовал «Красных» и «Белых», «Коричневых» и «Зелёных», «Чёрное» и «Белое», «Рабов» и «Хозяев».



А потом он изобрёл замечательный роман под названием «1984»... А мне, уже, довелось пожить в реальном «1984»-м году. Я там был, я знаю... И больше – НЕ ХОЧУ!!!

Армия – всегда была инструментом, который заставлял и переделывал, уничтожал и созидал, калечил и делал счастливыми людей. Армия – это отражение общества, которое она «охраняет».

Спасибо за то время, которое вы провели вместе с моей писаниной, слушая, читая, узнавая правдиво-лживые сюжеты моей, и вашей тоже, жизни в Армии.